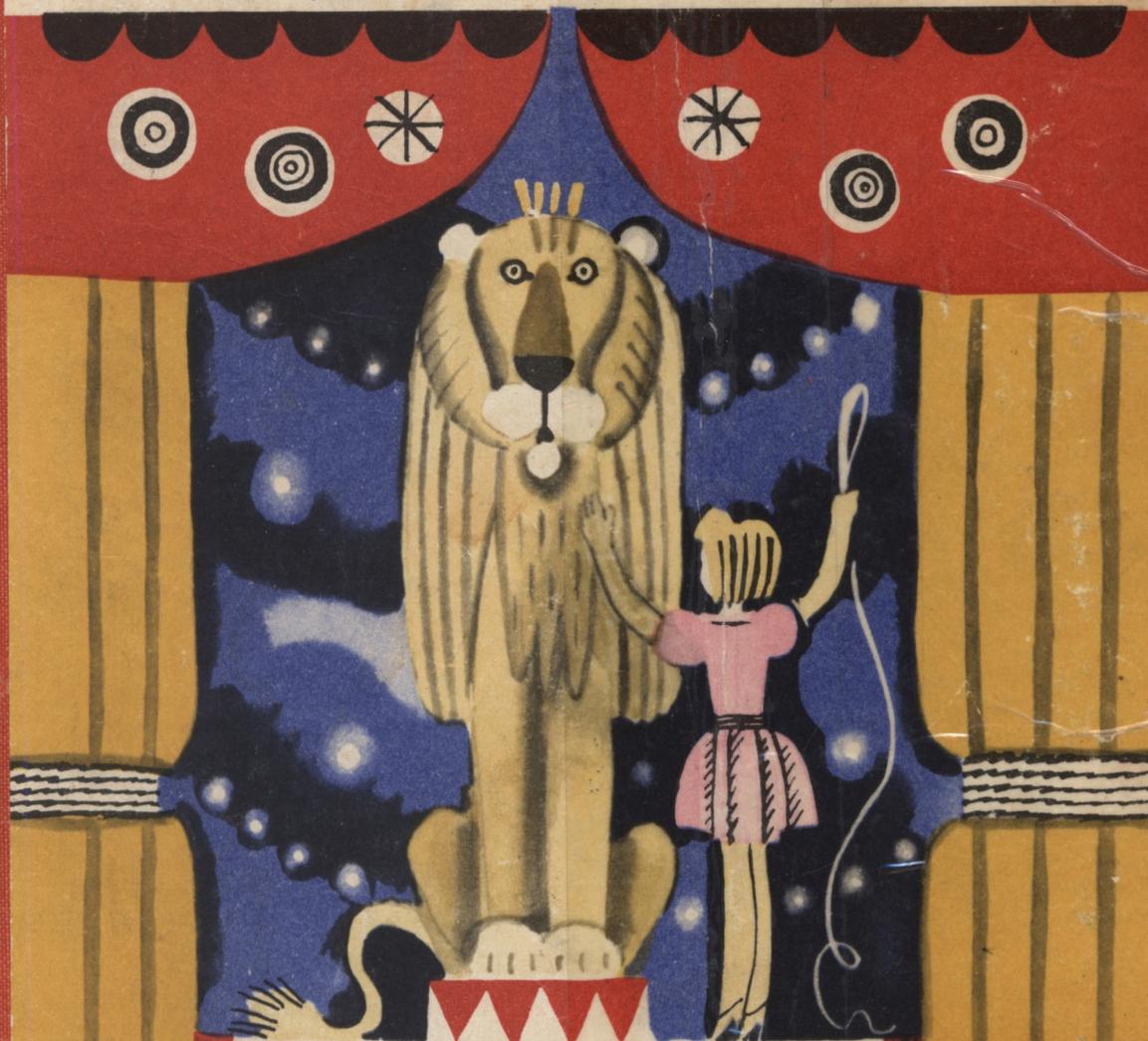

Л · Д А В Ы Д Ы Ч Е В

Л Ё Л И Ш Н А

ИЗ ТРЕТЬЕГО

ПОДЪЕЗДА

9900010032974

Л. ДАВЫДЧЕВ

ЛЁЛИШНА
ИЗ ТРЕТЬЕГО ПОДЪЕЗДА,
ИЛИ

ПОВЕСТЬ О ДОВОРОЙ
ДЕВОЧКЕ, ХРАБРОМ
МАЛЬЧИКЕ, ЗЛОЙ
ДЕВЧОНКЕ, УКРО-
ТИТЕЛЕ ЛЬВОВ,
ДВОЕЧНИКЕ, ПО ПРОЗВИЩУ
ПАРА, СМЕШНОМ

МИЛИЦИОНЕРЕ И ДРУГИХ
ИНТЕРЕСНЫХ ЛИЧНОСТЯХ,
ПЕРЕЧИСЛИТЬ КОТОРЫЕ
В НАЗВАНИИ НЕТ НИКАКОЙ
ВОЗМОЖНОСТИ, ПОТОМУ
ЧТО ОНО И ТАК
ПОЛУЧИЛОСЬ СЛИШКОМ
ДЛИННЫМ.

РИСУНКИ Ю. МОЛОКАНОВА

ЛЕНИНГРАД «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1977

P2
Д13

Издание второе

Давыдычев Л. И.

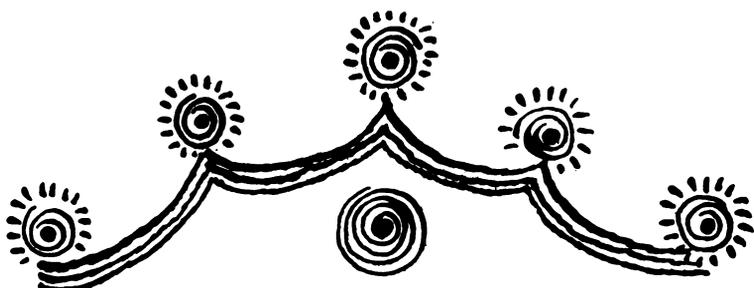
Д 13 Лёлишна из третьего подъезда. Повесть. Изд.
2-е. Рис. Ю. Молоканова. Л., «Дет. лит.», 1977.

159 с. с ил.

Весёлая повесть уральского писателя о школьниках и невероятных событиях, которые происходят в городе после приезда цирка.

P2

Д $\frac{70802-109}{M101(03)-77}$ 173-77

И ЕСЛИ УЖ ТАК СЛУЧИ-
ЛОСЬ, ЧТО ПОВЕСТЬ ЭТА
СВЯЗАНА С ЦИРКОМ, ТО
АВТОРУ НЕВОЛЬНО
ПРИШЛОСЬ ИСПОЛЬЗО-
ВАТЬ СЛОВА, КОТОРЫЕ
ПРИНАДЛЕЖАТ

ЦИРКОВОЕ ПРЕСТАВЛЕ-
НИЕ. КАК ИЗВЕСТНО,
НАЧИНАЕТСЯ С ПАРА-
ДА УЧАСТНИКОВ...
СТОИТ ПЕРЕВЕР-
НУТЬ СТРАНИЦУ,
КАК ВЫ ПОПА-
ДЕТЕ НА ПАРАД
УЧАСТНИКОВ ПОВЕСТИ
„ЛЕДИШНА ИЗ ТРЕТЬЕГО
ПОДЪЕЗДА“.

П А Р А Д

У Ч А С Т -

Н И К О В

Лёля Охлопкова, которую все называют Лёлишна, живёт в нашем доме — в третьем подъезде, на пятом этаже. Ей одиннадцать лет. Живёт она с дедушкой. Родители её умерли.

Хотели Лёлишну взять в детский дом, но дедушка сказал: — Не выйдет.

И заплакал. Он ведь очень старенький, и ему совсем не хотелось оставаться одному.

Потом его хотели взять в дом для престарелых, но Лёлишна сказала:

— Не выйдет.

И не заплакала, потому что хотя и была маленькой, да ещё девочкой, но характер у неё был мужественный.

Она сказала дедушке:

— Пойдём-ка лучше купим мороженого.

Так они и сделали. Сначала им стало весело, однако, когда вернулись домой, дедушка опять чуть не заплакал.

— Ты только слушайся меня, — сказала Лёлишна, — и всё будет замечательно!

— Ладно, — ответил дедушка, — за меня не беспокойся. Я буду вести себя очень прекрасно.

Он выпил валерьяновых капель (тридцать четыре штуки),

прилёг и заснул. Лёлишна поцеловала его в лоб, вышла на балкон и расплакалась, хотя у неё был мужественный характер.

«Бедный дедушка, — подумала она. — Он ведь тоже сирота. У меня мамы и папы нет, и у него мамы и папы нет. Одни мы с ним остались».

Но долго печалиться у неё не было возможности: некогда, забот много. Вряд ли кто из вас поймёт это, разве что некоторые девочки. А кто поймёт, тому и растолковывать не нужно.

Достаточно лишь сказать: Лёлишна была главой семьи. А быть главой семьи, хотя бы из двух человек, — дело трудное и неблагодарное. И главная его трудность заключается в том, что состоит оно из мелких мелочей.

Казалось бы, чего проще — сходить на рынок и в магазины, приготовить обед, прибрать квартиру! А ну попробуйте. И вы увидите самое неприятное: увидите, что время проходит. Да, да, пройдёт несколько часов, а что, собственно, вы успели сделать? Мелкие мелочи. Даже и похвастаться нечем. Все до того привыкли считать работы по домашнему хозяйству не стоящими внимания, что и не замечают их. Но...

НО...

ЕДЯТ! Причём каждый день, причём не один раз и чтоб ВКУСНО было!

Поели, «СПАСИБО» сказали. А кто посуду мыть будет? А кто пол мыть будет? Бельё стирать? Гладить бельё кто будет? Лёлишна всё делала сама. Если дедушка и брался помогать, то лучше бы и не помогал: путал он всё, забывал, всё у него из рук валилось — старенький был дедушка.

На днях он сжёг на сковородке трёх рыб, которых внучка поручила ему зажарить.

— Ах, тебя ни о чём нельзя попросить! — воскликнула Лёлишна.

А дедушка стал уверять, что обожает полусгоревшую рыбу. И в доказательство даже съел одну штуку. А после этого ему стало плохо. И Лёлишна весь вечер просидела у его кровати.

Старый да малый — это очень трудно, но выручала дружба. Дедушка и внучка были верными друзьями.

И если вам часто не хватает времени, то у Лёлишны свободного времени почти не было.

Но, повторяю, характер у девочки был мужественный. Не будь у неё такого характера, я бы и писать о ней не стал.

Э то что такое?

Все участники нашего парада стоят на ногах, а этот...

Лежит!

И спит...

Разрешите представить вам Петьку-Пару, чемпиона по плевкам, известного двоечника.

Спать он может до двух часов дня (если его разбудят, а если нет, то до трёх или четырёх часов).

Будит его бабушка. На эту операцию ей требуется часа полтора, а то и два. Да ещё с половиной.

Сначала бабушка снимает с внука одеяло и выдёргивает из-под его головы подушку. Тогда он суёт себе под голову кулак, а другой рукой закрывает плечо. И спит.

Затем бабушка вытаскивает из-под него матрац.

Петька остаётся на голой раскладушке. И спит.

Бабушка выливает на него стакан холодной воды.

Петька вертится, крутится, но не просыпается.

Бабушка выливает на него ещё стакан холодной воды.

Петька недовольно хрюкает, плюётся, но не просыпается.

Тогда бабушка опрокидывает раскладушку.

Петька стучается об пол и продолжает спать.

Примерно через полчаса он встаёт на четвереньки: холодно лежать на полу! И ползёт, не открывая глаз. Ползёт к коврику.

Но хитрая бабушка ставит на его пути стул.

Петька стук об него лбом и поворачивает в сторону. И опять натывается на стул.

Стукнувшись о стул раз восемь, Петька садится и начинает протирать глаза.

А бабушка уже наготове — стоит с миской в руках. А в миске — каша.

И, ещё не проснувшись, внук широко раскрывает рот, а бабушка складывает туда кашу. Петька глотает.

Съев кашу, он просит:

— Чай!

Бабушка мчится за чаем.

Насытившись, Петька сначала открывает один глаз, а через несколько минут — второй.

Но если вы думаете, что он уже проснулся, то ошибаетесь. Бабушка берёт его под мышки, поднимает и держит так до тех пор, пока внук не перестанет покачиваться.

Она отпускает его и говорит:

— Вот мы и проснулись.

Бывало, что Петька засыпал среди бела дня. Это кончалось тем, что замок в дверях приходилось взламывать.

Мог он уснуть и в трамвае, и в кинотеатре, и в ванне, а уж как крепко спал он на уроках — и говорить не надо! Запечатательно спал.

Ещё любил Петька плевать. Это было его любимое занятие.

В каждом классе Петька сидел по два года; и к этому все привыкли.

Когда его отца вызывали в школу и жаловались на сына, отец говорил:

— Ничего, ничего, гражданка учительница, образумится парень со временем. Вот пойдёт в армию, там из него человека сделают.

— А до армии? — спрашивала учительница.

— Живёт ведь. А что? — невозмутимо спрашивал отец. — Не ворует, людей не убивает. Правда, соображает он плохо-вато. Так ведь не всем же академиками быть.

Но Петька ни дворником, ни академиком быть не соби-рался. Любил он поесть, поспать и поплевать.

Больше Петьку ничего в жизни не интересовало.

В это лето он перешёл в третий класс. Точнее сказать — не перешёл, а переполз.

Вот он в четвёртый класс не перешёл, а точнее сказать — перебежал, так как учился он очень хорошо.

Живёт он в том же доме, что Лёлишна и Петька, в первом подъезде, на третьем этаже.

Когда Виктор во дворе, все могут быть спокойны. Он, если потребуется, остановит любого хулигана, защитит малыша или девочку; синяк под глаз получит, но не убежит от опасности. И вовсе не потому, что он сильнее всех или длиннее. Наоборот — Виктор самого среднего роста, и мускулы у него самые обыкновенные.

Сильным его делает смелость. А откуда он, по-вашему, взял эту смелость? На дороге нашёл? Или взаймы у кого-нибудь попросил? Или на ножичек выменял? Или папа у него космонавт? Нет, нет, нет и нет.

Папа у него бухгалтер, тихий человек. Про таких говорят: мухи не обидит. А смелость на дороге не валяется. Никто её взаймы дать не может. И на ножичек не сменяет.

До второго класса Виктор был трусоват.

Вот гулял он однажды в городском парке, вдруг слышит ребячьи голоса:

— Головешка идёт! Головешка идёт!

Оглянулся Виктор, а к нему подбегает этакий чумазый тип и говорит:

— Давай деньги! Ну!

— Какие деньги? — заикаясь от страха спросил Виктор.

— Твои. А ну давай! — И этакий чумазый тип стукнул его по лбу.

Виктор — бежать.

Прибежал домой весь в слезах, рассказал о том, что сейчас с ним случилось.

— Выходит, что зря мы тебе такое имя дали, — сказал отец. — Придётся его сменить. Виктор — значит победитель. Зовут тебя победителем, а ты никого победить не можешь. Какой-то головешки испугался.

— Он меня по лбу! Кулако-о-о-ом!

— Будет так, — рассердился отец, — или ты становишься победителем, или мы меняем тебе имя!

Задумался Виктор. К имени своему он привык — хорошее имя, красивое.

Виктор — победитель. Чтобы оправдать имя, надо быть смелым. Но как стать смелым? Надо тренироваться, учиться быть смелым.

А как???

А вот так: не бояться, и всё! И Виктор пошёл в городской парк.

И сразу увидел Головешку — такового чумазого типа.

Как и следовало ожидать, тип подскочил, скомандовал:

— А ну давай деньги!

— Денег у меня нет, а если бы и были, то ничего бы ты не получил.

— Зато ты получишь! — крикнул Головешка и стукнул его.

Виктор реветь — и наутёк.

Добежал он до выхода из парка и остановился. Что же такое получилось? Опять победителя победили?

По щекам его текли слёзы, но он двинулся обратно. Головешка, увидев Виктора, захохотал.

Однако долго ему хохотать не пришлось.

Виктор закрыл от страха глаза и махнул рукой. И попал Головешке по плечу.

Тот дал сдачи. Виктор стукнул его по лбу.

Народ собрался. Девчонки визжат, попискивают. Мальчишки советы дают.

Вдруг — милицейский свисток. Все — врассыпную. Быстрее всех умчался Головешка. Один Виктор остался. Подходит милиционер Горшков, спрашивает:

— Что тут имело место?

— Победитель побеждал, — с плачем ответил Виктор.

— Какой же ты победитель? — удивился милиционер Горшков. — Во-первых, ревьешь. Во-вторых, нос у тебя расквашен, под глазом синяк и щека расцарапана. Полюбуйся-ка! — Он достал из кармана маленькое зеркальце и протянул мальчику.

— Ого-го! — воскликнул Виктор, увидев свою физиономию точно такой, какой её описал милиционер. — Цветная фотография получилась... Меня Виктором зовут, — объяснил он, — а это значит победитель. Вот я и решил смелым стать, не трусить. Раньше я от Головешки бегал, а сегодня не убежал.

— От Головешки? — спросил Горшков. — Знаю такого. Ну ладно, ты не убежал. Зато ревел.

— Ну и что? Просто рот забыл закрыть.

— А как сейчас самочувствие?

— Ничего, только пить хочу.

И милиционер угостил Виктора газированной водой с вишневым сиропом.

А на прощание сказал:

— Во-первых, когда побеждать будешь, рот закрывай. Во-вторых, когда подрастешь, приходи в милицию работать. Нам смелые люди очень нужны.

Домой мальчик шёл гордый и весёлый. Сегодня он действительно был победителем, хотя нос у него был расквашен, под глазом красовался синяк, а щека была расцарапана. Сегодня Виктор действительно победил свою трусость.

Только не надо думать, что дальше у него всё шло гладко. Нет, как и всякое плохое качество, трусость уничтожить было трудно.

Она просыпалась в минуты опасности почти каждый раз. И каждый раз с ней надо было бороться. И каждый раз Виктор её побеждал.

Он тоже самый смелый человек. Ведь если даже обыкновенная кошка, какая-нибудь там Муська или Дуська, исцарапать может, то львы, сами представляете, на что способны. Хлоп лапой — и, как говорится, каюк!

Конечно, на поясе Эдуарда Ивановича висели пистолеты, но патроны в них были не настоящие — холостые, потому что стрелять в цирке нельзя: можно случайно попасть в зрителей.

Правда, на всякий случай были ещё шланги, чтобы поливать зверей водой, если они взбунтуются.

Были у Эдуарда Ивановича и помощники. Во время представления они стояли наготове с длинными железными палками в руках. Но стояли они за клеткой.

Так что единственным оружием дрессировщика был бич, которым он щёлкал, как стрелял.

— Почему львы вас слушаются? — часто спрашивали Эдуарда Ивановича зрители.

— А потому что я нахал и обманщик, — смеясь, отвечал он. — Я нахально обманываю их, доказывая, что я будто бы их сильнее. Как только они догадаются, что я их слабее, так они меня — ам!

Вам, конечно, интересно узнать, как он стал укротителем. Цирк он любил с детства и, когда подрос, пошёл туда работать. Был он и рабочим, и кассиром, и контролёром, а потом стал ассистентом жонглёра, то есть помощником его. А потом и сам стал жонглёром. Хищники ему нравились, но он и вообразить себе не мог, что когда-нибудь войдёт в клетку к зверям.

Однажды во время представления укротителю львов стало плохо. Он был пожилым человеком и неожиданно почувствовал, что сердце у него вот-вот разорвётся. Он шагнул к выходу и упал.

Упал он лицом вниз. А хищникам нельзя показывать спину. Они обязательно бросятся на неё.

Ещё никто не успел сообразить, что же произошло, как Эдуард Иванович, стоявший у выхода на арену, открыл дверь в коридор из железных прутьев (по этому коридору львов выпускают на арену).

Он выбежал на манеж, подхватил дрессировщика под мышки и вытащил в безопасное место.

А львы словно обезумели — заметались, подняли страшный рёв. В цирке началась паника.

Можно было бы подождать, когда публика выйдет из помещения, и загнать зверей в клетки потоками воды из шлангов. Но делать этого не хотелось. В цирке есть закон: доводить любой номер до конца.

И Эдуард Иванович во второй раз вышел на арену к метавшимся львам. Он взял бич, щёлкнул им, как выстрелил.

У него было такое весёлое, такое бесстрашное лицо, что зрители сразу успокоились, подумали, будто так и надо было. А Эдуард Иванович щёлкал бичом, наступал на львов, загонял их в коридор из железных прутьев.

И улыбался.

Когда последний лев был изгнан с арены и закрыт в клетку, молодой жонглёр стал раскланиваться перед довольной публикой как ни в чём не бывало. Как будто всю жизнь он только то и делал, что укрощал львов.

Старый дрессировщик обнял его, расцеловал и проговорил:

— Я больше работать с ними не могу. Они уже не будут меня слушаться. Бери моих львов.

Так Эдуард Иванович стал укротителем.

Интересная и опасная была у него профессия. Но какие бы с ним ни приключались беды и несчастья, он никогда не унывал.

Как-то ему пришлось проводить репетицию ночью. В цирке никого не было, кроме нескольких рабочих и уборщиц. И вдруг свет погас.

Наступила полная темнота. Укротитель, стоя посередине арены, не только не видел, но и не слышал сразу притаившихся львов и львиц.

А они его и слышали и видели.

Что делать?

Он щёлкнул бичом. Осторожно попятился. И прислонился спиной к решётке. И тут вспыхнул свет.

В трёх шагах от себя Эдуард Иванович увидел двух львиц, приготовившихся к прыжку.

— Ай-я-яй! — сказал им дрессировщик. — Как вам не стыдно! А я-то думал, что вы меня любите. А вы решили меня слопать? По местам!

И он продолжил репетицию.

Я бы с удовольствием не написал о ней ни строчки, если бы она не участвовала в представлении.

Ей десять лет. Всего десять лет!

Но за свою небольшую жизнь она ухитрилась сделать людям столько неприятностей, сколько другому не сделать и за двести лет. Можно сказать, что она только тем и занималась, что злилась. И со злости творила всякого рода безобразия.

Ростом она маленькая, худенькая, вёрткая.

Пулей вылетит из подъезда. Стукнет кого-нибудь по за- тылку и обратно — пулей в подъезд, домой!

Однажды Сусанна проколола гвоздём футбольный мяч: ткнула в крышку — и ши-и-и-и...

Двадцать мальчишек — сорок ног — бежали за ней.

И её — две ноги — не поймали!

Кстати, это она научила Петьку-Пару плевать. Сказала ему, что если целый день плевать на одно место, то к вечеру на этом месте вырастет белый гриб.

Петька плевал, плевал, плевал, плевал...

Никакого белого гриба, даже мухомора, конечно, не выросло, а плевать понравилось. Привык.

Даже Виктор Сусанны побаивался. А что делать?

Бежит мальчишка, она ему подножку — раз! Он плюх на землю, искры из глаз, голова гудит; вскочит — на Сусанну с кулаками.

Она — реветь и звать на помощь.

Люди видят: стоит девочка, плачет в четыре ручья (по два из каждого глаза), а её хотят бить. И все — ей на помощь.

Вот она какая, Сусанна Кольчикова.

*ПРОДОЛЖАЕМ
ПАРАД
УЧАСТНИКОВ
НАШЕГО
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ*

Вот как мы с ним познакомились. Был я в командировке, ждал поезда на маленькой железнодорожной станции.

Наступила ночь. До поезда оставалось часа два.

Смотрю — на скамейке под фонарём сидит человек и... У меня от удивления, как говорится, глаза на лоб полезли, а от страха волосы на голове зашевелились.

Ведь человек этот поднимал с земли гальки, подбрасывал их в воздух, и они падали ему в рот.

Я начал считать гальки. Одна... Десять... Тридцать шесть...

Человек поднял гальку величиной с кулак, подбросил в воздух — и проглотил!

Заметив меня, он сказал:

— Присаживайтесь.

А я подумал: «Вдруг он возьмёт меня, подбросит в воздух и проглотит?!»

— Садитесь, — снова предложил мне этот странный человек, — отдыхайте.

Я присел, а он продолжал глотать гальки.

— Что вы делаете?! — в ужасе спросил я.

— Закурить есть? — спросил этот странный человек.

— Некурящий.

Тогда он сунул руку в карман моего пиджака и достал оттуда сначала портсигар, затем спички, закурил, поблагодарил и положил спички с портсигаром мне в карман.

Я сунул туда руку — пусто.

Тогда он на моих глазах проглотил горящую папиросу, достал из уха новую, проглотил её и достал новую — из моего ботинка.

— Хватит! — весело сказал этот странный человек, видимо почувствовав, что я собираюсь бежать. — Просто я фокусник. Вот тренировался. Понравилось?

— Нет, — ответил я.

Человек опустил руки, и из обоих рукавов на землю выпались гальки, в том числе и та, величиной с кулак.

Посмеялись мы и разговорились.

Родители моего нового знакомого — Григория Васильевича — хотели, чтобы он рос не как другие дети. Его не отпускали одного играть на улицу. В школу и обратно домой его сопровождала мама. Ребёнок рос избалованным, капризным. Родители мечтали, чтобы он прожил жизнь уютно, беззаботно.

Но однажды Гришу привели в цирк. Видел он и ловких гимнастов, и сильных борцов, и смелых дрессировщиков, и весёлых клоунов, и красивых наездниц...

И здесь же, на представлении, он решил во что бы то ни стало быть фокусником — человеком, которому никто не верит.

И стал им. И выпала ему жизнь не уютная, не беззаботная, а суматошная, беспокойная, даже тревожная. Профессия фокусника не такая уж лёгкая, как может показаться на первый взгляд.

Фокуснику никто не верит. Никто, ни один человек! Зрители пожалеют оступившегося гимнаста, поскользнувшуюся наездницу, простят грубые шутки клоуну, но, когда выходит на манеж фокусник, все зрители мысленно желают ему неудачи. Кое-кто считает его просто обманщиком. Ведь зрители смотрят во все глаза и сердятся, потому что не могут заметить, откуда в бумажном кулке оказывается вода или как куриное яйцо мгновенно превращается в живого петуха.

... Когда в ваш город приедет цирк шапито, приходите на представление и не жалейте ладоней — хлопайте артистам, этим неутомимым, сильным, ловким и смелым труженикам!

Жизнь у Головешки была в высшей степени скучная. Он даже читать не любил. Да чего там читать, он даже в футбол не играл.

А Горшков ему одно твердил:

— Думай. Включай свою мозговую систему на полную мощность.

Нет уж, если жизнь не удалась, никакая тут система не поможет, сколько её ни включай! Вот раньше, когда с жуликами дружил, жить было интересно. Воровать Головешке (а так его прозвали за то, что он был черноволосый и всегда чумазый), скажем прямо, понравилось. Конфеты ел, в кино каждый день ходил, мороженое по нескольку штук за один раз сглатывал, по целой бутылке фруктовой воды выпивал и целой булкой закусывал. И он очень, помнится, удивился, когда его забрали в милицию. Испугался.

Ничего не понял: ведь до этого он не задумывался над тем, что берёт чужие деньги, что совершает преступление, что не будь он маленьким, то за свои делишки угодил бы прямо в тюрьму.

Головешка выслушал Горшкова с величайшим вниманием. Раскаяние его было настолько очевидным, что разговор в милиции занял не более получаса.

Однако на другой же день милиционер явился к нему домой и долго разговаривал с матерью, Ксенией Андреевной, расспрашивал её о жизни.

Мать, конечно, расплакалась: сын растёт непутёвым, без присмотра. А она больная, вот уже несколько лет не встаёт с постели. И если бы не соседка тётя Нюра, то неизвестно, как бы и жили. Лечить-то лечат, а вылечить не могут.

Головешка был благодарен Горшкову, что тот не рассказал о карманных кражах. А то бы мать совсем расстроилась.

Потом милиционер побывал в школе и через месяц примерно добился, чтобы мальчишку перевели в интернат.

Но Головешка опять связался с жуликами. Горшков опять его поймал. На этот раз разговор в милиции был куда строже. Тут мальчишка впервые услышал слова «неподдающийся» и «колония». И на этот раз Горшков рассказал Ксении Андреевне всё.

— Только в интернате не говорите! — взмолился Головешка. — Я тогда оттуда убегу!

— Ты не пугай, — строго сказал Горшков. — Условия не ставь. Мы тебе условия ставить будем.

— Вы уж его больно-то не ругайте, — попросила Ксения Андреевна, — он у меня переживательный очень.

— Он у вас несознательный очень, — поправил Горшков. — Зря вы его жалуете.

— Да как же мне его не жалеть? Ведь он у меня один. Он одна моя надежда на старость.

— «Надежда, надежда!» — проворчал милиционер. — Если его сейчас же в руки не взять, не приструнить, он вам такую старость организует, что наплачетесь.

И не стало Головешке покою. Горшков от него не отставал, всё хотел чем-нибудь увлечь. Хоть бы футболом! На стадион его бесплатно проводил. Ничего не получалось. Ничем не интересовался Головешка. Ничем.

Ох и злился Горшков! И на себя, и на мальчишку. Зачем он только связался с ним? У самого-то жизнь — хуже не придумаешь. Мечтал работать в уголовном розыске, чтобы бороться с настоящими преступниками, а его держали, как он выражался, на мелкой рыбе.

И только изредка товарищ майор из уголовного розыска брал Горшкова с собой на опасные задания.

Роста Горшков был двухметрового.

— Потому тебя и не берут в розыск, — шутили товарищи, — что твою фигуру за восемь с половиной километров видно.

Зато уж жуликов Горшков не приводил в милицию, а, можно сказать, приносил за шиворот. Иной раз по две штуки в каждой руке.

На **э**том
ПАРАД УЧАСТНИКОВ
ЗАКАНЧИВАЕТСЯ.

НАЧИНАЕМ
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ!

*Переворачивайте страницы,
ЧИТАЙТЕ, ПОКА НЕ НАДОЕСТ!*

Н А Ч И Н А Е М

Н А Ш У

П Р О Г Р А М М У!

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Открывает первое отделение

ПЕТЬКА-ПАРА.

Он сидел на балконе и плевал. И вдруг увидел на соседнем балконе Лёлишну, закричал радостно:

— Эй ты, сирота, съела кошку без хвоста! — Он мяукнул, потом гавкнул, потом крикнул петухом. — Лёлька, Лёлька, пирбемолька! Кошка, мошка, драндулет! Мыло, сало и паркет!

— Не дразнись, пожалуйста, — попросила Лёлишна.

— А мне делать нечего, — признался Петька.

— Иди поспи, — посоветовала Лёлишна.

Петька вернулся в комнату, прилёг на диван. Уснул.

Бабушка, уходя на рынок, забыла взять ключ. Придя домой, она все руки отбила о дверь.

Соседи выходили на помощь — тоже стучали.

— Петю будят, — сказала Лёлишна дедушке, когда они вышли во двор посидеть на скамеечке.

— Бедный ребёнок, — сказал дедушка, — они сломают дверь, а ему попадёт.

Выходил дедушка на улицу редко, так как ему было тяжело подниматься на пятый этаж. Несколько раз Лёлишна обращалась в домоуправление с просьбой поменять квартиру. Но грозный домоуправляющий товарищ Сурков говорил одно и то же:

— Разберёмся.

Пока он разбирался, дедушка не имел возможности гулять каждый день.

Вот об этом они с Лёлишной и разговаривали, когда к ним подошёл высокий усатый человек в голубом пиджаке и спросил:

— Где здесь тридцать восьмая квартира?

— Она во втором подъезде, на пятом этаже, — ответила Лёлишна, — но вам в неё не попасть. Петя уснул.

— Если Петя уснёт, — объяснил дедушка, — его и пушкой не разбудить. У него феноменальный сон.

— А что мне делать, — спросил усатый человек, присев на свой огромный чемодан, — если я феноменально устал, а отдыхать мне негде?

— А вы кто такой? — спросил дедушка.

— Я дрессировщик, — раздалось в ответ, — укротитель львов. Работаю в цирке шапито.

Дедушка с Лёлишной испуганно встали, словно перед ними был не укротитель, а лев.

— Зовут меня, — усатый человек встал, — Эдуард Иванович. Жить мне в вашем городе месяца три. На это время дирекция сняла мне комнату. Тридцать восьмая квартира в этом вот доме. Я только что с поезда. Устал, а тут...

Лёлишна сказала:

— Ни разу в жизни не разговаривала с живым дрессировщиком.

— Я тоже, — сказал дедушка и обиженно спросил: — А почему вам, Эдуард Иванович, обязательно жить у этого феноменального сони?

— У нас тоже две комнаты, — сказала Лёлишна, — и одну мы спокойно можем отдать вам.

— С большим удовольствием, — добавил дедушка, — если, конечно, львов с собой приводить не будете.

— Не буду, — весело пообещал Эдуард Иванович. — Согласен поселиться у вас. Но есть вопрос: какие у вас характеры?

— У неё хороший, — кивнув на внучку, ответил дедушка. — А у меня так себе, средний.

— Терпимо. — Укротитель опять улыбнулся. — Домой я прихожу довольно поздно, но зато в цирк вы сможете ходить бесплатно и хоть каждый день. Вас это устраивает?

Это очень устраивало Лёлишну с дедушкой!

Эх, если бы знал Петька, кого он проспал!

Второй номер нашей программы исполняет ЗЛАЯ ДЕВЧОНКА СУСАННА КОЛЬЧИКОВА.

Она появилась во дворе нарядно одетой: в голубом, с белым воротничком платьице, на макушке — огромный голубой бант.

Самые страшные свои злодеяния Сусанна совершала именно нарядно одетой. Ведь тогда она выглядела паинькой, скромницей, и люди забывали, какая она на самом деле.

Едва она вышла из подъезда, как все малыши бросились врассыпную. А бабушки, сидевшие с вязаньем в руках, стали настороженно следить за каждым её шагом.

Но она — маленькая, худенькая, нарядная — не человек, а кукла из магазина «Детский мир», — гуляла, скромно опустив глазки. И бабушки успокоились. И малыши вернулись на свои места.

А Сусанна зорко посматривала по сторонам, выбирая жертву для очередного злодеяния.

Интересной жертвы не было. И она (то есть Сусанна) начала злиться. Стала покусывать губки. Сжала кулачки. И опустила ножку на песочный домик.

Малыш — строитель домика — заревел.

На личике злой девчонки появилась улыбочка.

Бабушки забеспокоились. Малыши заволновались.

Но Сусанна снова скромно опустила глазки, разжала кулачки, перестала покусывать губки и вновь превратилась в куклу из магазина «Детский мир».

Из подъезда вышла Лёлишна.

— Опять Петя уснул, — озабоченно сказала она. — Бабушка на лестнице плачет, а он спит.

— Как замечательно! — радостно прошептала Сусанна. — Так ему и надо! Так ему и надо! Так им всем и надо!

— Ты что? — удивилась Лёлишна. — У них несчастье, а ты...

— А громко бабушка ревет? — перебила Сусанна. — Ах, как обожаю, когда старушки плачут! Пойду посмотрю! Очень интересно!

И злая девчонка вбежала в подъезд.

Но бабушки она не увидела: бабушка сидела у соседей и уже не плакала, а пила чай.

Разозлившись, Сусанна постучала в Петькину квартиру. И — что бы вы подумали? — Петька сразу проснулся. Вернее, не проснулся от стука, а просто выпался.

Он открыл дверь и спросил, зевая:

— Чего надо?

— А ты что делаешь, Петенька? — спросила Сусанна.

— Да вот квартиру караулю, — зевая, ответил Петька. — Дрессировщика какого-то поджидаю. То ли собак, то ли

куриц он дрессирует, не знаю. Мы ему комнату сдаём. В цирк будем бесплатно хоть каждый день ходить. Тебе-то что тут надо?

— Замечательно! Замечательно! — Сусанна даже подпрыгнула. — Что я придумала! Что я придумала!

И так как она была в нарядном платьице, с бантом на макушке, Петька забыл, какая она на самом деле.

— Заходи давай, — предложил он, — а то я один-то опять усну.

— Что я придумала! — перепрыгнув через порог, воскликнула Сусанна. — Ах, Петюнчик ты миленький. Петюшечка ты замечательный, золотце!

— Ты не обзывайся, а говори.

— Петюлечка ты дорогая! И почему это все считают тебя соней? Только и слышишь: «Пара-засоня!», «Засоня-Пара!»

— Да ну? — Петька сделал вид, что очень удивлён. — Я им... — Он погрозил кулаком.

И зевнул.

— Правильно, Петюнчик! Правильно! — сказала Сусанна ласково. — Ты им должен доказать, что они врут. Раз они считают тебя соней, ты сиди и дверь не открывай. Ни за что не открывай. Сиди и молчи. А потом, когда все заревут, открой дверь и скажи: «А я и не спал. Но раз вы считаете меня будто бы соней...»

— Попадёт, — испуганно протянул Петька.

— А я здесь буду. С тобой. Скажу, что всё это я устроила.

— Всё равно попадёт. Мне больше, тебе меньше.

— Зато всех проучишь! Не будут тебя больше соней дразнить! Уважать тебя будут!

— Подумать надо...

И тут раздался стук в дверь.

— Не открывай, не открывай, не открывай! — шептала Сусанна, цепко держа Петьку за руку.

В дверь колотилось кулаков шесть — не меньше.

— Попадёт, попадёт, попадёт! — шептал Петька.

— Не открывай, не открывай, не открывай...

— Попадёт, попадёт, попадёт...

Вдруг — тишина.

— Ломать будут, — всхлипнув, сказал Петька. Он и в спокойной-то обстановке всегда туго соображал, а сейчас вообще

понять не мог, что происходит. — Ломать будут! — жалобно повторил он. — Попадёт...

— Иди, — Сусанна подтолкнула его к дверям, — скажи им...

Он, хныкая, направился в коридор, остановился у дверей и заревел во весь голос.

Но было уже поздно. Замок взломали. Дверь открылась.

— Засоня ты, соня! — сказал отец.

— Жизни моей больше нет! — сказала бабушка.

— Это не я! — с рёвом ответил Петька. — Не мне по за-тылку надо, а Сусанне! Она меня за руку держала! Дверь не давала открывать! Можете проверить! Можете у неё спросить! Тут она! Сама обо всём расскажет!

Обыскали всю квартиру. Даже на балкон выглянули. Злой девчонки нигде не было. Ни-где! Ис-па-ри-лась! У-ле-ту-чи-лась!

Пришлось Петьке отвечать одному. И за то, что соня, и за то, что соврал насчёт Сусанны. Но он не плакал. Он думал о том, куда могла деться злая девчонка.

А попало ему здорово. Так попало, что я даже не буду описывать как. Сами догадайтесь. Но **повторяю**: он не плакал. Он думал о мести.

НЕВЕРОЯТНЫЙ ПРЫЖОК!
Только в нашей программе!
НЕВЕРОЯТНЫЙ ПРЫЖОК!

Куда же исчезла Сусанна? И как?

А вот как.

Вышла она на балкон. Пятый этаж. Никуда не спрячешься. Любой человек на её месте растерялся бы. Но Сусанна не растерялась. Она перелезла через перила.

О чём, интересно, думала она в этот момент?

А думала она о том, как попадёт Петьке-Паре. Причём ему попадёт ещё больше, если она исчезнет из его квартиры. Ведь Петька обязательно скажет, что всё это придумала она, а её нет!

Пятый этаж. Правда, расстояние между балконами не-большое, но какой надо быть злой, чтобы...

Сусанна прыгнула!

Хихикая, перелезла через перила соседнего балкона, одёрнула платице, вновь превращаясь в куклу из магазина «Детский мир». И шагнула в комнату.

Лёлишнин дедушка пил молоко. Увидев девчонку, он выронил из рук чашку.

Сусанна бросилась к выходу, но споткнулась и упала.

Раздался стук — это её голова ударилась об пол. Виинииинииизг раздался.

Если бы я был злым человеком, то хохотал бы сейчас во всё горло. А если бы я был совсем злым человеком, то написал бы, что она завизжала, как поросёнок. Но я пожалел Сусанну: так здорово она грохнулась.

А ещё больше мне жаль дедушку. Ведь он очень испугался. Сусанна тоже испугалась, и на четвереньках уползла в коридор. А дедушка долго-долго не мог прийти в себя.

Когда Сусанна вышла во двор, на лбу её красовалась огромная шишка. Малыши дружно рассмеялись. Бабушки всплеснули руками, и клубки шерсти раскатились в разные стороны.

Сами понимаете, как rrrrrразозлилась Сусанна!

И наступила тишина.

Шишка на Сусаннинном лбу стала разноцветной.

Кажется, впервые в жизни злая девчонка разревелась по-настоящему, от всей души, а не для того, чтобы кого-нибудь подвести или что-нибудь выпросить. Она ревела так громко, что ничего не видела и не слышала. А малыши прыгали вокруг неё и пели:

— Так тебе и надо! Так тебе и надо!

А бабушки прихлопывали в ладоши. И даже при-топ-ты-ва-ли.

На балконе появился Петька. Увидев Сусанну, он что, по-вашему, сделал? Конечно, плюнул. Но промахнулся.

— Эй, ты! — крикнул он. — Берегись! Я из тебя котлету сделаю!

И плюнул. И опять промахнулся. Потому что очень нервничал.

***Продолжаем нашу программу.
Выступают артисты разговорного жанра —
БАБУШКИ И ДЕДУШКА.***

Лёлишнин дедушка, придя в себя после внезапного появления Сусанны, сказал:

— Это безобразие. Надо принимать меры.

Но какие меры и как их принимать, дедушка не знал. Он сидел, пил молоко и повторял:

— Это безобразие.

Вдруг раздался резкий звонок. Дедушка открыл дверь и увидел двух бабушек.

— Это безобразие, — сказали они, — надо принимать меры.

— Правильно, — согласился дедушка, — это феноменальное безобразие. Прошу вас в комнату.

Но бабушки даже порога не перешагнули, сказали:

— Надо её наказать, обязательно надо наказать. Обязательно и феноменально.

— Правильно, — опять согласился дедушка, — надо её наказать. Феноменально и обязательно.

Тут бабушки переглянулись между собой и спросили: —

— А кого наказать?

— Её, — ответил дедушка.

— Кого — её?

— Я забыл, как её зовут, — виновато признался дедушка.

— Ха! Ха! Ха! — ответили бабушки. — Он забыл, как зовут его внучку! Смешно в высшей степени!

— Я не забыл, как зовут мою внучку, но...

— Её, её надо наказать! — перебили бабушки. — Она изуродовала нашего ребёнка! Сделала ему шишку! На лбу! Ужас!

— Неправда. Шишку вашему ребёнку сделал, видимо, я.

— Вы?!

— Я. — Дедушка виновато улыбнулся. — Понимаете, я пил молоко, кипячёное конечно, и ноги мои в это время были вытянуты, а ваш ребёнок запнулся и...

— Ах! — воскликнули бабушки и пошатнулись, и стукнулись друг о друга. — Вас надо отвести в милицию. Нет, вас надо знаете куда? В тюрьму!

— Меня?!

— Вот именно — вас!

— Пожалуйста, — вздохнув, согласился дедушка. — Если вы считаете, что я виноват, — пожалуйста. Но я думаю, что виноват не я, а ваш ребёнок.

— Он не может быть виноват!

— Он виноват, — упрямо, но тихо возразил дедушка. — Из-за него, то есть из-за неё, я испугался и пролил стакан кипячёного молока.

— А чего это он испугался? — спросили друг друга бабушки.

— А как она попала в нашу квартиру? — спросил дедушка.

— Как она попала в его квартиру? — спросили бабушки насмешливо. — Ха! Ха! Ха! Уж не хочет ли он сказать, что она прилетела в окно?

— Да, я хочу сказать, что она вроде бы прилетела. Толь-

ко не в окно, а на балкон. — И дедушка неуверенно добавил: — Ха. Ха. Ха.

Бабушки сказали:

— Пожилой человек, а врёт.

— Я не вру, — покраснев от обиды, сказал дедушка. — Даю вам честное пенсионерское, что ваш ребёнок вошёл не в дверь, а откуда-то появился на балконе.

— Всё ясно, — покачав головами, озабоченно сказали бабушки, — его надо отправить не в тюрьму, а посадить в больницу.

Больницы и врачей дедушка боялся больше всего на свете. Поэтому он испуганно захлопнул дверь и убежал в комнату.

В это время проснулся Эдуард Иванович.

— Я спал, как Петька из тридцать восьмой квартиры, — сказал он. — Что тут происходило? Сквозь сон я слышал стук, визг, звонок и разговоры. Что случилось?

— Случилось безобразие, — ответил дедушка, — я попал в историю.

— Пустяки, — успокоил его дрессировщик. — Вся жизнь состоит из того, что попадаешь в истории. Главное, чтоб вас не съели. Всё остальное — пустяки. Ну, я на вокзал. Приходит поезд с животными. Как-то они перенесли дорогу? Гастроли начинаются через три дня. Надеюсь, что вы с внучкой будете частыми гостями в нашем цирке.

И дедушка сразу повеселел. Он очень любил цирк. Он даже забыл спросить: а кто же и за что может его, дедушку, съесть?

Весь вечер у ковра **ПЕТЬКА-ПАРА!**

Петька караулил Сусанну.

А она лежала дома на кровати, а вокруг бегали: две бабушки, одна мама и один папа.

Они часто налетали друг на друга, спотыкались, хватались руками за голову и сердце, потому что не знали, как спасти любимого ребёнка.

Ведь любимый ребёнок заявил:

— Если не будете меня слушаться, я умру. Или купите мне тигрёнка. Живого. Полосатого. С хвостом. Такого, какой на афише нарисован.

— Солнышко моё! — воскликнула одна мама. — Мы бы тебе целого тигра купили, но их не продают.

— Не продают, — подтвердил один папа.

— Не продают, — подтвердили две бабушки.

— Меня это не интересуе! — крикнул любимый ребёнок и закрыл глаза. И простонал.

— Доктора! Доктора! — закричали две бабушки.

— Врача, — прошептала одна мама.

— Доктора! — приказал один папа.

— Тигрёнка! — громче всех крикнул любимый ребёнок.

И снова забегали, засуетились, заспотыкались, заналетали друг на друга: две бабушки, одна мама и один папа.

Всё это Петька слышал. И захотелось ему на это посмотреть. Он влез на водосточную трубу, откуда до открытого окна было рукой подать.

«Тигра захотела! — подумал он. — Сама ты тигра бесхвостая! Я тебе покажу тигра!»

Хотел Петька слезть на землю, но не смог оторвать ни ног, ни рук. Прилип. Труба-то была недавно покрашена — он это заметил ещё тогда, когда лез.

А сейчас вот прилип. Да накрепко.

Подошла Лёлишна, спросила:

— Что делаешь?

— Ничего, — ответил Петька, — просто так.

— Слезай. Труба выкрашена.

— Зачем это я слезать буду, если мне здесь нравится?

— Вымажешься.

— Ну и что? Чего ты ко мне пристала?

Подошёл Виктор, спросил:

— Пара, ты что тут делаешь?

— Ничего, — ответил Петька, — просто так.

— По-моему, он прилип, — сказала Лёлишна, — но не сознаётся.

— Пара, ты прилип? — спросил Виктор.

— И чего вы ко мне пристали? — возмутился Петька. — Нельзя человеку на трубе посидеть!

— Ты, пожалуйста, сиди, — сказала Лёлишна, — сиди сколько тебе угодно. Но мне кажется, что ты прилип.

— Да, прилип, — гордо отозвался Петька, — а какое ваше дело? Что, нельзя человеку и прилипнуть?

— Можно, — насмешливо согласился Виктор. — А как отлипать будешь?

— Не знаю, — сказал Петька, — просто понятия не имею. Больно отлипать-то. Как начну руку тянуть... о-о-ой!

— По-моему, надо ждать, — задумчиво произнесла Лёлишна. — Надо ждать, когда он оторвётся. Рано или поздно краска высохнет, и тогда...

— Что тут происходит? — раздался грозный голос, и ребята увидели в окне Сусанниного папу. — Что тебе здесь надо?

— Ничего, — ответил Петька.

— Тогда убирайся отсюда!

— «Убирайся, убирайся»... — проворкотал Петька. — А как? Вы что, не видите? Я прилип.

— Меня это не интересует! — закричал Сусаннин папа. — Если ты сейчас же не уберёшься, я сброшу тебя!

— Нет, вы посмотрите на него! — сказал Петька ребятам. — Ему досталось от любимой доченьки, так он на мне злость срывает. А доченька у него тигра просит.

— Не тигра, а тигрёнка! — снова криком ответил Сусаннин папа. — Уйдёшь ты или нет?

А Петька устал. Но стоило ему расслабить руки, как кожу с ладоней начало тянуть — больно очень.

— Разрешите ему, пожалуйста, повисеть здесь ещё немножко, — попросила Лёлишна Сусанниного папу. — Он бы с удовольствием слез, но прилип.

— Так тебе и надо! Так тебе и надо! — Это уже дразнилась Сусанна, показавшись в окне. — Пара-тара! Пара-фара!

Не успел Петька подумать, как руки оторвались от трубы и он полетел головой вниз.

Он грохнулся на асфальт.

— Отвечать будешь! — гремел голос Сусанниного папы. — Негодяй! Хулиган! Бандит!

Но если вы думаете, что Петька, грохнувшись на асфальт, заревел, то ошибаетесь. Он вскочил на ноги. И плюнул. И не промахнулся — попал в Сусанниного папу.

Что тут началось! Сусанна визжала. Папа её кричал. Бабушки с испуга рыдали.

А мама, упав на колени, воскликнула:

— Будет у нас тигрёнок, только замолчите!

Следующий номер нашей программы несколько задерживается по вине автора.

Прошу извинить меня за непредвиденную задержку. Должен вам объяснить, чем она вызвана.

Мне надо потолковать с вами на одну важную тему.

И очень сложную. И по секрету.

Если кто-нибудь из вас думает, что писатели сидят и сочиняют всё, что им придёт в голову, то ошибается.

Вот с этого и начинается наш с вами секретный разговор. Учтите, что ни в одной книге, которую я написал для взрослых, я об этом даже не упоминал. Только вам расскажу.

Кое-кто из взрослых думает, что нет ничего на свете легче, чем написать книгу. Не верьте. Конечно, я имею в виду не всех взрослых. Есть среди них и такие, которые понимают, что написать книгу — ох, не так просто!

А я люблю писать для вас. Вы-то верите, что, какие бы события ни происходили в книге, не писатель их выдумал. Они были на самом деле.

Ведь самое смешное, самое скучное, самое занимательное, самое страшное, самое светлое, самое злое, самое храброе, самое трусливое, самое тёмное, самое разноцветное выдумывает не писатель, а жизнь. И сколько бы писатель ни выдумывал, никогда ему и не придумать больше того, что бывает в жизни.

Вот, например, всегда ли слушаются герои автора? Как бы не так! Они, то есть герои произведений, частенько совершают поступки, которых от них автор и не ожидал.

Почему?

А вот слушайте.

Когда Петька прилип к трубе, я рассердился на него. Тем более, я вовсе не хотел, чтобы Сусанна прыгала с балкона на балкон. Но всё это случилось — и что мне делать?

Выхожу я из дому, сижу, разговариваю с ребятами про разные разности. А сам о том думаю: почему меня герои не слушаются и что мне с ними в таком случае делать?

Жалуюсь на них ребятам. А ребята смеются. И мне становится смешно.

Всё объясняется просто. Феноменально просто, как сказал бы Лёлишнин дедушка. Оказалось, что и Петька к трубе прилипал, и Сусанна с балкона прыгала. Только я об этом не знал, но догадался.

Считаешь, что придумал, а оно — обязательно было.

*А теперь, уважаемые читатели,
ПРОДОЛЖАЕМ НАШУ ПРОГРАММУ!*

Эдуард Иванович вышел из дому и увидел вымазанного краской Петьку

— Кто это вас выкрасил, молодой человек? — удивлённо спросил укротитель.

— Он сам, — ответила Лёлишна, — к трубе прилипал.

— Я прилип, я и отлип, — пробормотал Петька. — Но попадёт мне здорово. Второй раз за один день.

— Это бывает, — весело сказал Эдуард Иванович. — Мне в детстве иногда по шесть раз за один день попадало, а когда вырос, стало раз по восемь за один день иногда попадать. Главное, чтоб вас не съели. Остальное — пустяки. Честное укротительское. Лёля, я вернусь часов в десять.

Он скрылся за углом дома.

Петька крикнул:

— Ура! Совсем забыл! У нас ведь дрессировщик жить будет. То ли кошек он дрессирует, то ли петухов — не знаю. Только что-то он долго не приходит. Спит, наверно. А это что за гражданин? Откуда?

— Это и есть дрессировщик, — сказала Лёлишна, — и не кошек и не петухов, а львов. И жить он у вас не будет. Он уже у нас с дедушкой живёт.

— Не пугай ты меня! — взмолился Петька. — Самое моё

честное слово: у нас он должен жить. Папка с мамой в деревню уезжают, а комнату одну решили цирку сдать. Да чтоб дрессировщик и меня поддрессировал немного.

— Он к вам и приходил, — объяснила Лёлишна, — а ты спал. И разбудить тебя не было никакой возможности. Мы и позвали его к себе.

Петька плюнул и сказал:

— За это мне тоже попадёт! Ещё как!

— Пойдём-ка отмываться, — предложила Лёлишна. — Придешь домой чистенький, никто тебя ругать не будет.

— Ругать всё равно будут, — мрачно проговорил Петька. — Я один день ничегошеньки не делал, просто целый день на стуле просидел. И всё равно попало. Вот жизнь!

— Да, — согласилась Лёлишна, — тебе тяжело.

— А за дрессировщика мне попадёт. — Петька плюнул. — Так попадёт, что... здорово попадёт, не беспокойся. А может, сменяемся? Ты мне дрессировщика отдашь, а я тебе что-нибудь интересное достану. А?

— Не говори глупостей, — сказала Лёлишна. — И не жалуйся. Иногда тебе попадает очень по заслугам.

Дедушка открыл им дверь и сразу сообщил:

— Меня собираются положить в тюрьму или посадить в больницу. Дорогая Лёлечка, только не больница!

— Будет так, как ты захочешь, — сказала Лёлишна.

И дедушка тут же успокоился.

— Давай отмывай меня, — заторопил Петька, — а то мне попадёт. И всю-то жизнь мне попадает! — с горечью вырвалось у него. — Вы даже себе представить не можете, что у меня за жизнь! Я уж сбежать хотел. Только не знаю, куда бежать. Ведь в школу придешь — ругают, домой придешь — ругают, спать ложишься — ругают, спишь — знаю! — ругают, проснёшься — то же самое.

— Мне тоже часто попадает, — сказал дедушка, — только мне попадает в вежливой форме, а тебе, видимо, в грубой.

— Во всех формах! — Петька махнул рукой.

— А что мне говорить? — грустно спросила Лёлишна. — Меня вот никто не ругает. К сожалению, некому. Учтите вы, жалобщики, — она попыталась улыбнуться, — тем, кого ругают, конечно, плохо. Но ещё хуже тем, кто вынужден ругать.

Дедушка воскликнул:

— Ты сказала истину!

— И я могу сказать истину, — пробормотал Петька, — я

сто истин могу сказать, и за каждую истину мне попадѣт. Сусанна вот. Лучше она меня? А живѣт она как? Тигра за-просила. И получит! Вот у кого жизнь.

Петька говорил и говорил, а Лѣлишна оттирала ему руки. Краска смывалась медленно.

— А что со штанами делать? — спросил он.

— Можно в химчистку отдать или порошком «Новость» попробовать.

— Это будет новость! — обрадовался Петька и стал сам оттирать краску.

А Лѣлишна поставила на газовую плиту таз с водой и ушла искать порошок.

Пятым номером нашей программы — ВИКТОР МОКРОУСОВ ЛОВИТ ТИГРѢНКА.

В город приехал цирк.

Ещё задолго до его приезда на рекламных щитах уже красовались яркие афиши.

Виктор каждый день любовался ими, особенно самой яркой.

На самой яркой афише был нарисован наш знакомый, Эдуард Иванович. А рядом с ним — лев. А пасть у льва оскалена. Пасть — огромная.

Вот Виктору и хотелось крикнуть:

«С группой дрессированных львов! С группой дрессированных львов!»

Рядом — иллюзионист Григорий Ракин. (Иллюзионист — значит фокусник. Это тот самый человек, которому никто не верит.)

Воздушные гимнасты, наездники, жонглѣры, акробаты-прыгуны, музыкальные эксцентрики — глаза разбегаются! Так бы и стоял и смотрел бы хоть целый день! И кричал бы на весь город:

«Цирк приехал шапито! Цирк приехал шапито!»

А ещё интереснее взглянуть на сам цирк, пусть он и не работает пока.

Виктор туда бегом. Денег на трамвай у него не было, ездить зайцем он не привык, вот и топал пѣшком да бежал бегом.

Весело ему было.

До того весело, что он трамвай обогнал.

Потом его трамвай обогнал!

(Здесь я должен обязательно сказать, что всё-таки хорошо быть невзрослым. Например, мальчишка может бежать по улице, и никто не удивится — беги себе на здоровье, только людей с ног не сбивай. А вот если я побегу по улице, да ещё по центральной... может быть, меня и не остановят, но все будут смотреть на меня и думать: что это с ним случилось? А милиционеры будут подозрительно косить глазами в мою сторону...)

А Виктор бежал да подпрыгивал. Подпрыгивал да бежал. Пока не увидел брезентовый купол. Виктор вперёд ещё быстрее — и остановился.

Навстречу ему

бежал

ТИГРЕНОК.

ЖИВОЙ!

Полосатый!

С хвостом!

Бежал он спокойно, как собачонка. И по асфальту за ним тянулся поводок, как у собачонки. Видимо, поэтому никто и не обращал на него особого внимания. Только девчонки испуганно повизгивали. Да кошки шипели, выгнув спины.

Виктор остановился и ждал, когда зверёныш подбежит, а сам думал: «Что делать? Что должен делать смелый человек, увидев дикого зверя на улице? Поймать!»

И он схватил поводок.

А тигрёнок несколько не удивился. Он сел — ну честное слово, как собачонка! Даже облизывался.

Мальчик держал поводок и не знал, что делать дальше.

Так они и стояли. Вернее, Виктор стоял, а тигрёнок сидел.

И все прохожие им улыбались. Они-то думали, что Виктор или сын дрессировщика, или сын директора зоопарка.

А ведь он не был сыном дрессировщика! Он не был сыном директора зоопарка!

Первый раз в жизни он держал на поводке тигрёнка!

ЖИВОГО!

Полосатого!

С хвостом!

А вокруг уже собирались любопытные, уже спрашивали:

— Чей зверь?

— Почему без намордника?

— Это тигр или что?

— Игрушечный он, может?

Тигрёнок забеспокоился, оскалил зубы и порывивал.

Виктор потянул его за поводок в сторону цирка.

Зверёныш потянул в обратную сторону.

И побежали. Надо сказать, что, скорее, не мальчик вёл тигрёнка, а тигрёнок — мальчика. Так они и бежали.

Встречные уступали им дорогу: кто испуганно, кто весело, кто недовольно (смотря у кого какой характер). Собаки поджимали хвосты и с визгом убегали. Кошки шипели, выгнув спины и замерев на месте. Девчонки, пискнув, прятались за киоски и мусорные тумбы.

Тигрёнок никого не боялся. Ничего не боялся. Даже автомобилей. И никому не уступал дорогу.

А Виктор боялся, как бы он не вырвался, и крепко сжимал поводок. Ещё больше он боялся, что их могут задержать. Ведь ясно, что зверёныш откуда-то сбежал и его сейчас ищут. И расставаться с ним жалко.

Тигрёнок рвался и рвался вперёд, словно знал адрес Виктора и торопился к нему в гости поесть чего-нибудь вкусненького.

Следующим номером нашей программы — ЛЕТАЮЩИЕ ШТАНЫ И... ДРРРАКА.

Петькины штаны Лёлишна выстирала быстро.

— Сушить надо, — сказал он, — на ветру быстрее высохнут. Сохните, миленькие, сохните! Сохните, пока не высохнете! — Он вышел на балкон и стал ими размахивать.

Взглянул вниз и увидел тигрёнка. Раскрыл рот. Разжал пальцы. И штаны начали планирование с пятого этажа.

— Караул! — закричал Петька и бросился за ними, но не по воздуху, а по лестнице.

Когда он выскочил из подъезда, то увидел, что штаны его лежат на асфальте. А на штанах лежит тигрёнок. И рычит.

— Чья зверюга? — спросил Петька, протянул руку и отпрыгнул: тигрёнок чуть его не цапнул.

— Ты поосторожнее, — сказал Виктор, — он настоящий.

— А мне-то что? Штаны тоже настоящие. Чего он на мои штаны лёг? Тяни его с них!

— Не хочет. Пробовал я. Рычит.

— Кис-кис-кис! — позвал Петька. — Иди, иди. Мяу-мяу!

— Ты его не дразни, — посоветовал Виктор, — он ведь зверь, хотя и маленький. И что мне с ним делать?

Из подъезда вышла Лёлишна, и Виктор рассказал ей, как поймал тигрёнка, как они прибежали сюда.

— Глупые вы, глупые! — смеясь, сказала Лёлишна. — Так ведь он из цирка. Придёт Эдуард Иванович и заберёт его.

— «Придёт, придёт!» — проворчал Петька. — «Заберёт, заберёт!» А как я домой без этих штук вернусь?

Откуда ни возьмись, появилась Сусанна и закричала:

— Ой, какой малюсенький! Какой полосатенький! Дай я тебя поцелую, лапочка!

Тигрёнок бросился от неё наутёк.

Даже хвост поджал..

— Звери и то её боятся, — сказал Петька, забирая штаны.

— Лёлишна, за мной! — скомандовал Виктор.

И они бросились следом за злой девчонкой. А она мчалась за тигрёнком.

Он убегал от неё большими прыжками.

— Эй, ты! — крикнул Виктор. — Имей совесть! Не пугай его!

Но злая девчонка летела, почти не касаясь земли ногами. Визжала и кричала.

Они уже далеко убежали от дома. Картофельное поле кончилось, впереди было шоссе, за ним — сосновый бор. И Виктор подумал: если Сусанну не остановить, она загонит тигрёнка в лес и там его уже не поймать.

Мальчик сделал отчаянный рывок. Подножку... И Сусанна полетела вверх тормашками. Один раз перевернулась в воздухе. И восемь раз — на земле.

Вииизг раздался такой, что, будь я злым человеком, написал бы: будто шесть поросят пятачками на гвоздь нагнулись.

Пока Сусанна перевёртывалась, Виктор пробежал мимо и вместе со зверёнышем промчался дальше. Они знали, что им несдобровать.

Через плечо Виктор увидел, что Сусанна вся перепачкана землёй, платице порвано, волосы растрёпаны, а лицо — берегись!

— Берегись! — крикнул Виктор тигрёнку.

И тот прошмыгнул перед колёсами автомашины, которая неслась по шоссе. Прощмыгнул — и оказался на той стороне дороги.

Автомобили летели в обе стороны. Перебежать шоссе не было никакой возможности.

Виктор обернулся и приготовился встретить Сусанну. Конечно, он её не боялся, но как драться с девчонкой? Какой бы она ни была, всё равно — девчонка. А их бить нельзя, даже таких, как эта. А ещё надо учесть, что Сусанна прекрасно умеет кусаться и царапаться.

Едва она подскочила, Виктор вывернул ей руки за спину и сказал:

— Спокойно, моя дорогая.

И получил пяткой в коленку. Чуть не вскрикнул, но рук не разжал. Сусанна пиналась так, что только ноги мелькали. Виктор увёртывался, отскакивал, рук не разжимал. Сусанна визжала, кричала, пищала, орала и пиналась.

Подбежала Лёлишна.

— Спасай тигрёнка! — задыхаясь, сказал Виктор. — А я этого зверя держать буду.

Лёлишна каким-то чудом проскочила между несущимися на полной скорости автомашинами и исчезла в лесу.

— Перестань, радость моя, перестань, — уговаривал Виктор.

А Сусанна продолжала визжать, кричать, пищать, орать и пинаться.

Откуда только силы у неё брались? От злости.

— Да перестань ты! — Виктор дёрнул её за руки. — Плохо тебе будет! В канаву столкну и камнем придавлю!

— Попробуй! Попробуй! — проверещала Сусанна. — Вот вырвусь — я тебе нос откушу и глаза повыцарапы-ва-ваю!

— Вот что... сейчас я отпускаю тебя... но если ты попробуешь...

— Попробую, попробую, попробую, попробую!

Увёртываться от её пинков было всё труднее: Виктор просто устал.

Следующим номером нашей программы —

***ПЕРВАЯ В МИРЕ ДЕВОЧКА —
УКРОТИТЕЛЬНИЦА ТИГРЁНКА!***

Лёлишна нашла тигрёнка быстро, потому что он блуждал по лесу и скулил жалобно — как щенок, которого не пускают в дом.

Но, заметив Лёлишну, он бросился улепётывать со всех лап: принял её за Сусанну.

— Не бойся, это не она! — крикнула девочка, и он сразу остановился.

Сидел он запыхавшийся, усталый, жалкий даже, но, когда она подбежала, зарычал.

— Ну что ты, полосатенький? — ласково удивилась Лёлишна. — Я тебя к Эдуарду Ивановичу отведу. Накормим тебя, сахару дадим и ещё чего-нибудь вкусенького.

Но тигрёнок опять прорычал, словно хотел сказать: «Знаю я вас, девчонок. Наобещаете сахару, а на самом

деле заставите бегать высунув язык. Знаю, знаю я вашего брата. Вернее, вашу сестру».

— Не будешь же ты здесь сидеть до утра? — спросила Лёлишна. — Голодный ведь ты. Усталый. Идём.

Тигрёнок лёг, положив мордашку на передние лапы. Дышал он тяжело и временами закрывал глаза.

Тогда девочка набралась смелости и погладила его.

Глаза зверёныша сразу стали весёлыми, он стукнул хвостом себя по бокам, прорычал, но уже не сердито — словно сказал:

«Ладно уж, поверю тебе. Но в последний раз. Если обманешь — съем!»

Лёлишна почесала ему за ушами, и тут тигрёнок совсем подобрел, лизнул ей руку твёрдым шершавым языком. Девочка тихонько запела:

Спи, тигрёнок мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Скоро глянет месяц ясный
В мордочку твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою.
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю...

Тигрёнок будто понял песенку: закрыл глаза. Чёрные влажные ноздри его вздрагивали. Вдруг он вскочил и зарычал. Лёлишна испуганно обернулась.

К ним подбежал Виктор. Колени его были в синяках.

— Нашла! — радостно воскликнул он. — А я от этой зверюги еле-еле освободился. Чуть-чуть не искусила меня. Что с тигром делать будем?

— Домой поведём, — ответила Лёлишна. — Я с ним почти договорилась. Идём, полосатенький!

Тигрёнок выпрямил передние лапы, потянулся, сладко зевнул и двинулся вперёд. Его держала Лёлишна.

*Следующий номер нашей программы опять
задерживается и опять по вине автора.*

Торопясь как можно скорее начать представление, я забыл включить в состав участников парада и тигрёнка, и ещё одно живое существо.

С тигрёнком (зовут его Чип) вы уже познакомились, а теперь знакомьтесь с живым существом по имени Хлоп-Хлоп.

Это мартышка.

Но так как Хлоп-Хлоп хоть и мартышка, но он, а не она, буду называть его мартышем.

Ну и хитрый же он! Сотворит что-нибудь не очень хорошее, заберётся куда-нибудь наверх, откуда его не достать, сидит там и сам себе аплодирует — в ладоши хлопает.

Один раз украл в оркестре флейту, забрался под купол цирка и давай дудеть изо всех сил. Подудит-подудит, флейту под мышку — и сам себе аплодирует.

Проказник он просто невозможный. Львы Эдуарда Ивановича его даже побаиваются. Никто не умеет их так злить, как хитрый мартыш.

Насобирает он камешков, сядет напротив клеток и давай самому старшему льву, Цезарю, в морду их бросать. Цезарь лапой ему грозит, рычит на весь цирк, а Хлоп-Хлоп камешки бросает, ехидно попискивает и сам себе аплодирует — очень доволен! Каждый камешек попадает точно в цель — прямо в нос льву. Ему не столько больно, сколько обидно.

А раз старший лев рычит и беснуется, то вслед за ним начинают рычать и бесноваться все львы и львицы.

За ними — все звери в цирке. Даже ослы ревут. Пронзительно кричат попугаи. Трубит слон. Лошади тревожно ржут.

И кто бы мог подумать, что этот несусветный переполох происходит по вине маленького мартыша!

А он сидит себе как ни в чём не бывало.

Цезарь с товарищами клетки готовы разнести: обидно!

Хорошо, если поблизости оказывался Эдуард Иванович. Он-то хорошо знал, чьих это лап дело, и быстро успокаивал своих львов и львиц, а вслед за ними успокаивались постепенно все звери и птицы.

Но если Эдуарда Ивановича поблизости не оказывалось, то случалось, что за виновника переполоха принимали бедного льва, и тогда ему доставалось.

Хлоп-Хлоп с невинным видом сидел в сторонке, восторженно попискивал и сам себе аплодировал.

Зато когда он не проказничает, чудо что за мартыш! Добрый, ласковый, понятливый. Заберётся на плечо к хозяину и гладит его седые волосы. Но потом вдруг спрыгнет с плеча на стол и давай в Эдуарда Ивановича книгами бросаться. Хлоп-

Хлоп думает, что это очень весёлая игра, и искренне обижается, когда хозяин его отшлёпает.

Когда же обижают самого мартыша, то слезам его нет конца. Плачет он так долго, что становится мокрым — будто погулял под проливным дождём. И чем больше его утешают, тем дольше и громче он плачет.

Если другие плачут, Хлоп-Хлоп хохочет.

Вот он какой несознательный!

ПРОДОЛЖАЕМ НАШУ ПРОГРАММУ.

Когда обнаружили исчезновение Чипа, все в цирке всполошились.

Шутка сказать: зверь сбежал в город! Правда, тигрёнок — это ещё ребёнок. Но ребёнок особенный.

Позвонили в милицию.

Несколько рабочих и артистов разбежались в разные стороны — искать Чипа.

Уже не в первый раз Хлоп-Хлоп выпускал на свободу своего маленького друга. Но раньше каждый раз тигрёнка удавалось поймать ещё в цирке.

Эдуард Иванович разыскал Хлоп-Хлопа.

Мартыш забрался к нему на плечо и что-то нежно пропищал.

— Зачем ты отвязал Чипа? — спросил Эдуард Иванович. — А ещё другом называешься!

Хлоп-Хлоп опять что-то пропищал и погладил хозяина по седым волосам.

— Ты ещё и подлиза? — гневно спросил тот. — Подвёл меня — и ласкаешься?

Мартыш заморгал хитрыми глазами, пожал плечиками и почесал затылок: дескать, ума не приложу, за что это меня ругают?

— Будешь отвечать?

Хлоп-Хлоп прыгнул на стол, вытарашил глазки, вытянулся, как бравый солдат по стойке «смирно», и приложил лапу к уху. Эдуард Иванович рассмеялся: он весёлый человек, а весёлые люди долго не сердятся.

— Хитрюга ты, — сказал он. — Если бы ты родился не мартышем, а человеком, то обязательно бы стал жуликом.

Хлоп-Хлоп обрадованно закивал, попискивая, и на всякий случай похлопал в ладоши.

А в кабинете директора раздавались телефонные звонки: это сообщали о том, что пока тигрёнок не обнаружен.

ДЕВЯТЫЙ НОМЕР нашей программы.

Лучше всего было бы провести тигрёнка прямо в дом и ждать Эдуарда Ивановича. Но как пройти мимо Сусанны? Или сразу в цирк? Но не хотелось идти со зверёнышем по улицам.

— Я на разведку, — сказал Виктор, — а вы ждите меня.

Ещё издали он увидел злую девчонку и остановился. Зная её характер, Виктор сразу догадался, что она сидит на окне не просто так, как люди сидят, а что-нибудь придумала.

Даже издали можно было разглядеть, что Сусанна скалит зубки.

«Будь что будет!» — решил мальчик и двинулся к дому.

Чем ближе он подходил, тем медленнее переставлялись его ноги.

— Папочка в милицию звонил! Папочка в милицию звонил! — увидев Виктора, закричала Сусанна. — На машиночке за тобой приедут! За решёткой, миленький, посидишь! — Она хихикнула. — А Лёлишна где? А тигрёночек полосатенький, лапонька моя миленькая, где? Мне его купят, хвостатенького! Где он?

— Они в цирк ушли, — соврал Виктор. — А в милицию я поеду с удовольствием. Только бы тебя, дорогая, не видеть. А кроме того, и про тебя в милиции кое-что рассказать можно.

— А что про меня рассказывать? А что про меня рассказывать? Мамочка говорит, что я пострадавшая. А бабусеньки говорят, что по тебе тюрьма плачет. Потому что ты — уголовный элемент.

Тут даже Виктор рассердился и крикнул:

— Сама ты элемент!

— А вот и нет! А вот и нет! Я единственный ребёнок! У меня музыкальные способности.

— Надоело тебя слушать, — оборвал Виктор, так и не

решив, что же ему делать. — Шла бы ты спать, что ли. И тебе приятно, и людям спокойнее. Иди, иди. Бай-бай.

— Никуда я не пойду! — крикнула Сусанна. — Хочу посмотреть, как тебя в милиционерскую машиночку посадят! Как тебя на пятнадцать суток увезут! Так папуленька сказал!.. Ой, дождик идёт! — Она вытянула руку ладошкой вверх. — Каплет-капают!

— Это не дождик идёт, а Пара плюётся, — со смехом объяснил Виктор.

От злости шишка на Сусаннином лбу стала ещё разноцветнее, потом побелела.

Виктор едва успел отскочить: злая девчонка запустила в него цветочным горшком. И Виктор, как вратарь, принял его на грудь.

За вторым горшком пришлось делать бросок и падать.

— Уймись ты! — вскакивая, крикнул Виктор.

— Горшком её! — сверху крикнул Петька. — Горшком!

Сусанна обеими руками схватила самый большой горшок, подняла его над головой... Горшок перевесил... Она упала, только ноги в окне мелькнули.

Горшок раскололся вдребезги. Злая девчонка закричала так, словно упала с пятого этажа головой вниз.

Потом закричали: один папа, одна мама и две бабушки.

А Виктор бросился наутёк: он-то знал, чем всё это может кончиться. Родители единственного ребёнка не будут разбирать, кто виноват. Конечно, не Сусанночка!

Когда Виктор обо всё рассказал Лёлишне, она проговорила:

— Плохи наши дела. Не везёт нам. И чего это Сусанна на нашей дороге встала? Пошли! — твёрдо предложила Лёлишна. — Чего нам бояться? Мы ни в чём не виноваты.

Тигрёнок сладко зевнул и неохотно двинулся вперёд. Виктор беспокойно оглядывался, будто на каждом шагу им грозила опасность. Лёлишна пела:

Не боимся мы Сусанны,
Не боимся её папы,
Не боимся её мамы,
Не боимся бабушек,
Мамы да и папы!

А около дома — увидели они ещё издали — стояла милицейская машина.

Представление продолжается!

**Выступает иллюзионист ГРИГОРИЙ РАКИТИН!
В номере принимает участие
МИЛИЦИОНЕР ГОРШКОВ!**

Не меньше Эдуарда Ивановича исчезновением Чипа был обеспокоен Григорий Васильевич. Ведь он готовил новый фокус, в котором должен был участвовать тигрёнок.

Представляете: в ящик сажают живого петуха, закрывают ящик крышкой, приколачивают её гвоздями, обматывают толстой верёвкой. Затем ящик на канатике поднимают под самый купол цирка. Григорий Васильевич целится в него (в ящик, конечно, а не в купол) из пушки.

Раздаётся оглушительный выстрел — и ящик стремительно падает вниз! Развязывают толстую верёвку, срывают крышку, и из ящика вылезает... Кто? Петух?

Из ящика вылезает Чип. А где петух? И как в ящик попал Чип? Я не знаю. Если бы знал, то не книжки бы писал, а фокусником работал.

Как делается этот фокус, мы с вами никогда не узнаем. И никто из зрителей не догадается. И конечно, все будут обижаться, что ничего не удалось заметить. И как это петух превратился в тигрёнка, да ещё в заколоченном ящике, да ещё обмотанном толстой верёвкой?

И вот, чтобы такой сложный фокус получился и никто ничего не заметил, надо было работать над ним каждый день по несколько часов.

И вдруг Чип исчез!

Григорий Васильевич подумал-подумал, погоревал-погоревал — и бегом в милицию.

Там дежурил милиционер Горшков. Окинув взглядом его фигуру, Григорий Васильевич подумал: «Вот это рост! Метра два, не меньше!»

— Не волнуйтесь, — сказал ему Горшков, — тигрёнок — не котёнок, разыщем. Вот в прошлом году из зоопарка обезьяна убежала, с ней тяжеломерно пришлось. Мы с одним сержантом часа три за ней прыгали... А кем вы в цирке работаете?

Вместо ответа Григорий Васильевич проглотил чернильницу-непроливашку и достал её из своего кармана.

— Понятно, — задумчиво сказал Горшков.

Тогда Григорий Васильевич взял ручку, воткнул её себе в ухо и вытащил из другого уха. Милиционер поморщился и сказал:

— До Головешки вам далеко.

— Какой головешки?

— Неподдающийся тут у нас один есть, — объяснил Горшков, — воровать мы ему не даём, воспитываем его. Но воровать он умеет. По чужим карманам лазает ничего, квалифицированно. Маленький он, чернявый и умываться не любит — отсюда и кличка его. Чисто, говорю, работает. Прямо скажем, вам до него далеко. Ни в какое сравнение с ним не годитесь.

— Простите, — оскорбился Григорий Васильевич, — я артист, и сравнивать меня с карманником... странно!

— Обидчивый вы народ, артисты, — укоризненно проговорил Горшков. — Чуть что — сразу и обижаться. Головешка тоже артист. Своего рода. Уж какой я специалист по карманникам, сколько я их видел, а твёрдо заявляю: у этого руки золотые. Как у вас. Но талант свой Головешка людям во вред использует. Потолковали бы вы с ним, гражданин артист-фокусник: может, он в цирке пригодится.

— Нет, нет, странно вы рассуждаете, — пробормотал Григорий Васильевич. — По-вашему, получается, что он фокусником может быть, а я — карманником?

— Нет. Карманником куда сложнее. Требований тут больше. Тут знания нужны, опыт. Надо, чтобы совести не было. Тунеядцем надо быть. А самое главное, — Горшков поднял вверх указательный палец, — быть готовым на любую подлость.

— Сравнение с жуликом — это оскорбление, — перебил словоохотливого милиционера Григорий Васильевич.

— Я на посту и никого оскорблять не имею права! — в свою очередь, обиделся Горшков. — А вам я советую с Головешкой познакомиться. Не пожалеете. Может, и он вас кой-чему научит для фокусов. А вы, может, и направите парня на путь истинный, то есть трудовой путь. Пусть хоть в цирке, да работает.

— Я буду на вас жаловаться! — совсем рассердился Григорий Васильевич. — Вы думаете над тем, что говорите? Что это значит: пусть хоть в цирке, да работает? По-вашему, моя работа — работа артиста цирка — ерунда?

— Что вы! Не совсем, конечно, ерунда, — ответил милиционер, — но... не то, конечно. Вот вы чернильницу на моих глазах проглотили, ручку с железным пёрышком в ухо себе воткнули, из другого уха вытащили. А зачем? Кому и какая польза от этого? Цирк! — с презрением продолжал Горшков. — Обезьяна на гармошке играет. Что за намёк? Медведи на велосипедах гоняют! Что этим хотят сказать? Клоунов развели — живот заболит на них смотреть, а толку? Или один гражданин возьмёт гражданку за ноги и давай в воздухе крутить! А она ему потом ногами на голову встанет! Это что, детям пример? Да? Зачем это, спрашиваю? К чему? Народ за это деньги платит. Уж лучше бы в кино сходили. Или в театр. Подросли бы культурно, умнее бы стали.

— Интересно вы рассуждаете, — насмешливо сказал Григорий Васильевич. — Каждый день цирк полон, по воскресеньям три представления. По-вашему, всё это дураки ходят? Один вы умный?

— Не знаю. — Милиционер пожал плечами. — Но дело ваше несерьёзное, для забавы. Народ жизнь строит, а вы через голову перекувыркиваетесь, какие-то ручки в уши втыкаете, чернильницы проглатываете.

— Сейчас мне некогда, — сказал Григорий Васильевич. — Приходите в цирк, может быть, кое-что и поймёте.

— Ноги моей у вас не будет! — резко проговорил Горшков. — А с Головешкой я вас познакомлю. Тогда поймёте, что такое ловкость рук настоящая.

— Хватит! Меня волнует сейчас одно: где тигрёнок?

— Не беспокойтесь. Поймаем. Не таких ловили.

И тут из соседнего районного отделения милиции сообщили, что тигрёнок обнаружен.

К этому месту срочно выехала милицейская машина. В кабине рядом с шофёром сидел Григорий Васильевич.

Продолжение девятого номера.

Увидев милицейскую машину, Виктор сказал:

— Это за мной.

— Глупости, — сказала Лёлишна. — Он, конечно, мог сбегать в милицию, но машина приехала не за тобой.

— А за кем тогда? Не за Сусанной же!

— И не за ней, конечно. Ты с тигрёнком стой здесь, а я схожу туда, — предложила Лёлишна. — Если никакой опасности нет, помашу тебе рукой. И ты приходи.

Она убежала, а Виктор присел на землю рядом с тигрёнком. Отсюда было видно, как Лёлишна остановилась около машины и её окружили люди. Двое из них были в милицеейской форме.

Вот Лёлишна вышла из круга и замахала рукой.

Виктор встал, потянул за поводок, но тигрёнок упёрся лапами в землю и не двинулся с места.

— Идём, идём, — просил Виктор, — нас зовут.

А зверёныш упорствовал, даже порывивал.

Виктор потянул поводок обеими руками. Тогда тигрёнок бросился на мальчика. Виктор отпрыгнул, но поводка не выпустил.

Тигрёнок прыгнул снова. Виктор снова отскочил, и тигрёнковы зубы щёлкнули около самой его ноги. Храбрости у мальчика сразу поубавилось.

И когда тигрёнок прыгнул в третий раз, Виктор чуть-чуть не отпустил поводок. Чуть-чуть... Однако этого было достаточно, чтобы зверёныш почувствовал, что уступать ему не собираются.

«Наверное, он тоже дрессировщик, только маленький. Или сын дрессировщика», — так примерно подумал тигрёнок и подчинился — вприпрыжку побежал к дому.

Увидев Григория Васильевича, Чип виновато опустил голову и даже скосил глаза в сторону, будто сделал вид, что очень раскаивается в своём не очень хорошем поведении.

Григорий Васильевич так обрадовался, что не сказал ни слова, схватил беглеца на руки, поблагодарил ребят и сел в машину.

Машина уехала. Виктору с Лёлишной сразу стало грустно. Они посмотрели друг на друга, и Виктор сказал:

— Напугал же он меня! Три раза на меня бросался. Я чуть-чуть не убежал.

— Чуть-чуть не считается, — ответила Лёлишна. — Конечно, хорошо, что он вернулся в цирк, но немножко жалко. Мы бы с ним ещё поиграли.

— А он бы нас поцарапал, да?

— Нет, он хороший. Мы его ещё в цирке посмотрим. Интересно, если он нас увидит, то узнает или нет?

— Вряд ли.

— Ну и пусть. — Лёлишна вздохнула. — А мы его не забудем, правда?

— Правда, — согласился Виктор. — А откуда узнали, что тигрёнок был у нас? Живём мы на окраине...

— Его же купить Сусанна требовала, — услышали они Петькин голос.

Оказывается, Петька давно стоял поблизости.

— Мне пора кормить дедушку, — сказала Лёлишна. — И Эдуарду Ивановичу что-нибудь на ужин приготовить.

— «Что-нибудь!» — Петька презрительно хмыкнул. — Он, к твоему сведению, только сырым мясом питается. Точно, точно. Сырое мясо. Каждый день. Иначе звери слушаться не будут. Он и ест вместе с ними, чтобы они видели, с кем имеют дело.

Лёлишна с Виктором рассмеялись.

— Смейтесь, смейтесь! — Петька сплюнул. — А правда моя. Вы ещё хлебнёте горя с этим дрессировщиком. Хорошо, что я его проспал.

— Завидуешь ты просто, — сказал Виктор.

— Завидую? Ей? Одному только я человеку завидую: Сусанне Аркадьевне Кольчиковой. Я ведь тоже единственный ребёнок, а разве сравнишь? Мне бы хоть деньков пять прожить так, как она живёт. Ух, я бы!..

— А чем у тебя жизнь плоха? — спросила Лёлишна. — Спишь, сколько тебе надо...

— А ты знаешь, почему я много сплю? Потому что просыпаться незачем. Вот сейчас вздремнул немного, проснулся — в магазин погнажи. Знал бы такое дело, спал бы до утра.

— А давно тебя в магазин послали? — спросила Лёлишна.

— Да с полчаса уже прошло, — ответил Петька, — если не больше. Я ещё когда дверь открывал, то помнил, что в магазин иду. А дверь закрыл, и отшибло память. Только сейчас вот вспомнил. Значит, опять попадёт. По всем правилам. Но ничего! — грозно продолжал он. — Скоро моему горю конец. Ещё несколько лет, получу паспорт, и я — свободный человек. Живи как хочешь. Каждый день в кино два раза. Учёбы никакой. Учительницу на улице встречу — не испугаюсь. «Наше вам!» — скажу и дальше пошёл. Благодарать!

— Иди лучше в магазин, — напомнила Лёлишна.

— Не командуй! У меня и без тебя командиров хватает. Ничего, в армию пойду — сам командиром буду.

— Иди в магазин! — сказал Виктор.

Петька плюнул и пошёл в магазин.

**В ЦИРКЕ СНОВА ПЕРЕПОЛОХ,
поэтому ОЧЕРЕДНОЙ НОМЕР нашей программы —
десятый по счёту — ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ.**

Чип получил по заслугам. И если бы он умел плакать, то обязательно поплакал бы от обиды. А если бы он мог рассуждать, то рассуждал бы примерно так:

«Ладно, я виноват. Но почему этот хулиган, по имени Хлоп-Хлоп, сидит как ни в чём не бывало? Ведь это он отвязал меня? Почему же ему дали яблоко, а мне не дали поесть? Почему со мной никто не разговаривает? Почему никто меня не приласкает?»

В это время Хлоп-Хлоп доел яблоко и огрызком запустил в Чипа. И попал ему прямо в нос.

Чип яростно зарычал, рванулся к обидчику, но опрокинулся на спину, отброшенный назад натянувшимся поводком. Мартыш заплодировал сам себе и восторженно запищал. А тигрёнок зарычал, оскалив пасть. Хлоп-Хлоп показал ему язык и упрыгал в зрительный зал.

Вокруг манежа стояла решётка, и Эдуард Иванович вторял со своими хищниками программу. Мартыш поползал по столбам, покачался на тросике и вдруг увидел брезентовый шланг. Его провели сюда на случай, если звери взбунтуются.

Мартыш вдоль шланга выбежал на служебный дворик и оказался у столбика. А на столбике был ящик с открытой дверцей. А в ящике — кран. И Хлоп-Хлоп недолго думая начал что было силёнок отвинчивать его.

Шланг на глазах как бы превращался в живую змею. Наполняясь водой, он шевелился и даже немного извивался. Из мелких дырочек брызнули фонтанчики. И представляете, что началось? Вода ударила из брандспойта вверх, под купол, и дождём полилась на львов, на укротителя, на рабочих.

Звери зарычали, заметались. Эдуард Иванович дважды выстрелил из пистолета. А Хлоп-Хлоп схватил брандспойт и

направил его прямо за решётку — давай гонять львов! Ой как весело! Он радостно повизгивал и водил струёй то вверх, то вниз, то направо, то налево.

Ох уж как весело! К нему пытались подойти, чтобы отобрать шланг, а он думал, что с ним играют.

Люди смешно размахивали руками, отбиваясь от струи, закрывали лицо, прыгали по скамейкам.

В суматохе никто не догадался сбегать и завинтить кран. А Хлоп-Хлоп уже предвкушал удовольствие от того, как все будут его ласкать, угощать сахаром, называть нежными именами. И тут он получил такой пинок, что взлетел в

воздух. Несколько раз перевернулся. Перелетел через решётку. И плюхнулся на арену прямо к ногам Эдуарда Ивановича.

От обиды и боли Хлоп-Хлоп ударил себя кулачком в грудь и захныкал. Эдуард Иванович взял его за загривок и дал ему штук пять шлепков.

Никогда ещё он так больно не бил мартыша. Тот изумлённо уставился на мокрого с головы до ног хозяина.

Мокрые львы, зло рыча, жались к решётке. Хлоп-Хлоп заплакал во всё горло, ещё надеясь разжалобить хозяина. Но Эдуард Иванович бросил мартыша на опилки и крикнул:

— Вон с глаз моих!

Мартыш начинал догадываться, что он в чём-то виноват, но в чём именно, понять не мог. Сидел и плакал. И скоро стал таким мокрым, словно не он сам, а его самого поливали из шланга.

Тем временем Эдуард Иванович загнал зверей в клетки, потому что репетировать не было смысла, и ушёл переодеваться. А мартыш, обиженный, мокрый, побитый, решил, что, если сегодня ему не дадут сахару, он убежит из цирка. Да, да, убежит! Он вам не Чип, не поймаете.

Ему сразу стало весело. Он похлопал в ладоши и побежал дразнить Чипа. Но увидел Эдуарда Ивановича и с радостным писком бросился к нему.

Но хозяин не посмотрел на мартыша, словно они и знакомы не были. Хлоп-Хлоп возмущённо заверещал, потянул хозяина за брюки, как бы говоря:

«Ты что? Ослеп? Или не узнаёшь меня? Что я тебе такого сделал? Это я на тебя обижаться должен. Дай-ка мне сахару — и будем друзьями дальше. Ладно уж, я тебя прощаю».

— Убирайся! — крикнул Эдуард Иванович. — Марш на место!

И пошёл мимо.

Но это было бы ещё полбеды. Он уходил не один. Он вёл на поводке Чипа!

И мартыш схватил тигрёнка за хвост. Чип взвыл, я бы сказал, не своим голосом. Хлоп-Хлоп бросился наутёк. Он забрался в комнатку Эдуарда Ивановича, немного поскулил, попробовал всплакнуть и решил лечь спать.

Укладываясь, он подумал о том, как несправедлива жизнь, как ему не везёт, сколько вокруг злых людей... Почесался и заснул.

Десятый номер нашей программы!
ЕДИНСТВЕННЫЙ В МИРЕ АТТРАКЦИОН

Спешите читать!

**СУСАННА КОЛЬЧИКОВА ДРЕССИРУЕТ СВОИХ
РОДИТЕЛЕЙ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ!**

Спешите читать!

Сусанна выла.

Чтобы представить себе её вой, соберитесь человек пять и писклявыми голосами тяните:

— И-и-и-и-и!..

А когда охрипнете, смените звук:

— У-у-у-у-у-у!..

И когда из ваших глоток пойдёт сплошное сипение, это будет примерно такой звук, какой Сусанна выдавливала из себя вот уже третий час.

Мама лежала с холодным компрессом на лбу и стонала. Бабушки допивали третий флакончик валерьяновых капель. Папа сидел в ногах единственного ребёнка и просил:

— Перестань, радость моя, перестань...

Сусанна сменила звук. Он получился таким, что я его с помощью букв даже изобразить не могу. Примерно это А, Ы, Ю, Э, издаваемые одновременно, плюс немного писка и чуть-чуть хрипотцы.

— Перестань, радость моя, переста... — Папа тоже начал хрипеть.

Всё это, в общем, и не смешно нисколько. Грустно это очень. И я уже тридцать восемь раз пожалел, что решил рассказать вам о Сусанне, её родителях и бабушках. Мне ещё за это попадёт. Найдутся люди, которые обязательно спросят:

«Зачем в книге для детей показывать взрослых в смешном виде?»

Да я бы рад всех показывать только в хорошем виде, но это будет неправда, да и неверно. Я тогда буду, просто говоря, обманщиком.

Нет, встретятся на вашем пути и хорошие, и смешные, и плохие люди. И я хочу, чтобы вы были готовы ко всем встречам.

Если хотите знать, то, когда я пишу о плохом, мне самому плохо, так плохо, что даже чернила в авторучке вы... сыхают. (Вот, перешёл на карандаш.)

Вдруг Сусанна села на кро... (И карандаш сломался от злости. Перехожу на пишущую машинку. Авось она выдержит. Она ведь металлическая.)

Продолжаю.

Вдруг Сусанна села на кровати, прохрипела:

— Умираю... помогите...

Папа вскочил. Мама вскочила, сбросила с головы холодный компресс, крикнула бабушкам:

— Она умирает!

Конечно, она и не собиралась умирать. И все знали, что она наверняка не умрёт. Не с чего!

Но ещё лучше все знали, что, если её не послушаться, она такое вытворит, что... лучше послушаться.

Вот тут мне придётся остановиться и подробнее растолковать вам, что же происходило в семье Кольчиковых. (Только бы пишущая машинка выдержала! На всякий случай кладу рядом коробку карандашей.)

Я уже говорил, что ничего смешного тут нет. Грустно всё это. Дело в том, что, едва родившись, Сусанна начала болеть, и это у неё здорово получалось. Болела она, можно сказать, не переставая и по-настоящему. Вот тогда смерть действительно грозила ей несколько раз. За пять лет девочка перенесла одиннадцать болезней. И конечно, её родители и их родители (то есть бабушки) боялись дышать на Сусанну. Стоило ей лишь пальчиком пошевелить, как четыре человека бросались к ней и, отталкивая друг друга, спрашивали:

— Что тебе, деточка?

— Что тебе, солнышко?

— Что тебе, кисонька?

— Что тебе, ягодка?

И деточка, солнышко, кисонька, ягодка требовала от родителей и бабушек чего только хотела!

И они её требования выполняли. И винить их в этом нельзя. К больному человеку, слабому, а тем более к ребёнку надо ведь быть очень внимательным.

Но никто не заметил, что Сусанна, став абсолютно здоровой, продолжала вести себя как больная. Она привыкла, что каждое её слово ловят, что каждое её желание исполняется. А отвыкнуть не могла. И не хотела.

Петька не зря ей завидовал. Уж какой бы он ни был, но его хоть в магазин можно было послать. А Сусанна ни разу сама даже не умывалась.

И если бы я составил список дел, которые она не умела делать, получилась бы толстая книга.

А раз родители и бабушки отдали ей столько сил, она и стала казаться им необыкновенным ребёнком. А когда поверили, что она необыкновенная, то стоило Сусанне, например, чихнуть, как все умилялись:

— Ах!

То есть: даже чихает не как все, а необыкновенно. И даже когда она набила себе шишки, бабушки заявили, что ни у кого ещё не видели таких необыкновенных шишек.

Стоило Сусанне один-единственный раз пропищать какую-то песенку, и на семейном совете было дружно решено:

— У ребёнка музыкальные способности.

Мама и папа отказались ехать отдыхать, продали кой-какие вещи, заняли денег у друзей и купили пианино.

Ребёнок с музыкальными способностями вымазал белые клавиши фиолетовыми чернилами, гвоздём выцарапал на крышке: *ПЕТЬКАДУРАК* — и предпочитал играть кулаками, а не пальцами. И называл пианино пианинкой.

Сусанну не приняли ни в одну музыкальную школу города. Её водили к тридцати четырём преподавателям музыки, и тридцать три из них отказались заниматься со злой девочкой.

И только одна старушка согласилась, потому что была глухая и не слышала, что там играют её ученики. Но даже эта старушка через две недели сказала:

— У вас действительно необыкновенный ребёнок. Такого абсолютного отсутствия музыкального слуха я ещё не встречала. Это уникал! Берегите её! Как редкий экземпляр!

Короче говоря, в семье Кольчиковых получилось так, что не родители воспитывали дочь, не бабушки — внучку, а дочь воспитывала родителей, внучка — бабушек.

И раз эта повесть связана с цирком, то вместо слова «воспитывала» следует говорить: дрессировала.

Алле, оп! Дорогие родители, шагом марш исполнять желания любимого ребёнка! Бабушки, то же самое! Да пошевеливайтесь!

И чтобы доказать вам, что Сусанна была неплохой дрессировщицей, расскажу о её основном номере.

Номер этот она проделывала редко, не чаще двух раз в год. В чём он заключался? Надо было довести мамуленьку, папуленьку и бабуленек до такого состояния, чтобы ...ни (Сломалась пишущая машинка. Не выдержала. ...тск... чила буква. П...пр...бую пр...д...лжать без неё. Нет, пл...х... п...лучается. Беру карандаш.)

Надо было довести мамуленьку, папуленьку и бабуленек до такого состояния, чтобы они были готовы выполнить ЛЮБОЕ желание ребёнка. (Карандаш сломался. Беру следующий.)

Для этого Сусанна несколько раз подряд повторяла:

— Умираю... помогите...

И тогда её спрашивали:

— Что сделать, чтобы ты не умирала?

Наступала тишина. И в тишине звучал слабый голос:

— Пой... те...

И что бы вы думали?

Папа говорил:

— Это возмутительно! — и уходил на кухню.

Мама восклицала:

— За что нам такое наказание? — и шла за ним следом.

Бабушки брали в руки носовые платки, вытирали друг другу слёзы и начинали:

— Эй, моряк, ты слишком долго плавал,
Я тебя успела позабыть!
Мне теперь морской по нраву дьявол,
Его хочу любить!

В глазах злой девчонки появлялся злой блеск.

— Громче! — сипела она. — Веселее!

И бабушки, утерев друг другу слёзы платками, продолжали, притопывая:

— Нам бы, нам бы, нам бы, нам бы¹².
Всем на дно!
Там бы, там бы, там бы, там бы
Пить вино.

И пили валерьяновые капли.

А Сусанна закрывала глаза и звала:

— Моя милая мамочка...

— Что, детка? — ещё из кухни испуганным голосом спрашивала мама и бежала на зов любимого ребёнка.

— Мне плохо, мамочка.
— Что тебе нужно, миленькая моя?
— Не знаю.
— Ну, скажи, золотце. Я всё для тебя сделаю.
— Не знаю.
— Ну, вспомни, золотце...
— Не знаю.
— Помяукай! — шёпотом подсказывали бабушки.
— Мяу... — неуверенно начинала мама. — Нет, не могу!
— Как мне плохо... — сипела Сусанна, сквозь опущенные веки внимательно следя за мамой.

— Мяукай! — сквозь зубы приказывали бабушки.
— Мяу... — неуверенно начинала мама, и губы злой девочки вытягивались в улыбочку. — Мяу! Мяу! — уже громче продолжала несчастная мама.
— А он пусть лает. — Бабушки кивали на дверь в кухню, где спрятался папа.

Мама открывала дверь в кухню и грозным шёпотом произносила:

— Ребёнку, нашему ребёнку плохо, а ты ничего не хочешь сделать! Тебе трудно немного полаять?

— Но ведь это непедагогично, — шептал папа.

— А если ребёнок умрёт, это будет, по-твоему, педагогично? Лай!.. Мяу, мяу, деточка! Лай!

— Гав... гав... — покраснев от стыда и непедагогичности, тихо отвечал папа. — Гав... гав...

— Громче! Она не слышит!

— Гав! Гав! Гав!

— Мяу, мяу! Деточка, ты слышишь?

А деточка смеялась, кричала радостно и хрипло:

— Ещё! Ещё! А где курочки? Где курочки?

— Здесь мы! — отвечали бабушки и начинали: — Куд-куда! Куд-куда!

— Мяу! Мяу!

— Гав! Гав!

(От злости я сломал уже несколько карандашей. Когда книгу будут печатать, я попрошу, чтобы эти места напечатали разными шрифтами. Как карандаш ломается, так тут и сменяют шрифт.)

— Ещё! Ещё! — приказывала Сусанна, хлопая в ладоши. — Теперь ты будешь собакой, он — кошкой, а вы — поросятами!

Наступила тишина.
Взрослые смотрели друг на друга, словно спрашивая: «Неужели перенесём и это?» И отвечали друг другу: «Не знаю». Сусанна закрывала глаза — и хлоп на спину.

Первым не выдерживал папа, он кричал:
— Мяу! Мяу!
— Гав! Гав! — отвечала мама, а бабушки, обливаясь слезами и разливая валерьяновые капли, хрюкали.
И все смотрели на единственного, необыкновенного, любимого, с музыкальными способностями ребёнка и ждали,

что будет. А он — выпороть бы его хоть один раз! — лежал не двигаясь, всем своим видом говоря:

«И не стыдно вам? Не можете рассмешить больную! Разве так надо смешить? Докажите мне, что любите меня!»

— Ей опять плохо, — в страхе шептала мама и начинала: — Мяу! Гав! Гав! Мяу!

— Хрюмяу... — отзывался папа. — Хрюгав. Куд-хрю! Мяу-куд!

А бабушки, совсем растерявшись, запевали:

— Эй, моряк, ты слишком долго плавал...

— Спасибо, — заливаясь смехом, говорила наконец Су-санна. — Мне стало значительно легче. Дайте мне теперь по-есть чего-нибудь вкусенького, сладенького-сладенького!

И не спорьте: необыкновенный ребёнок!

Приготовимся к следующему номеру!

А кто из вас брюки умеет гладить? А пуговицы кто пришивать может?

В войну играете, носитесь как угорелые, «пах! пах!» кричите, а потом есть просите?

А вы по-настоящему поиграйте. Например, портянки выстирайте (или носки). Да котелок сами вычистите (или тарелки вымойте). А что? Как солдаты делают. У солдат домработниц нет, мамы, бабушки и жёны дома остались. Солдат всё сам умеет делать. Вот и поиграйте в таких солдат, в настоящих. У них вот много той самой домашней работы, которую за вас мамы и бабушки делают.

Примерно так рассуждала Лёлишна, готовя ужин и слыша за окном крики мальчишек.

Дедушке она сварила манной каши, а себе нажарила картошки и сделала салат. После пережитых волнений дедушка всё ещё не мог успокоиться и ел торопливо, часто поглядывая на дверь.

— Ты что? — спросила Лёлишна.

— Да так, — ответил дедушка, — стыдно сказать, но я по-баиваюсь.

— Чего? Кого?

— Кого-то. И чего-то. — Дедушка снова взглянул на дверь и извиняющимся тоном проговорил: — Пуганая ворона

куста боится. После того как любимый ребёнок влетел сюда с воздуха, можно ожидать чего угодно.

— Ничего тебе не надо ожидать, — сказала Лёлишна. — Любимый ребёнок набил себе две шишки и сейчас со злости дрессирует родителей. И бабушек... Ещё дать каши?

— Дать. А кто-то всё равно придёт. И что-то случится. Вот увидишь. — И он шёпотом закончил: — Я предчувствую. Раздался звонок, громкий, настойчивый, незнакомый.

— Это кто-нибудь из них, — прошептал дедушка, поспешно доедая кашу.

— Главное, не бойся, — укоризненно сказала внучка. — Пока я с тобой рядом, некого тебе бояться и нечего, — и направилась к дверям.

— Стой! — слабым голосом крикнул дедушка. — Мысль! Не открывай!

— Почему?

— Позвонят и уйдут.

Звонок повторился, ещё более настойчивый.

— Не бойся, — уже строго сказала Лёлишна и вышла в коридор. Она открыла дверь и радостно пригласила: — Ой, проходите, проходите! Дедушка, дедушка, посмотри, кто к нам пришёл!

— Тигрёнка не пугайтесь, — сказал Эдуард Иванович, — он ручной.

— Да я знаю, знаю! — И Лёлишна тут же, в коридоре, рассказала о своём сегодняшнем знакомстве с Чипом. Войдя в комнату, она позвала дедушку.

В ответ — тишина.

— Дедушка, к нам гости!

Опять — тишина.

Лёлишна заглянула на кухню, потом в другую комнату, недоуменно пожала плечами.

Вдруг кто-то тонко чихнул. Чип зарычал. Эдуард Иванович глазами показал Лёлишне на шкаф. Она постучалась в дверцу.

— Войдите! — раздался из шкафа жалобный голос.

Дверца распахнулась, и все увидели напуганного дедушку, который сидел в шкафу, согнувшись в три погибели.

— Всё-таки испугался, — виноватым тоном произнёс он. — Не вас, конечно, и даже не этого зверя, а других.

Но раз все опасения и недоразумения рассеялись, а Эдуард Иванович принёс с собой торт, то началось чаепитие.

Чип лежал у ног дрессировщика и дремал. Дедушка изредка опасливо поглядывал на тигрёнка.

— И как это вы с ними? — спросил дедушка. — Они же звери. Почему они вас слушаются?

— Очень просто, — весело ответил Эдуард Иванович, — я их люблю. Я без них жить не могу. Я даже на пенсию уйду не один, а возьму с собой самого старого льва. Это будет первый в мире лев-пенсионер. Человек я одинокий. Жена и дети погибли в войну. Теперь моя семья — мои львы. Да вот Чип. И ещё есть у меня Хлоп-Хлоп, очаровательный маргыш. Мне его в Одессе подарили моряки.

— Конечно, ко всему можно привыкнуть, — заключил дедушка, — к одному только нельзя привыкнуть — к старости.

— Вот об этом я сейчас и думаю всё время, — оживлённо отозвался дрессировщик. — Мне нужно найти ученика, чтобы передать ему знания, опыт и львов.

— Да любой мальчишка согласится стать вашим учеником! — воскликнула Лёлишна. — Только позовите.

— А мне нужен не любой, а... — Тут Эдуард Иванович вздохнул, как бы хотел этим сказать, что найти нужного ему мальчишку почти невозможно. — Он должен быть смелым, любознательным, упорным.

— Найдёте вы себе ученика, — сказал дедушка, — или ученицу.

— Ученика, — твёрдо проговорил Эдуард Иванович.

— Найдёте, найдёте, — обиженно сказала Лёлишна, словно она собиралась стать дрессировщицей, а её не брали. — Но как же вы его учить будете, если вы всё время из города в город переезжаете? Его же родители не отпустят.

— Можно взять его вместе с родителями, — сказал дедушка.

— Трудно, конечно, найти родителей, которые согласятся отпустить ребёнка со мной, — грустно произнёс Эдуард Иванович. — А кого с удовольствием отпускают, из такого дрессировщика не получится. Пришла как-то ко мне одна мамаша и говорит: «Возьмите вы моего лоботряса, справиться с ним никто не может. Авось вам он пригодится. Поддрессируйте его хоть немножко». Смех смехом, а найти ученика трудно.

— У нас есть смелые, любознательные, упорные мальчишки, — сказала Лёлишна.

— Очень хочу с ними познакомиться, — сказал Эдуард Иванович.

Когда улеглись спать, Лёлишна долго лежала с открытыми глазами, думала.

Конечно, она не собиралась стать дрессировщицей, но всё-таки обидно: почему Эдуард Иванович ищет ученика, а не ученицу?

Продолжаем подготовку к следующему номеру.

До чего же радостно было просыпаться Лёлишне утром на другой день! Открыв глаза и вспомнив обо всём, она испугалась: а вдруг это ей просто приснилось? Вдруг нет никакого Чипа и никакого Эдуарда Ивановича?

Она встала, быстро оделась — и на кухню. И вскоре уже напевала:

Будет каша кип-кип-кип,
Её будет кушать Чип.
Кушать, наедаться,
Прыгать и смеяться.
Кип-кип!
Чип-Чип!

Вдруг кто-то за её спиной громко чихнул.

— Будьте здоровы! — крикнула Лёлишна и рассмеялась: это был Чип. — Чем же мне тебя угостить?

Чип зевнул и потянулся, как кошка, выгнув спину. Лёлишна бросила ему кусок сахара. Чип благодарно помахал хвостом, похрустел сахаром, облизнулся и глазами попросил: «Дай ещё, не жадничай».

— Чип, ко мне! — раздался голос Эдуарда Ивановича.

«Давай, давай быстро! — просил взглядом тигрёнок. — Мне некогда! Угощай!»

Лёлишна отрицательно покачала головой.

Может быть, Чип решил, что Лёлишна жадная. Но на самом деле она просто знала, что до завтрака детям сладкое давать нельзя. А тигрёнок — ребёнок.

Эдуард Иванович появился на кухне в зелёном, с широкими чёрными полосами длинном халате. Седые волосы были гладко зачёсаны.

— Доброе утро, хозяйюшка, — сказал он. — Сколько кусков сахара удалось добыть полосатому попрошайке?

— Всего-навсего один.

— И то зря. Сахар, хозяйюшка, надо сначала заработать...

Готовить мы с тобой будем по очереди. А как-нибудь я устрою тебе выходной день. Самый настоящий. Трудно тебе?

— Ну и что? Я привыкла.

— Вижу. Молодец!

— И всё-таки вам требуется ученик, а не ученица.

— Потому что это мужское дело! — крикнул из комнаты дедушка. — Если обязательно необходимо, чтобы львы кого-нибудь слопали, бросьте им меня.

— Не беспокойся, — ответила Лёлишна, — никто меня в укротительницы не берёт. А сейчас будем завтракать.

За столом дедушка был хмурым, не разговаривал и даже немного покапризничал. Каша показалась ему недосоленной; он солил её, солил и до того досолил, что есть уже было нельзя. Но он ел. Незаметно смахивал слезинки и ел, бедный.

Лёлишна знала: в таких случаях лучше помалкивать, делать вид, что ничего не случилось. Недавно она водила дедушку в больницу, а на другой день зашла к врачу, и тот объяснил, что у дедушки больные нервы. А это значит, что его нельзя раздражать, ему нельзя волноваться.

Выпив чаю, дедушка чуть успокоился, почувствовал себя виноватым и пробормотал:

— Нервы у меня пошаливают.

— А у кого они не пошаливают? — весело отозвался Эдуард Иванович. — И у зверей, и у людей. Вот и я старею, и нервы сдают.

— Я, видимо, тоже старею. — Дедушка вздохнул. — Внуке со мной тяжело.

— Неправда, — мягко возразила Лёлишна, — без тебя мне было бы в миллион раз тяжелей.

Уходя, Эдуард Иванович пригласил её на репетицию и попросил привести с собой одного из смелых, любознательных, упорных мальчишек.

МАЛЬЧИК В КЛЕТКЕ С ЖИВЫМ ЛЬВОМ!

Читателя со слабыми нервами просят не читать!

МАЛЬЧИК В КЛЕТКЕ С ЖИВЫМ ЛЬВОМ!

Только в нашем цирке!

В пустом цирке неуютно и холодновато. Даже летом. Ветер похлопывает брезентовым куполом. Над ареной включено всего несколько ламп.

Балкончик для оркестра пуст. На манеже работали трое акробатов. Четвёртый стоял в сторонке и недовольно повторял:

— Темп! Темп!

Лёлишна с Виктором задержались в проходе, поёживаясь от холодка. Они взялись за руки, словно перед входом в сказку. И, как во всякой сказке, здесь было и страшновато, и таинственно, и, главное, очень интересно.

Акробатов сменили жонглёры. Улыбаясь, они бросали друг в друга мячами, тарелками, булавами, кольцами.

И Лёлишна с Виктором радостно шептали:

— Темп! Темп! Темп!

Так они могли стоять и смотреть без конца, но тут один из жонглёров спросил:

— Вы к кому?

— К Эдуарду Ивановичу.

— Это вон туда, — жонглёр показал на вход, вернее, на выход под балкончиком для оркестра, — там его и найдёте. Только рты закройте.

Лёлишна и Виктор посмотрели друг на друга: рты у них были широко раскрыты. Посмеявшись, ребята пошли к выходу на арену. Тут в коридоре они снова остановились и снова широко раскрыли рты. Здесь были клетки со львами, разные непонятные, диковинные сооружения, сновали люди.

— В сторону, в сторону, не мешайте!

Ребята отскочили, пропуская рабочих, несущих огромные шести.

— Не мешать!

Ребята опять отскочили, чтобы не попасть под колёса какого-то невероятного сооружения.

— Сюда, ребяташки, сюда! — услышали они голос Эдуарда Ивановича.

Стены его маленькой комнатки были оклеены красочными афишами. Лёлишна видела их не впервые, но только сейчас обратила внимание, что на афишах укротитель выглядит моложе и волосы у него не седые, а чёрные.

— Когда-то я был таким, каким сейчас бываю только на рекламе, — грустно сказал Эдуард Иванович. Он уже облачился в голубые брюки и красную куртку.

Откуда-то сверху на плечо к дрессировщику прыгнул мартыш и устоялся на гостей.

— Знакомьтесь, — проговорил Эдуард Иванович, — Хлоп-

Хлоп, самый хитрый, самый обидчивый, самый недисциплинированный зверь в нашей труппе. Давно бы отдал его в зоопарк, но люблю.

Хлоп-Хлоп обнял хозяина за шею и пискнул: дескать, правильно.

— Спортом занимаешься? — спросил Виктор Эдуард Иванович.

— Он чемпион школы по лыжам, — ответила Лёлишна.

— А учишься как?

— Он отличник, — опять ответила за Виктора Лёлишна, потом вздохнула и добавила: — А ещё он смелый.

— Я стараюсь быть смелым, — поправил Виктор, — но не всегда это получается. Например, я не представляю, как можно войти в клетку ко львам и не умереть от страха.

— Это не страшно. Надо просто знать их. Все повадки, привычки, характеры. Можно сказать, что укротитель, как и сапёр, ошибается один раз в жизни. И вот надо работать так, — Эдуард Иванович улыбнулся, — чтобы ни разу не ошибиться. Ну, а сейчас идите в зрительный зал, после репетиции встретимся.

И ребята следом за Хлоп-Хлопом вышли в коридор и снова попали в суматоху.

Суматоха осложнялась ещё и тем, что к арене тянулся коридор из железных прутьев.

И уж как там случилось, никто потом толком и понять не мог. Зазевавшись и ища взглядом Хлоп-Хлопа, который убежал вперёд, Виктор шагнул в железный коридор. Не заметил этого. И зашагал дальше.

Лёлишна смотрела по сторонам и шла, казалось, совсем рядом, — их с Виктором разделяла только решётка.

В это время рабочие подкатили к железному коридору клетку. Подняли дверцу. И лев по знакомой дороге побежал на арену.

Только тут сообразив, что произошло, Лёлишна завизжала. Хлоп-Хлоп пронзительно заверещал.

Виктор резко обернулся и замер, раскинув руки, будто намеревался не пускать зверя на манеж.

Лев остановился. Рыкнул.

Тут подоспели рабочие, вооружённые шестами с железными наконечниками, преградили ими льву дорогу и пытались заставить его повернуть обратно.

Мальчик не шевелился. Это озадачило зверя.

Если бы Виктор повернулся к нему спиной и побежал, лев бы стрелой бросился на него: и... Но мальчик не двигался. И льву стало ясно: маленький человек его не боится.

— Витя, Витя, Витя... — шептала Лёлишна.

Взбешённый ударами, лев раскрыл пасть и зарычал так, что Лёлишна закрыла лицо руками. Подбодрив себя рёвом, лев кинулся к Виктору. Удары железными наконечниками только злили зверя, но не могли остановить. Лев стал пригибаться, готовясь к прыжку. Виктор не двигался.

— Цезарь, назад! — Это в железный коридор вбежал Эдуард Иванович.

Лев получил удар бичом, второй, третий... И бросился на дрессировщика. Тот разрядил пистолет прямо ему в морду. И закрыл собою мальчика.

В обезумевшего льва направили струю из шланга. Он бросился назад, в клетку. Опустилась дверца.

Эдуард Иванович обнял Виктора и глухо проговорил:

— Молодец, мальчик, молодец...

Репетицию, конечно, отложили: надо было выждать, пока успокоятся звери, поднявшие страшный рёв.

Виктор старался улыбнуться, но улыбка получалась слабой, жалкой даже.

На плече Эдуарда Ивановича оказался Хлоп-Хлоп. Он гладил хозяину волосы и возмущённо попискивал.

«Я им задам! — словно бы говорил он. — Они ещё у меня узнают! Не волнуйся, я рядом с тобой и не дам тебя в обиду». А Лёлишна заплакала.

— Я так испугалась, я так испугалась! — сквозь слёзы бормотала она. — Меня до сих пор всю трясёт!

Виктор молчал.

Вот на этом — конец первого отделения нашей программы. Сейчас объявляется...

АНТРАКТ

*на несколько страниц, во время которого
состоится более подробное знакомство уважаемых
читателей с личностью по прозвищу Головешка.*

Горшков, тот самый милиционер, который считал цирк пустой забавой, на время гастролей шапито был к нему прикреплён для дежурства.

И хотя в милиции дисциплина строгая и возражать начальству нельзя, Горшков сказал:

— Уж это не работа, товарищ капитан, а наказание.

— Правильно, Горшков, рассуждаешь, — ответил капитан, — для тебя это наказание. За то, что цирка не понимаешь. Постарайся понять, пока там будешь дежурить.

— Есть постараться понять, товарищ капитан! — грустно сказал Горшков. — Разрешите идти?

И пришёл в цирк, и сразу встретился с Григорием Васильевичем.

— Вы же говорили, что ноги вашей здесь не будет? — сказал фокусник.

— Говорил, — согласился милиционер. — Не по своей я воле здесь. По долгу службы. А как насчёт Головешки?

— Какой головешки?

— Того самого Головешки, — объяснил Горшков, — у которого совести мало, а руки золотые. Мозговая система работает не очень, а парень хороший. Очень мне хочется вас с ним познакомить. На предмет его исправления. Может, приохотите его к фокусам?

— Прошу вас, — обиженно сказал Григорий Васильевич, — не приставать ко мне со всякими головешками. Надело. Лучше верните мне мой портсигар.

— Какой портсигар?!

— Мой. Который вы себе в карман засунули. Вон в тот, — сказал Григорий Васильевич.

Горшков сунул руку в карман своих брюк, вытащил портсигар, проговорил восхищённо:

— Чисто работаете. Но берегите свой портсигар. Головешка вам докажет, на что он способен. Только не обижаться.

— А я покажу вам с вашим Головешкой, как я умею работать. Только не обижаться.

— Договорились.

Головешку милиционер разыскал в кассовом зале панорамного кинотеатра.

Маленький, худой, в старой ковбойке с продранными локтями, в штанах чуть не до подмышек, в огромных ботинках с загнутыми вверх носками, Головешка скалил зубы да по-свистывал. Увидев Горшкова, он улыбнулся ему, как самому дорогому другу, и приветствовал:

— Здравия желаем вам, товарищ дядя Горшков!

— Я-то здоровый, — грустно ответил Горшков. — У матери вот как здоровье?

— Обычно.

— Ну ладно. Сделаем ещё одну попытку в человека тебя превратить. Слоняться без дела никому не положено. Пойдём-ка.

Головешка покорно двинулся следом.

Они пересекли улицу, вошли в городской сад и присели на скамейку.

— Ты, главное, пойми, — начал Горшков, — вникай в каждое моё слово и каждое моё слово постарайся понять. Вот слушай.

И Горшков рассказал о фокуснике Григории Васильевиче, который, по его твёрдому убеждению, мог заинтересовать непутёвого мальчишку, увлечь его так, что Головешка и думать забудет о своём карманном ремесле.

— Ты вникни, — убеждал Горшков, — навыки у вас вроде бы одинаковые. Только ты народу вред и горе приносишь своими навыками, а он — вроде бы пользу. Во всяком случае, вреда нет. Законом разрешается. Понравится ему твоя работа, он тебя в обучение возьмёт. Артистом будешь. Понимаешь?

И Головешка понял: он должен достать из кармана фокусника портсигар и тем самым доказать, как выразился Горшков, высокое качество своей подлой работы. Фокусник будет поражён ловкостью рук и начнёт учить Головешку цирковым фокусам.

Поехали к цирку. Дождались, когда вышел Григорий Васильевич и направился к трамвайной остановке. Головешка — за ним. Сели в один вагон. Головешка пристроился за спиной фокусника. Когда на повороте трамвай затормозил и пассажиры повалились друг на друга, Головешка — раз! и нащупал портсигар. И потянул...

Не тянется... Будто прилип к подкладке. Пришлось убрать руку.

Каждый мускул, каждая мышца, каждый нерв Головешки были включены. На носу даже выступили капельки пота. Но ничего не мог понять Головешка.

И когда на остановке пассажиры повалились друг на друга, он снова сунул руку в уже знакомый карман, снова нащупал портсигар, потянул... Не тянется! Да что же это такое?

Головешка вытащил пустую руку, и тут Григорий Васильевич обернулся, взглянул на него насмешливо и вышел из вагона.

Обескураженный Головешка вернулся к цирку...

— Ну? — спросил Горшков.

— Пробовал вот этой самой, — Головешка протянул правую руку, — два раза пробовал, а портсигар вытащить не мог. Он у него как приклеенный.

— Эх! Один раз попросил тебя доброе дело сделать, и то...

— Завтра попробую.

— «Попробую, попробую!» — почти передразнил милиционер. — А всё от твоей неосознанности проистекает. Один раз попросил...

— Я тут ни при чём. Чего-то у него с этим портсигаром сделано. Устройство там.

— А ты должен его перехитрить. И устройство, и фокусника. Понимаешь? Обязан его перехитрить. Тогда, повторяю, в цирке работать будешь.

ПЕРВЫЙ ЗВОНОК!

Конечно, поведение Горшкова может кого-то и удивить и даже показаться неправильным. Кто знает — наверное, имелись и другие способы убедить Григория Васильевича заинтересоваться судьбой Головешки.

А Горшков придумал свой способ. Ведь он относился к мальчику как к попавшему в беду человеку и старался ему помочь. Жил Головешка без присмотра и в любой момент мог попасть в дурную компанию.

Так вот, на другое утро мальчишка сидел в сквере напротив гостиницы, ждал Григория Васильевича. Дождался и вместе с ним сел в трамвай. Но в трамвае было всего несколько человек. Действовать в подобных условиях почти невозможно.

Всего какое-то мгновение потребовалось Головешке, чтобы, проходя мимо фокусника, чуть задеть его плечом и... портсигар был в кармане Головешки.

Вот вам и фокусник!

На это и рассчитывал Горшков.

ВТОРОЙ ЗВОНОК!

Увидя подходившего к цирку Григория Васильевича, он приложил руку к козырьку, улынулся во весь рот и приветствовал во весь голос, на всю улицу:

— Здравия желаю, гражданин фокусник!

Григорий Васильевич поздоровался, тоже улыбнулся и прошёл мимо. А Головешка приближался с важным видом, неторопливо, смотря по сторонам независимо.

— Ну? — нетерпеливо спросил Горшков.

Мальчишка отдал ему портсигар.

— Золотые руки! — растроганно проговорил милиционер. — Научить бы их чему-нибудь хорошему... Можешь считать, что ты в цирке работаешь. Идём.

ТРЕТИЙ ЗВОНОК!

К О Н Е Ц
А Н Т Р А К Т А

*ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ!*

*Н А Ч И Н А Е М
В Т О Р О Е О Т Д Е Л Е Н И Е
Н А Ш Е Й
П Р О Г Р А М М Ы!*

У входа стоял Григорий Васильевич. Он удивлённо спросил:

— Что с вами такое? Трубы чистили?

— Проиграл один — ноль, — ответил Горшков. — Натянула вашу машину, — и отдал портсигар.

— Два — ноль вы проиграли, — поправил Григорий Васильевич. — Вчера этот молодой человек чуть-чуть мне карман не оторвал. Золотые руки, да голова... не очень золотая.

— Это мы ещё проверим, — сказал Горшков. — А за такие

шутки можно к ответу призвать. Кого? Горшкова. Он, он во всём виноват. Но и его тоже надо понять, гражданин фокусник. Ведь если бы не Горшков, пропал бы Головешка давным-давно. А Горшков жалеет его и вас пожалеть его просит.

— Идите умойтесь, — сказал Григорий Васильевич, — потом побеседуем.

Умывание длилось довольно долго, пришлось ведь ещё и одежду чистить.

Горшков всё это время говорил:

— Иногда человека воспитать легче лёгкого. Бывают люди, их и воспитывать не надо. Такими хорошими они и родились. А попадётся иной раз, так сказать, человечек — наука перед ним в тупик встаёт, не то что милиция. Вот Головешка с виду человек. Руки, ноги имеются. Говорит человеческим голосом, а сознательности — кот наплакал... Идём беседовать.

Войдя в зрительный зал, Головешка глаза вытаращил.

На арене работали акробаты-прыгуны. Чего они только не выделывали! Они подбрасывали друг друга со специальных подкидных досок, переворачивались в воздухе. А опускались они не на арену, а на плечи товарищей.

— Вот это да! — прошептал Головешка.

Но тут прыгуны убежали, а на манеж выпустили красивую белую лошадь. В центре встал какой-то мужчина в чёрном пиджаке, белых галифе, с длинным хлыстом в руке.

Лошадь бежала ровно и сильно.

На барьере появилась маленькая девочка в розовой балетной пачке и чёрных чулках.

— Ух какая куколка! — крикнул Головешка и сразу примолк, потому что куколка на всём скаку прыгнула лошади на круп и сделала стойку на руках.

— Вот тебе и куколка, — мрачно сказал Горшков, — покалечиться в любой момент может.

А девочка и не собиралась калечиться.

— Ап! — командовал мужчина.

И девочка, перевернувшись в воздухе, ловко опускалась на бегущую лошадь.

Горшков тянул мальчишку за рукав, но Головешка не двигался. В цирке он был впервые. Это оказалось для него интереснее любого кинофильма, даже панорамного.

— Ничего себе! — шептал Головешка.

Милиционер взял его за руку и повёл.

В комнатке Григория Васильевича стоял столик с трельяжем — тройным зеркалом. Мальчишка — сразу к нему и дай себе рожи строить. И хохотать. Ещё бы: на него смотрели сразу трое Головешек — один в середине и два по бокам.

— Что ты умеешь делать? — спросил Григорий Васильевич.

— С картами три фокуса знаю, петухом кричать могу. Спичку с огнём во рту могу держать. Солдатиком нырять умею.

— Короче говоря, ничего не умеешь делать.

— А основная работа? — спросил Горшков. — Ловкость-то рук!

— Руки у него ловкие, — согласился фокусник. — Ну и что? Но он ничего не умеет ими делать. И мускулы у него слабенькие.

— Не могу с вами согласиться, — мрачно проговорил Горшков. — Просто поражаюсь вашему равнодушию к судьбе данного ребёнка. Пропадёт ведь он.

— Не знаю, — спокойно ответил Григорий Васильевич. — Брать его в ученики? Но через три месяца я уеду отсюда.

— За три месяца можно многому научиться.

— Давайте сделаем так, — предложил Григорий Васильевич, — пусть приходит на представление, а там будет видно. Я за это время подумаю.

— Вот правильно! — Горшков крепко, от всей души пожал фокуснику руку. — Так ближе к делу.

Двенадцатый номер нашей программы.

НА АРЕНУ ДЕЙСТВИЯ ПРОНИКАЕТ ДЕДУШКА.

*Оркестр, сыграйте в таком случае
что-нибудь не очень весёлое.*

Прошу!

С рынка Лёлишна вернулась усталая, до того усталая, что как села на табуретку, так и сидела.

Дедушка спросил:

— Устала?

— Устала немного.

— Ничего себе — немного! — возмутился дедушка. —

Я вижу. Так вот, с завтрашнего дня я хожу на рынок, я хожу по магазинам!

— А следом я на «скорой помощи»?

— В этом не будет необходимости. Выдержу.

— Я тоже выдержу. Сейчас отдохну и начну готовить обед.

— А почему не я?

— Потому что у тебя обязательно что-нибудь сгорит, убежит, уплывёт. И потом будет плохо с сердцем. А скоро вернётся Эдуард Иванович, его надо накормить.

— Нет, нет, так больше продолжаться не может! — разгорячился дедушка. — Я обязан о тебе заботиться, а не ты обо мне. Я старше. Отныне я всё беру на себя. И никаких «скорых помощей»! Мне всего семьдесят шесть лет! — Он схватился за сердце.

— Тебе нельзя волноваться, — сказала Лёлишна, — а устала я оттого, что много волновалась. Мы были в цирке на репетиции, и Виктор попал в клетку ко льву.

— Когда похороны? — прошептал дедушка.

— Всё окончилось хорошо. Но мне до сих пор страшно.

— Даже мне стало страшно. Со львами шутки плохи. Я, пожалуй, прилягу.

Лёлишна помогла ему лечь и принялась готовить обед. Работа всегда отвлекала её от грустных мыслей, но сейчас этого не случилось. Она всё вспоминала и вспоминала лицо Виктора, когда к нему приближался Цезарь...

— Хочется теперь тебе быть укротителем? — спросила Лёлишна, когда они вышли из цирка.

— Не знаю, — ответил Виктор.

«А вот мне захотелось стать укротительницей, — думала она, разжигая духовку, — захотелось, и всё! Мне не забыть, как ворвался в железный коридор Эдуард Иванович. Лев мог убить его одной лапой, а... убежал!»

Эх, если бы она была мальчишкой!.. Она бы стала учеником Эдуарда Ивановича. Стала бы!

И Лёлишна представила, как она в ярком цирковом наряде, с бичом в руке, с пистолетами за кожаным поясом под звуки марша выходит на манеж.

На тумбах сидят гордые львы и львицы. Она их не боится ни капельку. Они слушаются её, как отличники учительницу. И со всех сторон раздаются голоса:

«Да ведь это Лёлишна!» — «Она! Она!» — «Вот это да!»

И наступает главный номер, такой, какого ещё не было в цирках. Лёлишна садится на самого большого льва и кричит:

«Но-о-о-о!»

Лев скачет. Она держится руками за его гриву. Лев бежит и рычит.

«Тпру!» — останавливает его Лёлишна и под гром аплодисментов прыгивает на землю.

Но вдруг один из львов бросается на маленькую дрессировщицу. Она стреляет из обоих пистолетов. Грохот. Дым.

— Лёля! — слышит вдруг она голос бабушки. — Что там за дым? Что горит?

Дым шёл из духовки — горело мясо.

Лёлишна вытащила кастрюлю, раскрыла окна и полотенцем стала выгонять дым.

Такое с ней случилось впервые, и она, конечно, расстроилась. Во-первых, просто жаль мяса, во-вторых, она вообще не любила, если что-нибудь получалось не так, как надо.

И ещё она вспомнила, как на днях рассердилась на бабушку за сгоревшую рыбу.

— Вот, — виновато произнесла внучка, когда он вышел на кухню, — размечталась и прозевала.

— Бывает, бывает, — улыбаясь, сказал бабушка и уточнил: — Со всеми бывает. А о чём размечталась?

— Да так, — уклончиво отозвалась внучка, — о разных разностях.

Но бабушка не уходил. Он стоял в дверях, словно пришёл за чем-то, а за чем именно, забыл.

Лёлишна срезала с мяса горелую корку.

Помявшись, бабушка спросил:

— Видимо, этот случай с Виктором подействовал на тебя? Быть дрессировщиком — занятие, как ты поняла, не из безопасных? Ничего в нём привлекательного, конечно, нет?

— Что ты! — вырвалось у Лёлишны. — Это так здорово!

— Но ведь в перспективе — их обязательно едят. Укротитель ошибается один раз в жизни, ты ведь слышала? И потом... девочек-дрессировщиц не бывает.

— Не было, ты хотел сказать?

— И не будет. Кстати, — напомнил бабушка, — мне ведь нельзя волноваться. У меня, и ты это хорошо знаешь, большие нервы.

— Волнуешься ты напрасно. Ни в какие дрессировщицы никто меня не возьмёт, — грустно проговорила Лёлишна. — А нервы мы тебе вылечим.

— Ты должна дать мне честное слово, — попросил дедушка, — что ты забудешь о всяких там хищниках вроде львов! Я жду!

— Я не могу дать такого слова, — тихо, но твёрдо сказала Лёлишна, — потому что я ещё ничего не знаю.

— Хо-ро-шо! — почти крикнул дедушка. — Поступай как хочешь! Но учти: я не пе-ре-жи-ву! А если переживу, то с никуда не годными нервами. Налей мне валерьянки. Тридцать четыре капли — норму и сверх нормы ещё... столько же. Я ложусь. Мне плохо.

И дедушка лёг на диван с таким видом, словно Лёлишну уже ел лев.

*Продолжаем нашу программу.
Весь вечер у ковра ПЕТЬКА-ПАРА.*

И задумал Петька убежать из дому.

Мысль эта забралась ему в голову совершенно неожиданно, как говорится, без всякой предварительной подготовки. Шла, видимо, шла, наткнулась на Петькину голову, места свободного там много, вот мысль туда и забралась. А уж если она туда забралась, он вам её не отпустит: не так уж часто его мысли посещают.

Уловив эту мысль, Петька радостно сплюнул. Ему даже показалось, что он очень умный человек. А вы должны знать, что стоит человеку поверить в то, что он очень умный, как он тут же начинает делать глупости.

Петька одному лишь удивлялся: почему же раньше он не замечал, что является очень умным?

Всё сразу показалось простым. И, сидя в ванной комнате, куда его закрыли за то, что он ходил в магазин целых полтора часа и вместо масла купил сыр, Петька обдумывал план побега.

Во-первых, куда бежать? Во-вторых, когда бежать? В-третьих, как?

Когда — это ясно. Сегодня.

Куда? Тоже ясно. Сначала в Москву, а там видно будет.

Как? А как придётся. Лишь бы в поезд забраться. Всю

дорогу он преспокойно проспит, не привыкать спать подолгу, а проснётся уже в Москве.

Вот бы денег достать! Тоже просто: надо продать учебники. Карандаш продать, ручки, перья, тетради... Поступит он на работу и заживёт, как люди живут. Эх, выпустили бы только!

— Живой? — спросил за дверью отец.

— Замёрз, — ответил сын, — выпустите. Пора уж.

Из ванной он вышел такой сияющий, что отец удовлетворённо сказал:

— Видать, подействовало. Учтём. Поди поешь.

За столом Петька набил полные карманы кусками хлеба и сахара. Он тихонечко вынес в коридор портфель, куда сложил учебники и прочие вещи для продажи.

— Я бегать, — сказал он.

— Валяй, — отозвался отец, — только не до полночи.

На лестнице Петька остановился, вздрогнув, словно кто-то его резко окликнул.

«Попадёт, — пронеслось в голове, — так попадёт, что...»

Он сел на ступеньку. И опять вздрогнул, словно опять кто-то его резко окликнул.

Выскочив на улицу, Петька увидел Сусанну.

Скромно опустив глазки, в нарядном платье, с огромным бантом в волосах, с чёлкой, прикрывающей шишку на лбу, она стояла, как кукла из магазина «Детский мир».

Все малыши, игравшие до её появления во дворе, разбежались врассыпную. Бабушки, сидевшие с вязаньем в руках, настороженно следили за каждым её шагом. А Сусанна поглядывала по сторонам.

Выбирала жертву.

Интересной жертвы пока не было.

Одним прыжком Петька подскочил к Сусанне. Ударил портфелем. И — ног не видно — побежал, набирая скорость. Он мчался так быстро, что даже Сусаннин визг не смог его догнать. Значит — сверхвизговая скорость. Рекорд!

До железнодорожного вокзала Петька добрался без всяких приключений, и, хотя временами его охватывал страх, о возвращении домой он не думал.

На запасных путях разыскал состав, на каждом вагоне которого было написано, что он идёт в Москву.

Все вагоны были закрыты, но в конце состава оказалось несколько товарных вагонов с открытыми дверями.

«А какая мне разница? — решил Петька. — Я могу и в товарном. Даже лучше».

Он забрался в вагон, на четвереньках прополз в угол, лёг, подсунув под голову портфель, плюнул и стал ждать, когда состав переведут на главный путь, сделают посадку — и ту-ту-у-у!.. И уснул.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Но перед началом следующего номера автор ненадолго просит слова.

Вот мы и движемся потихоньку вперед.

Стопка бумаги (исписанной) слева от меня растёт. А стопка чистой бумаги справа тает.

Уже вторая осень за окном, с тех пор как я сел писать эту повесть. А закончу я её зимой, не раньше.

И надо вам сказать (может быть, вы этого не знаете), что рукопись книги — всё равно что родной ребёнок. Иногда его (то есть её) хочется или приласкать, или отшлёпать, или похвалить, или в угол поставить (точнее говоря, положить).

Каждый родитель мечтает, чтобы его ребёнок вырос хорошим, добрым, полезным людям, верным.

Но как иногда дети бывают плохими, так и с книгами это случается. И как родителей вызывают в школу, когда их дети ведут себя неважно, так и нас, авторов, призывают к ответу.

Мне кажется, что нам с вами надо потолковать о том, почему я стараюсь писать весело. Думаю, что вы меня поймёте.

Я очень хорошо помню, как я сам был маленьким. До того помню, что понимаю вас даже тогда, когда вы творите глупости. А если я пишу смешные книжки, то это вовсе не значит, что меня с утра до вечера распирает смех. Тем более это не значит, что от всех вас я всегда в восторге и не понимаю, что иногда из-за вас не смеяться, а плакать надо.

И всё-таки я посмеиваюсь над своими героями и не ставлю их в угол. Почему?

Основная ваша ошибка заключается в том, что вы совершенно напрасно думаете, что взрослые вас не понимают.

Будто они оттого запрещают вам кое-что выделять, что до них, до взрослых, не доходит прелесть этого кое-чего.

Например, если вам не дают бегать до двенадцати часов ночи, то лишь потому, что не представляют, как это здорово. Да не так всё, не так!

Уж если вы решили, что взрослые не всегда вас понимают, то что делать взрослым, если вы их редко понимаете?

Вам надоело слушать, как вас учат, а взрослым учить вас надоедает. Отсюда и неприятности. И вам плохо. И взрослым не лучше.

Вот из-за этого я и решил схитрить, когда понял, что моя судьба — писать книжки для детей. Никуда мне от этого не спрятаться.

Если я буду вас учить уму-разуму, втолковывать вам, что дважды два четыре, ничего из этого может и не получиться. Зевнёте, отложите мою книжку в сторону и что-нибудь про шпионов читать будете (или бегать убежите).

Вот я и решил стать юмористическим писателем. А это значит: научился я быть весёлым, как бы грустно мне ни было.

Ведь каждой книжке хочется стать для вас умным другом. А весёлый друг — он ещё обязательно и добр, и терпелив. Учит он незаметно. Так и смешная книжка: смех-то смехом, а за ним — всё серьёзно. Но заметит это только неглупый человек. На него я и рассчитываю.

Недаром говорят: смех — дело очень серьёзное.

А теперь

ПРОДОЛЖАЕМ НАШУ ПРОГРАММУ!

Из цирка Головешка вышел расстроенным. Не радовало его даже приглашение прийти на открытие шапито. Особенно расстроила мальчишку наездница Эмма, которую он сначала обозвал куколкой.

Посмотрел на неё, и стало ему завидно.

«На лошади скачет, видите ли! — рассуждал Головешка сам с собой. — А мне всю жизнь только в трамваи вскакивать, да? Прыг-скок? Скок-прыг — всю жизнь? Да если бы меня учили, да лошадь бы дали, да от школы освободили, да кормили бы... да я бы тогда...»

И, ещё более раздосадованный, он решил с кем-нибудь подраться, чтобы успокоиться. Он всегда дрался, когда у него

было плохое настроение. Надаёт кому-нибудь — и сразу успокоится, будто доброе дело делает.

Конечно, возникает вопрос: если он нападает на человека, значит, он, Головешка, смелый? Значит, не боится?

Не смелый, а наглый. И не боится потому, что наглецам редко дают сдачи. Причём чем наглее наглец, тем меньше у него опасения получить сдачи. Поэтому Головешка, как правило, выбирал жертву длиннее себя. И чем длиннее была жертва, тем быстрее она улепётывала.

Да почему же? Да потому, что многие уверены: если на тебя нападают, значит, сильнее тебя. И с такими не связываются. Улепётывают.

Этому приёму Головешку научили жулики. Так и сказали:

— Сам убежать всегда успеешь. Сначала попробуй, чтоб от тебя убежали. Силы нет — бери нахальством. Нахальства нет — трудной жизнью жить будешь.

Раз попробовал Головешка — получилось. Два — получилось. Три. Четыре.

Пя... И не получилось. Головешка сам получил. (Если вы помните, это был случай с Виктором Мокроусовым, когда он учился побеждать.)

На некоторое время Головешка попритих. Но вот сейчас, когда на душе было тяжело, он вспомнил, как можно улучшить настроение.

Впереди по скверу шёл мальчик. Головешка бац ему по спине.

Мальчик обернулся и попал Головешке в ухо.

И спросил:

— Ещё надо?

— В милицию за такие дела надо, — ответил Головешка и крикнул: — Опять ты, да?

Виктор тоже узнал его, сказал:

— Опять я. А ты всё ещё на людей бросаешься?

— Я в цирке был сейчас. Лошадь видел дрессированную. И ещё кое-кого. Меня туда работать берут. Фокусником.

А Виктор рассказал ему о том, как он побывал в цирке и в клетке со львом.

— Врёшь?! — с надеждой спросил Головешка.

— Зачем мне врать? А как ты в цирк попал?

Они присели на скамейку, и Головешка понемногу рассказал о себе всё. Разговорился.

— В колонию меня собираются отправить. Как неподдающегося. А чему поддаваться-то? Учёбе? Нужна она мне! И мать мне бросать нельзя. Я — её единственная надежда.

— Никакая ты не надежда, — сказал Виктор, — а дурак.

— Хватит ругаться. Не мужское это дело. Пойдём лучше к цирку, посмотрим чего-нибудь.

Но до цирка они не дошли.

Рассказ об этом...

следующий номер нашей программы.

ЛЁЛИШНА СОБИРАЕТСЯ РЕМОНТИРОВАТЬ ГОЛОВЕШКУ!

Настоящих друзей у Головешки не было. Поэтому он даже подпрыгивал, идя с Виктором, и без умолку болтал:

— Эммой её зовут. Она сама маленькая. А лошадь большая. Для неё эта девчонка будто муха. Бежит себе. А Эмма штучки разные выделявает. Мне бы дали такую конягу да из школы бы отпустили, я бы почище скакал да перекувыркивался.

— Девочка эта в школе учится, — сказал Виктор, — и жизнь у неё потяжелее, чем у нас с тобой. Вот у нас с тобой каникулы, а она работает. А зимой ещё и в школу ходить будет.

— Кто это тебе насочинял? — Головешка расхохотался. — Ну зачем ей в школу ходить? Семью семь учить? На лошади скачет, деньги получает...

— Тебя как зовут? Меня Виктор. Мокроусов.

— А меня Головешка.

— А имя?

— Имя? — недоуменно переспросил Головешка, будто за был. — Владик. Фамилия Краснов.

— Вот что, Владик. Если хочешь дружить, давай не будем на каждом шагу болтать глупости. Не люблю. Ты уже не маленький. Пора бы тебе поумнеть.

— А как?

— Об этом подумаем вместе. Представляю, как матери с тобой трудно. Лежит она больная и ждёт, что вот-вот тебя милиция домой доставит.

— Этого она как раз и не боится. Милиция у нас дома часто бывает. Мать даже радуется.

Шли они, как вы помните, в цирк, а пришли в милицию. Случилось это так. Когда впереди уже показался купол шапито, Виктора окликнули. Обернувшись, он увидел Лёлишну. Она бежала к нему через улицу и кричала:

— Петя ночью дома не ночевал! Милиция его ищет! — Она подбежала и спросила Головешку: — А ты чего чумазый такой? Витя, где ты такого подобрал?

— Из мусорной машины выпал, — пробурчал Головешка.

— А ты куда бежала? — спросил Виктор.

— Не знаю. Как услышала о Пете, так с испугу и побежала. Вот ведь какой дурной! Ждали его вчера, ждали, а ночью в милицию заявлять пошли.

— Никуда не денется, — авторитетно сказал Головешка, — найдут. Не таких ловили.

— А ты кто такой? — спросила Лёлишна.

— Я? В общем... Ну, обыкновенный человек.

— Вот что, обыкновенный человек, — проговорила Лёлишна, — надо тебя отремонтировать. Привести тебя в порядок надо. Но сначала зайдём в милицию.

Представление продолжается.

ВЫСТУПАЕТ,

как вы догадались, уважаемые читатели,

БЕГЛЕЦ ПЕТЬКА-ПАРА.

Спал Петька крепко. Но во сне он съел весь хлеб и сахар, которыми были у него набиты карманы.

Ещё сквозь сон он с удивлением почувствовал, что лежит не на раскладушке, а на жёстком полу, который стучит и подрагивает. Открыл глаза — ничего не видно.

Туман? Или пыль? Заорал Петька нечеловеческим голосом. А поезд набирал ход. Пыль клубами вылетала в открытые двери вагона. Петька орал и чихал. Чихал и орал. Глаза он от страха зажмурил. Весь он пропитался цементной пылью. Даже во рту был её привкус.

Когда Петька открыл глаза, пыль уже выдуло. Сердце мальчишкино стучало громче, чем колёса. Он вспомнил, что сбежал из дому, и в ужасе перестал не только кричать, но и дышать. Дышать-то он, конечно, через некоторое время начал, но молчал.

Поезд шёл мимо незнакомого города.

Петька смотрел, боясь подойти к дверям, но тут вспомнил своё правило: тратить время на что угодно, только не на раздумья. И он прыгнул.

И уже в воздухе пожалел об этом. Плотным потоком встречного ветра его отбросило далеко назад. И перевернуло.

Тут уже ничего не оставалось делать, разве мысленно попрощаться с родными и знакомыми, пожелать им счастливой жизни, успехов в труде и учёбе и пожалеть о собственной глупости.

Но и этого не успел сделать Петька. Приземлился. Не доставайте носовые платки, чтобы вытереть слёзы жалости. Просто скажите:

«Вот везёт!»

Насыпь вся была из галек, которые толстым слоем покрывали песчаное основание. И лишь в одном месте галек почти не было — только песок.

Вот именно на это место и приземлился Петька. Да ловко приземлился! Если и ушибся, то в данном случае это пустяки.

Лежал он лицом вниз, растянувшись, ничего не соображая. Долго лежал, не мог поверить, что живой. И думать-то толком не мог: голову ему сильно встряхнуло. Затылок болел. В ушах гудело. Из носа текла кровь.

Но когда он увидел, что город совсем близко, вот тут, за неширокой полосой молодых берёзок, сразу сел.

Окраина как окраина. Невысокие деревянные домики среди зелени. А вот дальше — большой город.

«Куда это меня занесло? — подумал Петька со страхом и восхищением. — Великий я путешественник!»

«Есть хочу!» — вдруг кто-то сказал громко и резко.

Петька оглянулся по сторонам: никого нет.

«Хочу есть!» — настойчиво и пронзительно повторил голос, и Петька понял, что это не голос, а требование голодного желудка, который привык в это время каждый день принимать немало пищи.

«Бедненький ты, бедненький! — весело ответил ему Петька. — Потерпи немножко, сейчас пойдём с тобой в город, продадим учебники вместе с портфелем...»

И вспомнил: портфель-то вместе с учебниками — ту-у-у-ту! — уехал. И кепка уехала.

Это было для Петьки ударом посильнее, чем тот, который

он испытал, когда выпрыгнул из вагона. Это был, если вы знаете бокс, нокдаун!

Петька лёг. И вытянул ноги. И уснул.

Спал он примерно с час. Проснувшись, сначала опять ничего не понял. Почему — ни бабушки, ни раскладушки?

Весь он был в цементной пыли, а руки — в крови.

Захныкал Петька, кулаком кому-то погрозил. Встал. Хлопнул по себе ладошками — пыль полетела. Сообразил он, что в таком виде показываться в городе нельзя.

Пошёл Петька бродить среди берёзок, обливаясь горячими слезами. Эх, домой бы сейчас, получить бы:

1) хорошую порку и

2) хороший обед!

Увидев ручей, Петька сразу же стал раздеваться.

Куртка полетела в воду. За ней — рубашка.

И он принялся стирать штаны. Собственно, он их не стирал — не умел, а просто опускал в воду, поднимал, снова опускал — полоскал, одним словом.

А выжать не догадался. Так и повесил штаны на ветви.

Куртку и рубашку пришлось искать ниже по течению, потому что они уплыли и затонули.

Через некоторое время Петька грелся на солнышке, а одежда его висела в тени. А он ещё удивлялся, чего это она и не собирается высыхать.

Ух как есть хотелось! И в голову проникла мысль: а почему бы тебе сей же час не пойти в город? Авось что-нибудь где-нибудь и получится? Вдруг буханку хлеба найдёшь или ещё что-то?

Петька побежал, нюхая воздух. Уловил какие-то съестные запахи. Свернул на них.

Бежал и нюхал. Снова свернул. Ещё раз свернул.

И вдруг заметил, что запахи

запахи

запахи

запахи

ЗАПАХИ

ЗАПАХИ —

со всех сторон запахи!

Хоть стой на одном месте, крутись и нюхай!

Ведь из каждого дома неслись запахи. А нюх у Петьки был до предела обострённый. Ведь впервые в жизни мальчишка, проснувшись, не поел!

За маленьким заборчиком увидел он невероятно толстого мальчика. Тот сидел за вкопанным в землю столом и страдал.

А на столике перед ним — невероятно огромная миска и в ней — суп. Ух, суп! Эх!

Запах супа прямо-таки притянул Петьку, перетащил его через заборчик и посадил за стол. И Петька спросил:

— Съем?

— Ешь, — лениво ответил невероятно толстый мальчик, безглаголиво пододвигая невероятно огромную миску.

Проглотив суп, Петька спрятался в кусты.

Из дома вышла невероятно толстая тётя и воскликнула:
— Ты съел всё? О, радость! Больше ты не будешь худеть и сохнуть на моих глазах! Ешь котлетки, я побежала за компотиком!

Невероятно толстая тётя скрылась в доме.

Петька выскочил из кустов и устался на четыре невероятно большие котлеты и невероятно длинные макароны.

Невероятно толстый мальчик сказал:

— Ешь. Я и так закармливаемый.

Петька быстро всё сглотал.

А мальчик сказал:

— Спасибо. Компотик я буду сам.

Петька с трудом перешагнул через заборчик. Им овладела сытая истома. Он еле передвигал ноги и искал местечка, где бы прилечь и спокойно переварить пищу. Глаза закрывались сами собой. Петька начал спот...ык...атьс...я...

Спать... спать... спа-а-а... Несколько шагов он спал стоя.

Потом растянулся прямо у забора на травке.

Продолжаем нашу программу.

ВЫСТУПАЕТ ИЛЛЮЗИОНИСТКА

ЛЁЛИШНА ОХЛОПКОВА.

*Всего за два часа она превращает Головешку
во Владика Краснова!*

ПРОЩАНИЕ С ГОЛОВЕШКОЙ.

В милиции Горшков сказал ребятам:

— Найдём вашего Пару. Не таких ловили. Вот недавно, помните, тигрёнок терялся, это было трудновато. А этот никуда не денется. Далеко не убежит. С любого поезда снимут и обратно отправят. В цирк вечером идёте?

— Конечно, — ответил Головешка.

— В таком-то виде? — спросила Лёлишна. — Вы посмотрите на него.

— Ну и что? — недоуменно спросил Головешка. — Я вам не стилиста какой-нибудь.

— Нет у него другого вида, — сумрачно проговорил Горшков, — условия жизни у него тяжёлые.

— Надо ему помочь, — всё так же спокойно сказала Лёлишна, — надо его вымыть, заштопать и перешить.

— Не смешите вы меня, — испуганно попросил Головешка. — Ни разу в жизни со мной такого не было. Разыгрываете меня, да? К штанам придрались, да?

— Идём, Владик, — позвал Виктор, — нечего время зря терять.

Всю дорогу молчали. У самого дома Головешка сказал:

— Никогда в жизни со мной такого не было.

Тут Лёлишна всплеснула руками, ойкнула: из подъезда выходил дедушка.

— Кто тебе разрешил? — жалобно спросила она. — Ведь вечером идти в цирк. А если ты поднимешься на пятый этаж, тебе ведь опять будет плохо. И никакого цирка мы не увидим!

— Не беспокойся, — гордо отозвался дедушка. — Я совершенно здоров. Могу даже в футбол играть. Все лекарства можешь вылить в раковину. Они мне больше не понадобятся. И не могу же я целыми днями сидеть в помещении. Мне нужно гулять, дышать свежим воздухом, общаться с людьми.

— Всё это так, — грустно произнесла Лёлишна, — но в цирке нам сегодня не бывать.

— Повторяю, — сказал дедушка, — я феноменально здоров.

— А Пара пропал! — из окна крикнула Сусанна. — И найти не могут! А найдут — пороть будут! Ой, посмотреть бы!

Никто ей ничего не ответил, и она закричала ещё громче:

— Всем попадёт! Всех пороть будут!

Ребята скрылись в подъезде.

Сусанна от злости покрылась разноцветными пятнами и крикнула:

— И тебе попадёт!

Дедушка счёл за лучшее быстренько уйти. А вслед ему раздалось:

— И тебя пороть будут!

Ребята поднялись на пятый этаж, вошли в квартиру.

— Сразу за дело, — скомандовала Лёлишна, — я сейчас найду выкройку, а ты, Владик, снимай одежду.

Сняв ковбойку и брюки, Головешка сел в угол на табурет и проговорил:

— Чудеса какие-то! Срежь бела дня раздели!

А когда Лёлишна бритвой стала распарывать брюки, Головешка чуть не заплакал: на его глазах его брюки превращались в куски материи.

А Лёлишна с Виктором смеялись. Из старых газет они сделали выкройки, мелком перенесли контуры на материю и давай её резать.

— Такие хорошие штаны были! — жалобно воскликнул Головешка. — Чего они вам не понравились?

— Молчи, — весело отозвалась Лёлишна, — ещё спасибо скажешь. И брюки у тебя будут, и берет из остатков получится.

Короче говоря, скоро началась примерка. Головешка подошёл к зеркалу, взглянул на себя... И обнял Лёлишну.

И смутился. И она смутилась. И даже Виктор смутился.

— Ну что ты... — пробормотала Лёлишна, — ещё рано благодарить, ещё сшить надо.

Она открыла швейную машину. Головешка крутил ручку, а Виктор поддерживал материю.

Если бы вы видели, что творилось с Головешкой! Он крутил ручку, приплясывал и кричал петухом. До того доукарекался, что охрип.

А когда он облачился в новые брюки, закричали все трое.

Лёлишна стала шить берет. Виктор повёл своего нового знакомого в ванную. Отмываться. Вернее, отмывать.

И вот, чистый, причёсанный, заштопанный и перешитый, в берете, стоял Головешка перед зеркалом и шептал удивлённо:

— Какой я, оказывается, красивый!.. Вот ещё бы ботинки подрезать... перешить бы их как-нибудь... Тогда бы все сказали: «Вот вам и Головешка!»

— Забудь ты про своё прозвище, — сказала Лёлишна, — забудь. Будто его и не было.

— Забуду, — согласился Головешка. — Очень уж я нарядный. Родная мать меня не узнает. Милиционер дядя Горшков меня не узнает. А я крикну: «Да это же я! Владик! Тот, который Головешкой ещё был!» Теперь мне на людей кидаться нельзя. И ещё кое-чем заниматься нельзя.

— Короче можно сказать так, — предложил Виктор, — прощай, Головешка!

— Прощай, Головешка! — сказала Лёлишна.

— Прощай, Головешка! — сказал Владик. Он подмигнул своему отражению в зеркале и добавил: — Вот теперь можно мне и в цирке работать. Там все такие красивые.

— Ой!.. — Лёлишна схватилась руками за голову. — Я совсем забыла про дедушку!

И бросилась из комнаты.

Продолжение Петьки-Париного выступления.

Проснувшись под забором, Петька потянулся, хрустнул всеми своими косточками. Сел. И вместо бабушки увидел — кого? Эдуарда Ивановича. Только не живого, а на афише. А рядом с ним — лев. А пасть у льва огромная...

— С группой дрессированных львов! — крикнул Петька и захотел почему-то, словно дома оказался.

Проохотав, он почесал затылок.

Откуда в чужом, далёком городе та самая афиша, которую он ещё вчера видел в своём родном городе? Ведь он ехал в поезде целую ночь...

И всё-таки первым делом надо сходить в цирк, а там видно будет, как жить дальше. Может, в цирке на работу возьмут.

Петька встал, опять потянулся, опять сладко зевнул, опять хрустнул всеми своими косточками. И весело сплюнул.

Желудок пока не требовал пищи, и хозяин его мог даже соображать немного. Он бодро зашагал и остановился.

А где штаны? Куртка где? Рубашка? И побежал обратно.

Бежал, бежал, снова остановился: забыл ведь, где повесил одежду сушиться! Забыл, забыл — ничего вспомнить не мог. Он погрозил кому-то кулаками и двинулся вдоль полосы берёзок.

Ни одной приметы не запомнил! Ни одной!

К тому же раздался испугавший его шёпот:

— Есть хочу...

Шёпот был лёгкий, еле слышимый, но Петька струсил и бросился обратно в город.

А люди думали: спортсмен, чемпион какой-нибудь бежит, тренируется.

Увидел Петька трамвай, прыг в него.

— Билетик приобретём? — спросила кондукторша.

— Какой тут может быть билетик? — ответил Петька. — У человека ни штанов, ни рубахи, ни куртки, а вы — билетик!

— А откуда ты такой взялся и куда ты едешь без штанов, куртки и рубахи?

— В цирк еду, а сам я издалека, из другого города.

Тут все пассажиры рассмеялись. А Петька начал реветь. Кондукторша безжалостно подтолкнула его к выходу. Трам-

вай ушёл. Петька побрёл вдоль трамвайной линии, не глядя по сторонам. В желудке было легко, на душе — тяжело. Трамвайная линия привела мальчишку в... родной город. Стоял Петька. Хлопал глазами. Думал. Вагон, в котором он спал, ночью отцепили от состава, прицепили к другому, и только утром поезд тронулся в путь. А в этот момент Петька и проснулся. И выпрыгнул из вагона на окраине своего родного города. А раз он не бывал на окраине, то и не узнал её.

Но раздумывать сейчас было некогда, и Петька помчался к Лёлишне. Только бы незаметно проскочить в её квартиру!

Стрелой летел он по лестнице вверх. Коленки от страха дрожали. Сердце стучало где-то в затылке. Лёлишну чуть с ног не сбил — она бежала навстречу.

— Откуда ты?! — ойкнув, спросила она.

— Спрячь меня, — прошептал Петька, — быстро-быстренько. Без разговоров.

— Не могу, дедушка куда-то ушёл.

— Ничего с твоим дедушкой не будет. А со мной знаешь что будет? Давай я у вас жить стану. Я смиренный. Меня кормить побольше, а больше мне ничего не надо.

— Не болтай глупостей! — торопливо и сердито сказала Лёлишна. — Сейчас же немедленно иди домой. Там же волнуются. Всю ночь из-за тебя не спали. Тебя милиция ищет. Вот что ты натворил, Пара несчастная!

— Не обзывайся!

— Первый раз обозвала! Потому что довёл всех! Довёл, понимаешь?!

— Ну и ладно! Я лучше в милицию пойду! Пусть судят. Пусть куда-нибудь садят. Хоть отосплюсь!

— Иди домой!

— Не пойду!

— Иди!

— Не пойду!

— Петя, — почти ласково сказала Лёлишна, — иди. А вечером в цирк пойдём.

— Сейчас мне такой цирк будет, — прошептал Петька, — тут-то я и погибну. Прощай.

И он пошёл навстречу своей нелёгкой судьбе. А Лёлишна побежала искать своего дедушку, который чувствовал себя феноменально здоровым.

*Пятнадцатый (если не ошибаюсь)
номер нашей программы.
На арену действия вновь прорывается дедушка.
ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ ФУТБОЛЬНЫЙ МАТЧ!
Номер заканчивается плачевно.*

Действительно, дедушка чувствовал себя настолько хорошо, что забыл обо всём, особенно о том, что ему нельзя волноваться и много двигаться.

Он погулял вокруг дома и пришёл к футбольному полю.

Сначала он следил за игрой довольно спокойно, но игра была настолько азартной, что дедушка незаметно для себя увлёкся, разволновался и вскочил со скамейки, на которой собирался отдохнуть с полчасика. И уже размахивал руками. Подпрыгивал. Кричал:

— Давай, давай!

Если бы он болел за одну команду, может, ничего бы и не случилось. Но дедушка болел не только за обе команды сразу, но и за каждого игрока. За каждый удар.

— Давай, давай!

Дедушка уже бегал вдоль поля вместе с командой, которая наступала. Причём бежал так быстро, словно ему дали пасовку для удара по воротам.

Отобьют атаку, перейдут в наступление — и дедушка обратно, с той же скоростью. В другую, конечно, сторону.

— Давай, давай!

И дедушка выбежал на поле. Бросился к мячу. И вдруг услышал:

— Давай, дедушка, давай!

И он ка-а-ак даст по мячу!

Шатаясь, направился он к скамейке.

«Всё ясно, — подумал он, — доигрался. Один — ноль в пользу «скорой помощи».

К нему уже бежала Лёлишна.

Стыдно стало дедушке за своё поведение. Он держался рукой за сердце и старался дышать ровно.

— Ничего, ничего, — проговорил он, когда внучка подбежала, — сейчас пройдёт. Неудачно ударил и...

— Сиди, сиди, — попросила Лёлишна. — Ребята, сбегайте кто-нибудь к телефону, вызовите «скорую помощь». Быстро! Несколько мальчишек убежали, а остальные окружили

скамейку. На глазах Лёлишны были слёзы, но она говорила спокойно, укладывая дедушку:

— Полежи немного. Ничего особенного. Всё в порядке. Всё хорошо.

— Я не виноват, — прошептал дедушка, — я увлёкся.

— Он здорово болел! — восторженно подтвердили ребята. — Мы думали, что он футболист-пенсионер. Конечно, он промазал, с кем не бывает! Но болел правильно!

Машина «скорой помощи» подъехала прямо к футбольному полю. Врач знал дедушку и сразу скомандовал:

— Носилки!

Ребята помогли отнести дедушку домой.

Когда врач сделал всё, что требовалось, то позвал Лёлишну на кухню и спросил:

— Как же так получилось? Ведь ты прекрасно знаешь...

— Знаю я, знаю! — прошептала Лёлишна. — Первый раз я оставила его без присмотра. И он сразу сбежал. А потом я забыла. Я ведь тоже устаю.

— А я тебя и не ругаю. Была в домоуправлении?

— Несколько раз. — Лёлишна тяжело вздохнула. — Там сидит товарищ Сурков. — И призналась: — Я его боюсь. Помогите, его все боятся.

— Ничего, найдём управу и на товарища Суркова. Завтра я ещё раз схожу в горздравотдел. Вам обязательно нужно переехать на первый этаж.

Закрыв за врачом дверь, Лёлишна вернулась в комнату. И увидела на столе бумажку. На ней было написано: «На два лица». Это был пропуск в цирк — для неё и для дедушки.

«Так я и знала! — горестно подумала Лёлишна. — Одно лицо будет лежать, а другое — за ним ухаживать».

— Ты обязательно пойдёшь в цирк, — сказал дедушка, словно угадав её мысли. — Пойдёшь, я тебя здесь подожду. Спокойно. И ты мне потом всё расскажешь.

— Ты мне дороже всякого цирка, — сказала внучка. — Туда можно сходить и в другой раз.

— Да я совершенно здоров. Ещё несколько минут, и я на своих двух, то есть на ногах. А если ты не пойдёшь в цирк, то у меня от огорчения опять что-нибудь случится.

— Вот что, — строго проговорила Лёлишна, — лежи и не рассуждай ни о каком цирке.

— Есть! — грустно отозвался дедушка. — Есть лежать! И не рассуждать. Ни о каком цирке. А всё же я бы на твоём бы месте бы обязательно бы пошёл бы! В конце концов, ты просто ставишь меня в неловкое положение. Ведь ты не идёшь из-за меня?

— Я не иду не из-за тебя, а из-за твоего плохого здоровья.

— Но я виноват в том, что не слушался тебя!

— Ты виноват в том, что до сих пор не слушаешься меня.

Дедушка лежал с таким оскорблённым видом, словно по вине Лёлишны не смог сегодня пойти в цирк.

А она пошла на кухню варить ему манную кашу.
И тихонько напевала:

— Не везёт, не везёт,
Это так ужасно.
А вот если бы везло,
Было бы прекрасно...

Думаю, что вы с этим согласитесь.

**Объявляем следующий номер —
САМЫЙ КОРОТКИЙ В НАШЕЙ ПРОГРАММЕ.
Погасите свет! Полная темнота!
Начали!**

Петьку посадили в чулан.

Если бы там можно было хотя бы повернуться, мальчишка бы изловчился и попрыгал от радости. Но повернуться было нельзя, и он радовался неподвижно. Ведь ему, можно сказать, не попало. Чего-то там ему наговорили, накормили и закрыли в чулан.

Вот и всё!

Кто другой на его месте и расстроился бы, а Петька — нет. Ни капельки! Посидит-посидит, поспит-поспит — выпустят, а он в цирк убежит. Не поймаете!

Но радовался Петька недолго. Вернее, даже и не успел порадоваться.

Вдруг — ни с того ни с сего — радостное настроение улетучилось без остатка. В сердце забрался страх!

«Почему не попало? — пронеслось в голове. — Почему даже не ругали толком? Почему даже по одному месту не наподавали?» И Петька понял: не попало, но попадёт!

**Дайте полный свет!
ПРОДОЛЖАЕМ!**

Виктор мыл посуду. Такой у них дома был порядок: посуду все мыли. По очереди. Кроме кота Паровоза. Он был освобождён ввиду его несознательности.

Не скоро привык Виктор к такому обычаю, но привык. А когда привык, то это дело для него особого труда не

представляло. Конечно, мальчишки (да и девчонки!) сначала дразнили, а потом тоже привыкли и перестали дразнить.

Зато и выгода от такого обычая была немалая. После того как ты сам, один, в порядке живой очереди, без напоминаний, вымыл посуду, ты уже вроде бы как взрослый человек. И никто уже не скажет тебе вслед:

«Только не бегай, не дерись, носик вытирай платочком, переходя улицу, оглянись по сторонам, не обижай девочек...»

Нет, ты спокойно говоришь:

«Я пошёл».

И уходишь.

А если и спросят тебя, когда вернёшься, то ведь и папу об этом спрашивают.

Но Владик (то есть бывший Головешка) смотрел на Виктора как на чудо морское, не выдержал и спросил:

— За что это тебя они?

— Чего, чего? — не понял Виктор. — Кто — они? Что — за что?

— Так ведь позор! Посуду-то мыть!

— А, вон ты о чём. А у вас кто посуду моет?

— У нас тётя Нюра. Соседка.

— Ей что, делать больше нечего?

— Как — нечего? — возмутился Владик. — У них семья большая. Просто она мать жалеет.

— А ты?

— Чего — я?

— А ты маму жалеешь?

— Чего-то ты меня путаешь, — подозрительным тоном проговорил Владик. — Мать — это одно. Посуда — это другое. С чего это я, мужчина, посуду мыть буду? Засмеют.

— Дармоед ты, — спокойно сказал Виктор. — И всё у тебя в голове перепуталось. Ты сам обязан о своей маме заботиться, а не тётя Нюра. Ты — единственный мужчина в семье...

— А ведь точно! — изумился Владик. — Единственный мужчина, — с гордостью повторил он. — Я матери скажу. Вот обрадуется, вот...

— Мама у тебя в беду попала, а ты на чужую тётю надеешься.

— Не надеюсь я на неё! — крикнул Владик. — Наоборот совсем. Уж лучше бы она к нам и не ходила. Она... она святая.

— Святых не бывает, — сказал Виктор.

— Конечно, не бывает. А она говорит, что она святая. Потому что о нас заботится. Говорит, что подвиг совершает.

— Эх, ты! — воскликнул Виктор. — Зачем же ты свой подвиг другому отдаёшь? Сам его делай.

— Подожди, — попросил Владик, — подумать надо.

Виктор мыл посуду и не мешал ему думать.

И пока он думает, я расскажу вам, что же с ним происходило.

Вы, конечно, знаете, что почти все люди — 9999 из 10 000 — прекрасно понимают, что такое хорошо и что такое плохо. Но кое-кто (не будем считать сколько) забывает, что такое хорошо и что такое плохо. Или делают вид, что забыли. Ну, к примеру, вряд ли найдётся человек, который считает, что мыть руки вредно. Но ходить он может с грязными руками.

А вот Владик и был тот самый 1 из 10 000, который не всегда даже знал, что такое хорошо и что такое плохо. Ему ещё надо было всё объяснять да объяснять.

— Я, брат, не как некоторые, — гордо сказал он после молчания, — которые раз-два — и сообразили. Мне суток трое надо.

— Думай, думай, никто тебя не торопит. Только учти, что, пока ты думаешь, тётя Нюра все твои подвиги совершит. Ни одного тебе подвига не оставит.

ВЫСТУПАЕТ ХЛОП-ХЛОП!
В номере принимает участие
МИЛИЦИОНЕР ГОРШКОВ.

Нельзя сказать, что дежурство в цирке доставляло Горшкову много хлопот. Другой милиционер на его месте радовался бы. Но так как Горшков не любил цирка, то пребывание в нём воспринимал как муку и наказание.

Здесь его всё раздражало и даже пугало. Горшков чувствовал, что почти на каждом шагу притаилось что-то.

Что? Беда? Опасность? Или просто подвох?

Он не мог смотреть на очереди у касс. Зато все, кому не досталось билета на сегодня, с завистью поглядывали на Горшкова: вот, мол, счастливчик — он-то посмотрит представление.

И я не берусь описывать состояние бедного милиционера, когда он узнал, что сегодня в цирк придёт с супругой сам товарищ майор из уголовного розыска. Тут Горшков вспомнил все неудачи своей жизни и особенно то, что его не берут работать в уголовный розыск. В шапиту направили — на посмешище!

И Горшков решил не показываться на глаза товарищу майору с супругой. Чтоб не видел товарищ майор его позора!

В довершение всего Хлоп-Хлоп стащил у Горшкова фуражку. Поймать мартыша не успели. А он повесил фуражку под самым куполом, уселся на трапецию и даже там ухитрился сам себе поплодировать.

Горшков яростно засвистел в свисток, но это только развеселило Хлоп-Хлопа. Он послал милиционеру воздушный поцелуй и напялил фуражку на свою голову, которую считал очень умной.

— Не обращайтесь на него внимания, — посоветовали рабочие, — поиграет и отдаст. Или случайно выронит.

Но милиционер без фуражки — не милиционер, и Горшков крикнул:

— Прекратить безобразие! Отдать мне головной убор!

Мартыш показал ему язык, и Горшков отправился к Эдуарду Ивановичу.

Тот посоветовал:

— Скажите ему: «Ай-я-яй». Ему станет стыдно и...

— Вам должно быть стыдно, гражданин с группой дрессированных львов и мартышкой! — почти крикнул разгневанный Горшков. — Если мартышка не понимает, то вы-то должны понимать, что...

— Скажите ему: «Ай-я-яй», — спокойно повторил укротитель.

Мысленно ругая цирк, циркачей, всех зверей и всех укротителей, а может быть, и проклиная их, Горшков вернулся на манеж и прогремел:

— Ай-я-яй!

Мартыш виновато запищал и бросил фуражку вниз.

«Соображает, — подумал милиционер. — Животное, а сообразило!» Он отряхнул фуражку, водрузил её на голову и немного успокоился. Однако про себя он отметил, что бдительность надо усилить раза в два с половиной. И только успел он об этом подумать, как сзади грохнул выстрел.

Мгновенно пригнувшись, Горшков резко обернулся, чтобы броситься вперёд...

— Что-то у меня с пистолетом неладное, — сказал Григорий Васильевич, — осечки даёт. Не поможете?

— Помочь можно, — передохнув, ответил Горшков. — Но вы больше без предупреждения выстрелы не производите.

— Это ещё ничего. — Григорий Васильевич усмехнулся. — Во время своего номера я из пушки бабахая. Смотреть придёте?

— Я здесь не фокусы смотреть поставлен, — ответил Горшков, — а охранять порядок. Одним глазом, конечно, взгляну. Вы учтите, что сегодня на вас смотреть товарищ майор с супругой придут. Не подкачайте.

— Постараемся. Но если ещё и вы смотреть будете, то сил не пожалеем! — И, рассмеявшись, Григорий Васильевич ушёл.

А Горшков вышел на улицу и поморщился: у касс толпился народ.

Представление продолжается.

ВЫСТУПАЕТ СУСАННА КОЛЬЧИКОВА
*в оригинальном, но нечестном жанре:
ненадолго превращается в Лёлишну Охлопкову.*

Чтобы не волновать дедушку, чтобы он не вспоминал о цирке, Лёлишна решила кому-нибудь отдать пропуск. Она прибежала к Сусанне, обо всём ей рассказала. Злая девчонка от радости завизжала.

— А отпустят тебя? — спросила Лёлишна.

— Меня? Хи-ха-ха! И ещё — хо-хо! Ты спроси: разрешу ли я им не отпустить меня? А что значит: «на два лица»? Можно вдвоём? Можно старое лицо взять? Тогда я прихвачу одну из бабушек. Самую послушную. Младшую. Она сегодня пенсию получила, значит... — Сусанна захихикала, потирая ручки.

Медленно поднималась Лёлишна на свой пятый этаж. Сердце колотилось громко не потому, что подъём был тяжёлый, а потому, что тяжело было даже подумать, что вместо неё и дедушки в цирк пойдёт Сусанна с младшей бабушкой, самой послушной.

На лестнице её чуть не сбил с ног Петька.

— А я тебя искал, — торопливо сообщил он, не ожидая вопроса. — Меня в чулан запирали, решили из дому не выпускать. Никогда. До конца моей жизни. Но я убежал. Ух и попадёт потом! А ты чего?

— Ничего, — ответила Лёлишна. — А ты зря убежал. Опять все будут волноваться. Нельзя же так!

— Конечно, нельзя, — согласился Петька. — Но меня тоже не понимают. Вот ты можешь дома сидеть, когда цирк выступает, а я не могу. Понимаешь, не могу. Тянет меня туда. Будто там магнит, а я болванка железная! Смотри! — Он взмахнул руками и умчался вниз по лестнице, прыгая через три ступеньки.

Лёлишна вернулась домой. Дедушке в это время надо было немного поспать, а он не мог заснуть. Ему было очень грустно, хотя в руках у него была весёлая книжка.

Но Лёлишна знала, что нужно делать, чтобы дедушка заснул: нужно было спеть колыбельную песенку. Её Лёлишна придумала сама. Она села перед кроватью, на которой лежал дедушка, и тихонько запела:

— А в январе — январь,
В феврале — февраль,
В марте — тоже март,
В апреле — апрель,
В мае — тоже май,
В июне — июнь,
В июле — июль,
В августе — август,
В сентябре — сентябрь,
В октябре — октябрь,
В декабре — декабрь...

И хотя в слове «август» ударение получалось неправильным, дедушка засыпал.

Оставим их. Пусть отдыхают, пока не настанет пора снова вступить в действие.

А Петька, выскочив из подъезда, увидел Сусанну.

Злая девчонка была разодета так, что даже туфли на высоких каблуках у неё были!

— Куда это тебя приготовили? — спросил Петька.

— В цирк, — ответила Сусанна. — У меня пропуск.

— Иди своей дорогой, хулиганский мальчишка, — сказала младшая бабушка. — И не приставай. А ты ему не отвечай, Сусанночка.

Петька зло сплюнул и двинулся за ними следом.

А бабушка через плечо кбсилась на него. Остановилась и спросила:

— Почему ты нас преследуешь?

— Да нам по дороге просто. Вы в цирк, и я в цирк. Дважды два — четыре.

— Дважды два действительно четыре, но это не даёт тебе права преследовать нас. Иди своей дорогой. Я не уверена, что ты не выкинешь какой-нибудь безобразный или даже неприличный трюк.

Обиделся Петька, хотел сказать старушке что следовало бы, да не стал. Перешёл он на другую сторону улицы и зашагал себе, никому не мешая. Было ему, честно говоря, не так уж и весело. Забыть он не мог, что ждёт его сегодня дома. И жалеть уже начинал... Да ещё надо было придумать, как проникнуть в цирк.

У шапито будто праздник — так много народу.

Петька решил пристроиться за Сусанной: пока её будут разглядывать, он прошмыгнёт в зрительный зал, как мышь.

Но то, что произошло дальше, повергло его в ярость и изумление. Он остолбенел. Едва только грозные контролёрши увидели у Сусанны пропуск, как воскликнули:

— Проходите! Проходите!

И даже публика чуть-чуть отступила от прохода.

— Какая хорошая девочка! — говорили тётеньки-контролёрши. — Какая замечательная девочка! А где твой дедушка?

— Здесь я, — ответила бабушка, — только я не дедушка, а наоборот.

Грозные контролёрши удивились немного, но сказали:

— Проходите, пожалуйста, сюда, налево, первый ряд.

Петька упустил удачный момент, надо было искать другого случая проникнуть в зал. И Петька возмущённо подумал: «Ну что за жизнь? Сусанну встречают с почётом, а меня даже без почёта не пускают! Когда же это кончится?»

Тем более, что стало ясно: без билета в цирк не проникнуть. Ни за что. Если бы и деньги были, всё равно не проникнуть — билетов не было.

А контролёрши работали, как милиционеры: мышонку не проскользнуть незамеченным. Первый звонок.

Петька запереступал ногами. Обежал вокруг шапито. Снова вернулся к входу. И решил, что нагнёт голову и бросится вперёд, как грозный зверь...

— Пара, ты откуда взялся?

Это подошёл Виктор с незнакомым мальчиком в берете.

— Из дому взялся, — ответил Петька. — Кончилось моё знаменитое путешествие. В чулане отсидел. Опять сбежал. А билета нет.

— А это видел? — И Виктор показал ему пропуск. — На три лица. Вот втроём и пойдём.

Петьку будто в холодильник сунули — дрожь его пробила, он еле слышно спросил:

— Да ну?

— Идём, идём.

Петька еле удержался, чтобы от страха не зажмурить глаза. А вдруг...

Но — пропустили! Пропустили! И это было ещё не всё счастье. Петька-то куда, по-вашему, сел? Сел он в первом ряду, в первом! Рядом со злой девчонкой!

— А ты как сюда попал? — спросила она.

— Законно, — ответил Петька нежным голосом, — по всем правилам.

— Ты разве тоже лицо?

А Петька от счастья даже поперхнулся и не смог ответить, а только кивнул.

— А вот как ты сюда попала? — спросил Виктор.

— Не разговаривай с ними, — сказала бабушка, — скоро их выведут. Они хулигански заняли чужие места.

Хотел Петька сказать ей то, что следовало бы, но не сказал.

— Эскимо! Эскимо! Кому эскимо?

— Сюда! Сюда! Мне! Мне! — закричала Сусанна. — Две штуки! Две штуки! Бабусенька, покупай быстрее! Ты сегодня пенсию получила! Две штуки! Две штуки!

Бабушка сняла серебряные бумажки с мороженных, а злая девчонка начала есть сразу два, гордо поглядывая на мальчишек. И причмокивала на весь цирк.

Мальчишки отвернулись. Вдруг подходит дяденька в цирковой форме и спрашивает у Сусанны:

— Тебя звать Лёля?

— Что вы! — возмущённо отозвалась бабушка. — Её зовут Сусанночка. И не спрашивайте, где дедушка. Я бабушка.

— А Лёлишна с дедом не придут, — весело сообщила злая девчонка. — Он заболел, спасибо ему за это, и ей нельзя уходить. Она меня послала. Законно. По всем правилам.

— Понятно, — сказал Виктор, — хулигански заняла чужое место.

— Так вот почему тебя с почётом встретили, — сказал Петька.

И тут — третий звонок. И Петьку от удовольствия и счастья приподняло с сиденья. И опустило обратно. На мгновение почти погасли лампы и тут же ярко вспыхнули. Грянул оркестр. Мальчишки в такт музыке притопывали ногами.

Началось цирковое представление.

А в нашей программе начинается следующий номер.

Исполняют его

**НАЕЗДНИЦА ЭММА И ГРИГОРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
НА ЛОШАДИ АРИЗОНЕ!**

Артисты — товарищи Эдуарда Ивановича — решили сделать всё, чтобы Лёлишна сегодня побывала в цирке.

Вызвать такси не удалось. Просьбу могли удовлетворить только часа через два. И, как назло, шофёров цирковых автобусов отпустили до конца представления.

— Через полчаса девочка будет здесь, — сказала наездница Эмма. — Аризона свободна.

— Седлай Аризону! — приказал Эдуард Иванович. — А я пойду договорюсь с директором.

Аризона — старая цирковая лошадь. Она уже не выступала, была уже обыкновенной лошастью, на ней просто ездили.

И вот из ворот служебного дворика красиво выбежала серая лошадь. А на ней — Григорий Васильевич и Эмма. Копыта Аризоны звонко зацокали по асфальту в тот самый момент, когда прозвенел третий звонок.

Прохожие останавливались и глазели вслед всадникам. Милиционеры от удивления брали под козырёк. Аризона бежала, как привыкла бегать на арене, быстрым ровным шагом, лебедино выгнув шею.

У дома Лёлишны Эмма натянула поводья. Аризона остановилась, словно сказочный конь. Казалось, что вот-вот из её ноздрей вылетит пламя. Она переступала ногами, как бы пробуя асфальт.

Все жильцы смотрели во все глаза изо всех окон. Григорий Васильевич уже стучался в квартиру на пятом этаже.

Разгорячённая бегом, необычной обстановкой, чувствуя на себе десятки глаз, Аризона, видимо, вспомнила молодость — как она выступала в цирке. Она не могла стоять на месте — пританцовывала.

Изумлённая Лёлишна остановилась на крыльце.

— Садись! — коротко сказал Григорий Васильевич и помог ей взобраться на лошадь.

— Алле! — приказала Эмма.

Аризона зацокала копытами. Григорий Васильевич вернулся к дедушке. Аризона красиво и гордо бежала по вечернему городу, и не она боялась автомобилей, автобусов, троллейбусов и трамваев, а шофёры, водители и вагоновожатые удивлённо тормозили, увидев маленьких всадниц.

Лёлишна крепко держалась за Эмму. Было и страшно, и весело, и ещё как-то.

На одном из перекрёстков милиционер пропустил их даже на красный свет. И конечно, откозырял. А когда проезжали мимо большого кинотеатра, выходявшие из него зри-

тели заплодировали. Старичок один помахал шляпой и крикнул:

— Брависсимо!

И опять, видимо вспомнив свою молодость, Аризона остановилась и опустилась перед зрителями на одно колено — спасибо вам!

И ни одна машина не перегнала её. Все шофёры затормозили и двинулись вперёд лишь вслед за лошадьё.

На цирковом дворике девочек встретил взволнованный Эдуард Иванович. Он помог им слезть и обнял Лёлишну.

— Идём, идём, — позвал он. — А ты, Эмма, сразу после номера — за Григорием Васильевичем.

— Не беспокойтесь, — сказала Эмма.

Все зрители увидели, как в проходе появился седой человек в халате — все узнали в нём укротителя львов, — представил к первому ряду стул и усадил на него обыкновенную девочку, с обыкновенными косичками, в обыкновенном ситцевом платье.

И все зрители, конечно, подумали: а кто же она такая, за что ей такой почёт? И ещё — позавидовали.

А тут начался

ОДИН ИЗ САМЫХ ИНТЕРЕСНЕЙШИХ НОМЕРОВ НАШЕЙ ПРОГРАММЫ!

***С участием Петьки-Пары, Головешки, Горшкова и
Сусанны Кольчиковой.***

Эх, не зря боялся Горшков цирка, не зря усиливал бдительность, не зря почти на каждом шагу ждал подвоха!

Вот он осторожно вошёл в зрительный зал, чтобы случайно не попасть на глаза товарищу майору с супругой, а самому чтоб взглянуть: нравится им или нет. Хорошо бы, если бы не нравилось! Тогда бы после представления подошёл бы Горшков и сказал бы:

«Теперь вы меня поймёте, товарищ майор, каково мне здесь».

«Понял, Горшков, понял, — ответил бы товарищ майор. — Бросай ты этот цирк немедленно и приходи работать ко мне, в уголовный розыск. Ты человек серьёзный, и не к лицу тебе цирковые штучки».

Горшков улыбнулся своим мыслям, окинул взглядом зрительный зал и... протёр глаза.

«Задави меня грузовик, — подумал он, — если это не Головешка!.. Нет, не Головешка... Нет, Голове... нет... но...»

Но тут милиционер увидел Петьку. Того самого, который вчера исчез из дому и которого не могут найти. (Не знал он, что в милицию уже сообщили о возвращении Петьки домой.)

Кончился номер, следующий ещё не объявили. Оркестр заиграл весёлую польку. И Горшков шагнул через барьер. На арену.

А Петька и Владик, вдруг увидев идущего прямо к ним милиционера, как люди всегда в чём-нибудь виноватые, бросились бежать. В разные стороны. Вдоль барьера.

Горшков дунул в свисток так, что чуть не заглушил оркестр. Публика дружно захохотала, подумав, что это — очередной клоунский номер. (Вы же помните, что Горшков был не меньше двух метров ростом, и его погоня за мальчишками никем всерьёз не воспринималась.)

Бежать между барьером и первым рядом — значит бежать по ногам зрителей. И мальчишки вспрыгнули на барьер. Они мчались навстречу друг другу. А милиционер уже расставил руки, намереваясь схватить обоих враз.

Если бы Петька и Владик стукнулись лбами, лбы у них треснули бы. Поэтому мальчишки спрыгнули на арену и — два носа к одному — столкнулись с Горшковым. И нырнули — проскочили у него между ногами.

Публика хохотала так, что было слышно на другом конце города.

Грозные контролёры знали, что идёт не номер, а настоящая погоня. И они стали помогать Горшкову: не давали мальчишкам убежать с арены. А зрители подбадривали их возгласами. Горшков трёхметровыми шагами носился за Петькой и Владиком. То в одну сторону бросится, то в другую. Цирк!

И неизвестно, сколько бы времени всё это продолжалось, если бы не Сусанна. Сначала она просто кричала, визжала и подпрыгивала на сиденье, а потом не выдержала. Перескочила через барьер. И подставила Петьке подножку.

Горшков поймал за шиворот Владика. А Сусанна, восторженно хихикая, взяла за шиворот бедного Петьку.

Аплодисменты, как говорится, грянули.

Горшков увёл ребят за кулисы. Бабушка увела Сусанну на место. Публика ещё долго не могла успокоиться.

И Виктор с Лёлишной не могли успокоиться. Им не терпелось узнать, почему милиционер устроил погоню, которую зрители приняли за очень смешной номер.

В ЦИРКЕ АНТРАКТ.

*Но нам с вами, уважаемые читатели,
отдыхать некогда.*

*Нам надо узнать, что происходит за кулисами,
куда милиционер увёл ребят.*

Что же происходило за кулисами? Горшков стоял невозмутимый, скорбный, держа мальчишек обеими руками за плечи. Между нами говоря, он до сих пор не знал, зачем он ловил Владика. А Владик не знал, зачем он убегал.

— Вы прирождённый комик, — сквозь смех сказал Эдуард Иванович.

— Я прирождённый человек, — возразил Горшков, — по профессии милиционер. А вы из меня клоуна сделали.

Тут прибежали Лёлишна с Виктором, и все недоразумения были выяснены.

— В общем и целом, — мрачно произнёс Горшков, — плохо получилось: в первом ряду товарищ майор с супругой сидит. Понимаете? Если меня уволят из милиции, — голос его дрогнул, — одна мне дорога осталась — в клоуны. И всё из-за вас!

— Вы ни в чём не виноваты, — сказала Лёлишна, — вы просто выполняли свой долг.

— И мы свой долг выполняли, — сказал Владик, — убежали сколько могли. А то, что посмеялись над нами, не беда.

— Смех, говорят, дело полезное, — добавил Петька.

— Смотря для кого, — ответил милиционер. — При исполнении служебных обязанностей смеяться нельзя. Пойду товарища майора спрошу, какого он теперь обо мне мнения.

Когда он ушёл, ребята рассмеялись — не над ним, конечно, а просто так, весело им было потому что.

В клетках порывивали львы, будто волновались перед выступлением, как артисты.

Верещали и пронзительно вскрикивали попугаи. Изредка, будто пробуя голос, трубил ослик. Мимо сновали артисты в ярких костюмах. Рабочие проносили и катили какие-то диковинные сооружения, странные предметы.

Прибежала Эмма, протянула ребятам эскимо — каждому по штуке — и сказала:

— Это вам от Эдуарда Ивановича. Я выступаю сейчас первой, потом поеду сидеть с дедушкой, а Григорий Васильевич придет сюда.

— Смотри с лошади не грохнись, — проговорил Владик и покраснел.

— Это исключено, — ответила Эмма и убежала.

Ребята пошли в зрительный зал, где и увидели

самый потрясающий номер нашей программы!

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ТРЮК! ЗАТРЕЩИНА!

Барабаны — дробы!

— Противная бабка! Самая противная бабка на свете! Больше ни разу не возьму её с собой в цирк! — сказала Сусанна ребятам.

А бедная младшая бабушка, самая послушная, вытирала слёзы.

Ребятам стало неловко и стыдно за злую девчонку.

— У тебя совесть есть? — спросил Виктор.

— А тебя не спрашивают! А тебя не спрашивают! Вам хорошо: вы мороженое едите! А эта бабка не покупает мне! Денег жалеет! А сама пенсию получила! У-у-у, нисколько не люблю тебя, противная!

— Да, солнышко моё, нет у меня с собой больше денег...

— Жадина! Жадина! Жадина! Жадина!

И тут ребята протянули руки.

Виктор: — На!

Лёлишна: — На!

Владик: — На!

И даже Петька: — На!—

протянули Сусанне свои эскимо. А она замахнулась. И как ударит по Петькиному мороженому.

И тут младшая бабушка, самая послушная, встала. И дала единственной, любимой, с музыкальными способностями

внучке такую ЗАТРЕЩИНУ, что Сусанна втянула голову в плечи. Да ещё закрыла глаза. Да ещё прикрыла голову руками.

Казалось, во всём цирке наступила тишина.

— Надоело, — сказала бабушка. — Всему, даже любви, есть предел. Марш за мной, — и направилась к выходу.

— Ба-ба-бабуленька... — всхлипнула злая девчонка и двинулась за ней следом.

— Наконец-то! — проговорил Петька. — За такое дело и эскимо не жалко.

Ребята по-братски разделили мороженое, заработали языками и стали ждать начала второго отделения.

А Лёлишна сказала:

— Кончилась у Сусанны счастливая жизнь. Сейчас её начнут воспитывать.

А на улице происходило следующее.

Бабушка шла, не оглядываясь, не обращая внимания на

просьбы внучки пожалеть, простить, не сердиться, хотя бы остановиться.

Устав ковылять в туфлях на высоких каблуках, Сусанна сняла их и несла в руках — вот была картина!

Люди только дивились, глядя на неё.

Хорошо ещё, что обескураженная Сусанна не орала на всю улицу, как обязательно сделала бы раньше. К тому же она просто боялась идти домой, словно догадывалась, что младшая бабушка, бывшая самая послушная, задумала что-то ужасное.

Надо вам сказать, что я не случайно употребил слово ЗАТРЕЩИНА. Это был не какой-нибудь там шлепок или лёгкий подзатыльник, а настоящий удар. Им бабушка словно отомстила злой внучке за все её капризы и издевательства сразу.

Сдаваться, между нами говоря, младшая бабушка не собиралась. И если бы сейчас Сусанна попробовала безобразничать, то получила бы удар ещё сильнее. И внучка чувствовала это. Она и не пыталась запугать бабушку, как обязательно сделала бы раньше. Она пыталась разжалобить.

— Бабуленька, — слабым голоском позвала внучка, — я падаю. Ты слышишь? Падаю на твёрдый-твёрдый асфальт. Личиком вниз. Слышишь?

— Падай, — не оборачиваясь, ответила бабушка, — падай сколько тебе угодно.

— Но я же разобьюсь!

— Разбивайся!

— Потечёт кровь!

— Пусть течёт!

— А как же ты будешь жить без меня?

— Замечательно.

Тогда Сусанна обогнала её, загородила дорогу и спросила самым жалобным тоном, на какой только была способна:

— Ты ведь любишь меня?

— Нет, — ответила бабушка и пошла дальше.

— Неправда! — крикнула Сусанна. — Ты сама говорила, что меня нельзя не любить! Ты сама говорила, что я осветила твою жизнь, что я самая лучшая на свете, что меня нельзя не любить!

Бабушка не отзывалась.

И тут Сусанну взяла злость. Она, то есть Сусанна, пошла в последний или, вернее, в предпоследний бой. Она села на асфальт, застучала по нему туфлями. И завизжала.

Но бабушка не остановилась, не оглянулась, а шла дальше.

Сусанна за ней несколько шагов пробежала на четвереньках. Потом вскочила на ноги. Обогнала бабушку и помчалась вперёд, уверенная, что её окликнут. Не окликнули.

Злая девчонка обернулась, швырнула бабушке под ноги туфли. И помчалась дальше. Ей надо было успеть раньше бабушки, чтобы бабушке, младшей и послушной, досталось! Чтоб ей попало как следует!

А в это время в цирке закончилось выступление Эммы. Она быстро переделалась, вскочила на Аризону и поехала за Григорием Васильевичем.

А мы с вами, уважаемые читатели, ВЕРНЁМСЯ В ЦИРК.

Здесь всё шло своим чередом. Зрители то ахали, то не дышали, замирая, то аплодировали. И ни один человек не знал, не подозревал, как страдает, сидя на пустом ящике в дворике, милиционер Горшков. Он даже забыл, что находится на дежурстве, то есть при исполнении служебных обязанностей.

Ведь товарищ майор сказал ему:

«Хорош!»

Как это понять? Ведь товарищ майор мог сказать прямо:

«Горшков, тебе после такого позорного клоунского выступления не место в рядах героической милиции».

Но он не сказал этого. Он сказал:

«Хорош!»

Может быть, похвалил? Тогда бы он мог выразиться иначе, яснее, например так:

«Горшков, ты выполнил свой долг. Не беда, что ошибся и попал в смешное положение, хотя человек ты безусловно серьёзный. Конечно, благодарности в приказе ты не заслужил, но твоё место, конечно, не в цирке, а в рядах героической милиции».

Во всём был виноват цирк. Тут серьёзному человеку не место. А если судьба или служба забросила его сюда, надо

усилить бдительность не в два с половиной раза, а в шесть — семь. Иначе такое с тобой случится, что и не придумать.

Сейчас самое время объявить

следующий номер нашей программы —
КОРОННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ГОРШКОВА.

Тут появился Григорий Васильевич.

— Почему не смотрите? — спросил он.

— А это вас, гражданин фокусник, не касается. Вам этого не понять.

— Зря вы так. Ничего же страшного не случилось.

— Э-эх... — с укоризной произнёс Горшков. — Вас бы на моё место.

— Или вас на моё. — Григорий Васильевич улыбнулся и ушёл.

И ни он, ни Горшков не подозревали, конечно, что эти вот слова сбудутся. И ещё не знал Горшков, что его несчастья, связанные с цирком, не кончились. Они только-только начались. Самое страшное было впереди.

Вот как это случилось.

Григорий Васильевич появлялся на арене следующим образом: вставал за кулисами на плоский деревянный круг, включалось специальное устройство, и круг как бы сам собой плавно двигался вперёд, на арену, как бы плыл. И пока зрители гадали, в чём тут дело, фокусник сходил с круга на ковёр. А круг уплывал обратно.

— Выступает Григорий Ракитин! Фокусы и манипуляции!

Заиграл оркестр.

— Включайте! — приказал фокусник.

Но в это самое время стоявший рядом с кругом Горшков решил посмотреть на товарища майора. Милиционер шагнул. Споткнулся о край круга. Полетел вперёд и столкнулся фокусника с круга на пол. А сам остался на круге, еле удержавшись на ногах. И круг повёз его на манеж.

Публика увидела Горшкова и засмеялась. И зааплодировала, как знакомому артисту. А он, согнув ноги в коленях, боялся пошевелиться. Всё тело словно застыло.

Тут Горшков увидел, что товарищ майор встаёт. И уходит. А круг на мгновение замер и поплыл назад.

Горшков стоял на нём, смело глядя перед собой, готовый мужественно встретить любую опасность, любую превратность судьбы, любой её фокус.

И если бы сейчас какая-то неведомая сила подбросила его вверх и ударила о землю, он бы нисколько не удивился. Он перенёс бы и это.

Зрители опять же решили, что видели очередной смешной номер, с удовольствием похлопали в ладоши и стали ждать, что будет дальше.

А дальше появился Григорий Васильевич и начал своё выступление.

***Семнадцатый номер нашей программы —
самый короткий.***

Им заканчивается второе отделение представления.

В антракте ребята вышли подышать свежим воздухом. Впереди осталось ещё одно отделение — выступление Эдуарда Ивановича с его хищниками.

Ребятам было уже грустно: скоро конец. Наверное, когда-нибудь придумают так, что цирковые представления будут длиться почти без конца. И будет в них не два и не три отделения, а... (впишите цифру — сколько вам надо).

— А когда я домой приду, — сказал Петька, — там у меня будет «представление продолжается». Больше меня из дому не выпустят. До первого сентября. А потом станут только в школу выпускать. Цепь для меня купят. Буду сидеть на цепи, как Барбос. Помогли бы вы мне, а?

— Досмотрим представление, — предложила Лёлишна, — и решим, что с тобой делать.

На этом
ЗАКАНЧИВАЕТСЯ
ВТОРОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
НАШЕЙ
ПРОГРАММЫ.

Объявляется
АНТРАКТ
на несколько страниц,
при чтении которых вы увидите
милиционера Горшкова
в схватке с крупным преступником
по кличке Сом.

Не успел Горшков как следует погоревать о своём втором появлении перед зрителями, как рядом оказался работник уголовного розыска и сказал:

— К майору. Я с машиной.

Ни жив ни мёртв сел Горшков в газик. Он был уже абсолютно уверен, что сейчас его попросят удалиться из рядов героической милиции. Иначе не стал бы товарищ майор вызывать его, да ещё в такое позднее время.

И скажет ему товарищ майор:

«Горшков! Я, конечно, не являюсь твоим непосредственным начальником. Но считаю своим долгом вот сейчас, ночью, высказать тебе своё презрение. Как старый боец заявляю, что руки тебе не подам; встретив, перейду на противоположную сторону улицы».

«И правильно! — чуть не крикнул Горшков, сидя в газике, где ему пришлось согнуться в три погибели. — Весь вечер у ковра бывший милиционер, ныне клоун — гражданин Горшков! Позор! Спешите видеть! Позор! Следите за рекламой!»

В кабинет он входил, готовый понести самое суровое наказание.

Любое из них он считал справедливым.

— Устал? — спросил майор.

Горшков не мог произнести ни звука, только отрицательно покачал головой.

— Дело тут одно есть, — продолжал майор, — я сам поеду... Хотелось бы тебя с собой взять. Как ты на это смотришь? ... Да что с тобой?

— Я... всегда... го... тов... — с трудом выговорил милиционер. — Я... вам...

— Болен ты, что ли?

— Здоров, товарищ майор! — наконец-то смог выговорить Горшков. — Готов к выполнению любого задания! Рад стараться! — так громко крикнул он, что от движения воздуха закачалась открытая форточка.

— Ну, ну! — удивился майор. — Здесь, брат, тебе не цирк.

— Виноват. Вырвалось. Больше не повторится.

— Садись и слушай. Помнишь, лет пять назад был у нас с визитом этот подлец по кличке Сом?

— А как же, товарищ майор, хорошо помню, как он тогда улизнул.

— Вот-вот. Пять лет Сом не действовал. Так сказать, отдышал. Слонялся по разным южным городам. Взять его не удавалось. Чего его к нам сюда занесло, не понимаю. Видно, решил, что работа у нас неважно поставлена и он опять нас вокруг пальца обведёт. Сегодня он выходит на дело. Понимаешь?

— Ясно! — радостно выдохнул Горшков.

— Рисковать не хочется, — продолжал майор. — Работники у нас все молодые. А Сом опытен и очень опасен. Брать его надо наверняка. Мы с тобой рисковать будем. Согласен со мной поработать?

— Зачем обижать меня, товарищ майор? Зачем такие вопросы задаёте? Уж если я в цирке добросовестно службу несусь, то чего мне Сома бояться?

— Зря обижаешься. Сердце подсказывает, что трудно нам сегодня придётся. Стар Сом, нахален до невозможности. Работает грубо. И опасно. Будь готов ко всему. Надеюсь на тебя, как на себя, — сказал майор. — Иди переодевайся. Там всё готово.

Скоро Горшков вернулся в кабинет, переодевшись в штатское. Одежда была лёгкая, удобная.

Майор сменил пиджак на спортивную куртку.

— Посидим перед дорогой, — предложил он. — А в цирке ты меня насмешил. До слёз. Невезучий ты человек, Горшков. А цирк хорош. Жаль, не удалось досмотреть — вызвали. Ну, двинулись.

В таких случаях говорят: «Гора с плеч свалилась». И если эту поговорку применить к Горшкову, то у него целый горный хребет с плеч свалился.

Они вышли на улицу, свернули за угол и через несколько кварталов остановились.

Подкатило такси. Майор с Горшковым сели на заднее сиденье.

— Пятый сообщил, — чуть повернув голову в их сторону, сказал шофёр, — что все на своих местах.

— Как связь?

— Отлично.

— Довезёшь нас до поворота, а сам обратно.

— Слушаюсь.

Когда Горшкову случалось выходить на службу ночью, он всегда думал об одном и том же: какая у него замечательная профессия! И чем ему труднее, тем легче будет людям. Они иногда и не подозревают, что им угрожает опасность. Вон идут себе, любят яркими огнями...

— Горшков, — прервал его размышления майор, — слушай. Я уже говорил, что Сом нахал страшный. Действует напролом. Наглость плюс наглость. И помощники у него — ерунда. Одного мы сегодня взяли. План у них примерно такой. Строительство завода на окраине города. Помещение бухгалтерии — деревяшка. Сейф — рухлядь. Охраны толковой пока нет. Сегодня не успели выдать всю зарплату. Сом едет один, в такси. Берёт деньги — и обратно в такси. Мы его караулим где только можно. Но боюсь — обойдёт всех. Последний пункт наш с тобой — сейф.

Выехали за город. Машина летела по шоссе в полной темноте.

— Ночь-то какая, — сказал майор, — повезло Сому... Но ничего.

Остальную часть дороги промолчали.

Машина остановилась.

— Счастливо, — сказал шофёр.

— Спасибо, — ответил майор.

Они с Горшковым вышли, дождались, когда машина развернулась и уехала, и зашагали в темноту. Под ногами было поле. Долго шли. Остановились у высокого деревянного забора.

Из темноты кто-то спросил:

— Гуляете или по делу?

— Гуляем, — ответил майор, — но по делу.

— Сюда, — позвал голос, и они увидели фигуру человека.

Он раздвинул в заборе две доски.

Майор пролез в отверстие легко, а Горшков с большим трудом.

Огней на территории строительства было мало, да и их майор обходил стороной.

Вот они подошли к невысокому деревянному зданию, похожему на барак. Все окна были темны. Даже вход не освещался.

Майор достал ключ, нащупал замочную скважину. Два поворота — два щёлканья.

ПЕРВЫЙ ЗВОНОК!

Не включая карманных фонариков, Горшков с майором вошли, спрятались за шкаф, стоявший у дверей.

В большое продолговатое окно лился мутный лунный свет. На окне была решётка, и её тень лежала на полу и на стенах.

Когда глаза привыкли к темноте, Горшков внимательно изучил обстановку.

Два сейфа стояли в дальнем углу. Пять столов, стулья, диван. Борься тут трудно — негде.

— Будем надеяться, что его возьмут по дороге, — шепнул майор.

В наиболее опасные моменты жизни человек, как известно, против своей воли начинает думать о пустяках или о том, что сейчас уже не имеет значения. Вот и Горшков думал о цирке, о неудачных своих выступлениях и о том, как хорошо выглядит теперь Владик.

Нестерпимо зачесался кончик левого уха. Потом зачесалось под правой лопаткой. Туго ползло время. И вдруг чуткий слух уловил дальние звуки шагов. Сразу стало ясно, что идёт Сом.

Он шёл походкой осторожного, напуганного зверя. Почти неслышно. Услышать такого зверя может только очень опытный охотник.

Майор тихонько тронул за плечо товарища: приготовились. Горшков машинально расстегнул кобуру. И, уже готовый к схватке, думал: как же удалось Сому пройти все засады?

Дважды щёлкнул замок. Скрипнула дверь.

Сом дышал громко и прерывисто. Значит, устал и боится.

Дверь он закрывал, повернувшись к ней не лицом, а спиной. Постоял, привыкая к темноте.

Вот Сом двинулся вперед.

Горшков широко раскрыл пересохший рот: стало трудно дышать от волнения.

Майор тронул его за локоть.

Вспыхнули два фонарика, направленные в затылок преступника.

ВТОРОЙ ЗВОНОК!

Сом нырнул под стол.

Пригнувшись, Горшков бросился к нему.

Выстрел.

Тут же фонарик майора погас. Свой фонарик Горшков отбросил. И что было сил пнул под стол.

— А-а-а-а! — дико закричал Сом.

Опять выстрел. Горшков нырнул под стол, весь сжавшись, упал на Сома, схватив его руку с пистолетом. И придавил к полу — не вырваться, не пошевелиться.

— Товарищ майор! — позвал Горшков. — Как вы?

— Живой...

Вспыхнула лампочка под потолком. Майор стоял, с трудом держась на ногах. Лицо и грудь были в крови.

— Оглушило, — сказал он, — и лоб царапнуло.

Горшков проверил карманы, всю одежду и обувь Сома, положил на стол пистолет и инструменты.

Сом лежал, не двигаясь, не открывая глаз, держась рукой за бок.

— Это я, первый, — сказал в телефон майор, — всё в порядке. Ждём. Вызовите врача.

А Горшков смотрел на двоих людей — оба седые, оба усталые, оба раненые. Один всю жизнь истратил на то, чтобы приносить людям зло, другой — добро.

— Ловко, — прохрипел Сом и, морщась, сел, прислонясь спиной к дивану. — Хорошие у вас кадры.

— Да, — ответил майор, — не то что у вас. А помнишь, лет этак тридцать назад я тебя в первый раз взял?

— А помнишь, как лет этак пять назад я от тебя ушёл? — спросил Сом.

— И пулю мне в ногу оставил. Помню. И вот наша с тобой последняя встреча. Больше тебе на волю не выйти, старик.

— Знаю, — хрипло проговорил Сом, — на поруки меня ни-

кто не возьмёт. — Он усмехнулся и спросил: — Что за чертовщина? Я ведь сейчас в цирке был. Там этого чудака видел. Как он здесь оказался?

ТРЕТИЙ ЗВОНОК!

— Фокус-покус, — ответил Горшков.

К О Н Е Ц А Н Т Р А К Т А.

.Э.

**П Р О Д О Л Ж А Е М
Н А Ш У П Р О Г Р А М М У!**

*НАЧИНАЕМ
ТРЕТЬЕ—
ПОСЛЕДНЕЕ—
ОТДЕЛЕНИЕ!*

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

мы начинаем с описания
**ВЫСТУПЛЕНИЯ ЭДУАРДА ИВАНОВИЧА
С ГРУППОЙ ДРЕССИРОВАННЫХ ЛЬВОВ
и первого появления перед публикой
ХЛОП-ХЛОПА.**

Выступление Эдуарда Ивановича со львами занимало всё третье отделение.

Ребятам оно очень понравилось. Им было и жутко и весело. Совсем рядом — рукой подать! — свирепые львы и коварные львицы. Можно было разглядеть каждый волосок в огромных гривах. А когда звери раскрывали пасти, видно было каждый зубище.

Но если зрители видели, что с лица дрессировщика не сходит улыбка, то Виктор видел, что улыбаются у него только губы.

Львы, конечно, слушались укротителя, но со злобой и неохотой. Казалось, что вот-вот кто-нибудь из них взревёт и бросится на Эдуарда Ивановича.

Бросались. Замахивались лапой. И исполняли то, что он от них требовал.

Когда же на арене появился Хлоп-Хлоп, поднялся такой хохот, что его, этого хохота, мартыш испугался больше, чем диких зверей. Ведь сегодня Хлоп-Хлоп впервые в своей жизни появился перед зрителями.

Он быстро забрался на плечо к хозяину, обнял его (то есть вцепился) и зажмурил глаза.

Львы уже привыкли к мартышу на репетициях и почти не обращали на него внимания. Он был для них всё равно что для нас, например, воробей. А некоторые львы его даже побаивались, зная, на какие хитрости и обидные проделки он способен.

Хлоп-Хлоп, как я уже сказал, боялся не зверей, а

зрителей. Но боялся он так уморительно, что вызывал не жалость, а смех.

Эдуард Иванович и выпустил его сегодня только с одной целью — чтобы он постепенно привык к публике. А когда привыкнет, можно будет думать и о том, что ему делать на манеже среди львов.

И в заключение Эдуард Иванович уложил своих хищников, сделал из них этакий ковёр и прилёг на него отдохнуть.

Тут Хлоп-Хлоп едва не испортил номер. Сидя на плече хозяина, он немножко освоился и — раз-раз! — дёрнул Цезаря за гриву.

Лев уже раскрыл пасть, но Эдуард Иванович потрепал его по густой шевелюре: дескать, не стоит обращать внимания.

Оркестр заиграл прощальный марш, укротитель стал раскланиваться с публикой. (Ребятам он поклонился отдельно, положив руку на сердце.)

Жалко было уходить отсюда! Взяли бы артисты да и повторили всё сначала!

Но погасла половина ламп, и хотя вышли не все зрители, а цирк уже напоминал пустой дом, из которого уходят не только гости, но и хозяева.

Ребята выходили последними. На улице они остановились, чтобы подождать Эдуарда Ивановича. Ушёл только Владик: мать просила его прийти пораньше.

— Попасть бы в ученики к Эдуарду Ивановичу! — сказал Виктор.

— Мне было страшно, — сказала Лёлишна, — я всё про тебя вспоминала.

— Вам-то что? — проговорил Петька. — Пришли домой, поели хорошенько — и спать. А меня знаете что? Ждут. Уж если львов и мартышек дрессировать можно, то почему же я считаюсь неподдающимся? Вон Эдуард Иванович львов на поруки взял, а вы меня не хотите!

— Ладно! — резко произнёс Виктор. — Расхныкался. Любишь кататься, люби и саночки возить. Поможем тебе на этот раз саночки везти. Но учти: если подведёшь, пощады не будет! Уж не знаю, что я с тобой сделаю, но — берегись!

— Берегусь! — радостно воскликнул Петька.

А Лёлишна сказала:

— Я вот ему ни капельки не верю. В любой момент подведёт и не заметит. Поверим ему в последний раз.

Из цирка вышли Эдуард Иванович и Григорий Васильевич. Были они усталые и весёлые.

Ребята радостно загалдели, перебивая друг друга.

— Спасибо вам за всё, — проговорила Лёлишна, — от меня особенное спасибо.

— Вот уж не за что так не за что, — ответил Эдуард Иванович. — Мы всё делали с удовольствием. Мне, правда, немного попало от директора, но ничего.

— Милиционера только жаль, — добавил Григорий Васильевич и рассмеялся. — Хороший он человек, но почему-то не любит цирка. Даже конца представления не дождался. Пошли, товарищи. Мне ещё Эмму надо домой проводить.

*Следующий номер нашей программы
можно назвать*
„ПАЛКА О ДВУХ КОНЦАХ“.
Это последнее крупное выступление
ПЕТЬКИ-ПАРЫ!

Пословица утверждает, что у палки два конца и если одним концом кого-нибудь ударишь, то вполне вероятно, что второй конец стукнет по тебе.

Применима ли эта пословица к тому, о чём сейчас прочтёте, судите сами. Или другие пословицы подберите.

Вот Петька постучал в дверь своей квартиры — постучал спокойно, с достоинством, как стучит человек, который ни в чём не виноват. А если и виноват, то его, между прочим, на поруки берут.

За дверью — тишина.

Постучал Виктор.

Опять тишина.

— Чего это они? — испуганно прошептал Петька.

— А вот так тебя всегда будят, — сказала Лёлишна и тоже постучала.

Долго, громко стучала.

— Да что же это такое? — жалобно спросил Петька. — Чего они дрыхнут так? — и застучал обеими руками.

Ни ответа, ни привета.

— Идём к нам, — предложила Лёлишна.

— Ну да! Я домой попасть не смог, а кому попадёт? Будьте уверены, мне.

— Не стоять же нам здесь с тобой до утра? — сказал Виктор. — А если они спят, как ты, надо ломать замок.

— Я ещё попробую. — И Эдуард Иванович постучал так, что выглянули соседи из всех дверей.

— Я домой, — сказал Виктор, — а то и мне попадёт.

И ушёл.

— Ладно уж, — весело проговорил Григорий Васильевич, — помогу, так и быть.

Он достал перочинный ножичек, раскрыл его и склонился над замком.

— Ой, до чего боюсь... — прошептал Петька. — Прямо хоть в Африку убегай. Не знаю только, как туда добраться.

— Сам ты, Петя, виноват, — сказала Лёлишна не с упрёком, а с жалостью. — Вытерпи ты сегодня всё, а завтра возьмём тебя на поруки. И уж больше не дури.

И дверь открылась.

— Прошу, — предложил Григорий Васильевич, — замок цел. Только никому не рассказывайте о моих способностях.

Петька в знак благодарности и прощания помотал головой и поспешно скрылся за дверью.

В квартире никого не было. Он заглянул в чулан, в ванную, в оба шкафа, даже под кровати заглянул.

Ни-ко-го.

Сел.

Куда все исчезли? Почему не предупредили? Так вот и сиди всю ночь?

А в голову разные страшные мысли лезут. Вдруг на поезде уехали, а поезд — под откос? Вдруг всех троих трамваем переехало? Автобусом задавило? Троллейбусом стукнуло? А вдруг? А вдруг? А вдруг???

Петька забегал по комнатам.

— Мама! — жалобно крикнул он. — Папа! Бабушка! — И остановился, прислушиваясь.

До того шею вытягивал, что голова чуть не оторвалась. Страшно было — за себя, за родных и вообще страшно. Петька забыл даже о том, что голоден. Не до еды было.

«Бросили! — думал он. — И никому до меня, бедного, дела нет. Где вы?»

Всего он ожидал, к любому наказанию был готов. Но не к такому. Это было, по его мнению, не наказание, а издевательство. Главное — ничего не известно!

Почему, когда хочется плакать, кажется, что слёзы собираются в носу?

Петька заплакал изо всех сил. Ещё ни разу в жизни из него не выбегало столько слёз. Даже рубашка на груди промокла.

И впервые в жизни ему не хотелось спать ночью! Горели все лампочки, даже настольная, — семь штук. И всё равно казалось, что в соседней комнате есть кто-то.

Чудились голоса. Шаги. Смех. Музыка. Шорохи. Стуки.

Будто Петьку окружали со всех сторон.

И вот совершенно отчётливо он услышал, что на кухне кто-то ходит и разговаривает.

Он бросился в другую комнату, захлопнул дверь, навалился на неё плечом. И услышал, что теперь разговаривают в комнате, откуда он только что выскочил.

— Кто там? — пискнул Петька.

«Воры, — подумал он, — шпионы, жулики, убийцы, разбойники, пираты. Узнали, что я один, и пришли ограбить, сжечь, связать, избить, убить!»

Осторожно, как бы отрывая марлю со свежей раны, потянул он дверь и одним глазом глянул в щёлку — никого. Вытянув шею — ухо вперёд, он подошёл к кухне, заглянул — никого.

Вместо того, чтобы обрадоваться, сказал:

— Дурак!

Ведь это внизу, этажом ниже, и за соседними стенами разговаривали! Вот и сейчас слышно.

— Красота! Красота! Кислая капуста! — спел Петька и даже ногами потопал — вроде бы сплясал.

Но есть неохота, спать неохота, — что делать? Он лёг. Лежал, лежал... Встал. Да где же это видано, да где же это слышано, чтобы родители и бабушка из дому убежали?!

Размышляя об этом, Петька машинально кончиком ножа провертел в столе ямку. В новом-то столе! Отшвырнул нож, сплюнул. Опять в сердце забрался страх. Где они? А вдруг их в больницу увезли? Газом отравились? В милицию надо бежать — сообщить!

Петька выскочил на лестничную площадку. Сзади хлопнула дверь.

Одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь лампочек забыл он выключить!

И кулаками застучал по перилам, будто они были виноваты. И направился в милицию.

Но по дороге устал. Присел в сквере на скамейку. И уснул.

***Продолжаем нашу программу,
СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР — утро.***

Лёлишна, конечно, увидела во сне цирк.

Такой смешной сон получился, что, проснувшись, она улыбнулась. А приснилось ей, что она укротительница. Только не львов, а...

На тумбах сидели:

	СУСАННА	
ВЛАДИК		ДЕДУШКА
ПЕТЬКА		БАБУШКА (младшая).

А Виктор сидел верхом на льве.

Лев встал на дыбы (вернее, на задние лапы), прыгнул к Петьке, зубами взял его за шиворот, а Сусанна бросилась на льва...

Тут Лёлишна проснулась. Кто это на кухне? Лёлишна взглянула на будильник: половина десятого! Почему же он не прозвенел в половине восьмого? Никогда ещё они с дедушкой не спали так долго!

Лёлишна оделась — и на кухню.

— Доброе утро, хозяйюшка! — приветствовал её Эдуард Иванович, не оборачиваясь от плиты. — Как спалось? Какой сон приснился?

— Что вы делаете?!

— Готовлю завтрак. Я уже съездил на рынок. Дедушке будет манная каша, а нам с тобой...

— Ой, как нехорошо! Я первый раз проспала.

— Потому что я перевёл стрелку будильника на десять. И не возражать! Извольте меня слушаться.

— Слушаюсь. — Лёлишна улыбнулась. — Что нужно делать?

— Умываться. А больше ничего. Уходите отсюда, не мешайте. Мы, домашние хозяйки, не любим, если стоят у нас над душой, когда мы стоим над плитой.

Лёлишна ушла умываться, а когда вернулась в комнату, дедушка уже сидел в постели. Лицо у него было грустное и виноватое.

— Стыдно вспомнить вчерашнее, — сказал он, — я плохо вёл себя. Феноменально плохо.

— Плохо вело себя твоё здоровье, а не ты.

— Сначала оно, потом я. Вернее, сначала я, потом оно. И не надо меня утешать. Такие замечательные люди вчера из-за меня... Нет, нет, стыд и позор! Меня надо наказать. Жестоко, беспощадно.

— Ты абсолютно неправ, — сказала Лёлишна. — Виноват ты лишь в том, что без разрешения вышел погулять и играл в футбол.

— Нет, нет, я всё равно буду переживать. Долго. Мучительно.

— Вот как раз «переживать» тебе и нельзя. Иди лучше умойся.

— И всё равно буду переживать, даже умытый.

— И добьёшься, что тебя положат в больницу.

— За что?! — ужаснулся дедушка.

— Чтобы лечить. Если не удастся вылечить тебя дома, я отправлю тебя в больницу.

— Хорошо, — угрюмо согласился дедушка. — Я постараюсь выполнять твои указания.

Как только сели завтракать, явился Петька. Вид у него был помятый и растерянный.

Когда мальчишка рассказал, что его покинули родители и бабушка, все рассмеялись.

Пока все смеялись, Петька расправился с яичницей. А пока смеялись над тем, как он уснул по дороге в милицию и проспал до утра, Петька доел что-то со сковородки (а что — не разобрал).

— Это всё ерунда, — сказал он. — Вот лампочки, семь штук, забыл выключить, ямку в новом столе провертел — вот это хуже. Взяли бы вы меня к себе, дядя дрессировщик!

— Зачем?

— Да хоть зачем! Чтоб польза от меня была, хочу! — жалобно воскликнул Петька. — А то вред один! Самому надоело!

— Ну, раз надоело, — сказал Эдуард Иванович, — значит, соображать начал. А раз соображать начал, — значит, со временем поумнеешь.

Лёлишна с Эдуардом Ивановичем пошли мыть посуду, а Петька вышел на балкон. И тут он увидел своего отца и бабушку. Они выходили из-за угла дома.

— Папа! — закричал Петька. — Бабушка! Я тут! Я здесь! Я к вам! — И умчался.

Продолжаем нашу программу.
**ПРОЩАНИЕ СО ЗЛОЙ ДЕВЧОНКОЙ
СУСАННОЙ КОЛЬЧИКОВОЙ!**

Читайте о её последнем выступлении в нашей программе!

Пробегая от подъезда к подъезду, Петька увидел невероятную картину. До того невероятную, что не мог не остановиться.

Ему навстречу шла Сусанна Кольчикова с небольшим чемоданчиком в одной руке и с авоськой — в другой. Шла, опустив голову. Одна.

— Ты куда это? — спросил Петька.

Сусанна подняла заплаканные глазки, всхлипнула и ответила:

— Мы больше не увидимся. Прощай.

— Прощай, конечно, — сказал Петька. — А куда ты?

Но злая девчонка больше не сказала ни слова. Ушла, всхлипывая тонко и жалобно.

Её отправляли в пионерский лагерь. Потому-то она и брела, опустив голову.

А вот почему она сама несла (сама!) чемоданчик и авоську, почему шла одна, это следует объяснить.

Вчера, прибежав из цирка без туфель и бабушки, Сусанна плюхнулась на диван и закрыла глазки. И пронзительно застонала.

— ЕЩЁ ЧТО? — не своим голосом спросил папа. — ОПЯТЬ ЧТО-НИБУДЬ?

— Где туфли? — спросила мама.

— Где бабушка? — спросила старшая бабушка.

— Она избил меня, — со стоном ответила злая девчонка. — В цирке. При всех. Дала мне затрещину. И бросила на улице. Ой... как мне ужасно.

— Довели, — почти своим голосом сказал папа.

— Я петь больше не буду, — сказала старшая бабушка. —

И хрюкать не буду. И мяукать не буду. И кудкудакать не буду. И вообще я уезжаю. К брату. В Калугу.

У Сусанны было такое ощущение, словно она ехала в трамвае по знакомому-знакомому маршруту, а приехала, например, на Луну.

Сквозь полуопущенные веки злая девчонка следила за тем, что происходило вокруг, и ничего не понимала. Ей становилось ясно: происходило что-то непонятное, невиданное, страшное. Родители и бабушка почему-то вроде бы перестают её слушаться.

Ну... лад-но! Она дёрнулась всем телом, затем подёргала левой и правой ногами попеременно.

— Это мне надо дёргаться, а не тебе! — крикнул папа своим голосом. — Это ты нас издёргала! Нас сегодня вызывали в домовый комитет! И правильно! И смеялись над нами! И правильно!

— Посмотрите, она всё ещё дёргается, — прошептала мама.

— Пусть! — отрезал папа. — Не боюсь нисколько. Завтра она поедет в пионерский лагерь. Будет жить, как все. Пусть попробует там дёргаться.

Тогда Сусанна стала хрипеть.

— Ей плохо, — прошептала мама.

— Пусть, — сказала старшая бабушка.

— Ни в какой пионерский лагерь я не поеду, — дрожащим голосом проговорила Сусанна. — Там для меня — смерть. Я простыну, утону, сломаю ногу или руку, отравлюсь недоброкачественно приготовленной пищей.

— Это мои слова, — грустно призналась старшая бабушка, — я отрекаюсь от них.

— Там за мной не будет надлежащего присмотра и ухода, — продолжала Сусанна. — Мне, которая привыкла к заботе и ласке, трудно будет среди сотни невоспитанных сорванцов.

— Последнего слова я не говорила! — воскликнула мама.

— А про клещей вы забыли? — спросила Сусанна. — Пусть тот отправляет детей в пионерлагерь, кто не может обеспечить им другой вид отдыха.

— Отказываюсь от своих слов! — крикнул папа. — Поедешь в лагерь! Там тебя отучат дёргаться и мучить взрослых! Там ты сама станешь человеком!

— А мои музыкальные способности?

— Нет у тебя никаких музыкальных способностей!

— А моё здоровье? Мои нервы?

— Проверишь у врача в пионерском лагере.

Пришла младшая бабушка, с порога заговорила:

— Всему есть мера. Моя бывшая внучка довела меня до того, что я дала ей затрещину. В цирке. При всех. До сих пор рука болит. Свои новые туфли она оставила на улице.

— А ты не могла их поднять? — крикнула Сусанна. — Тебе трудно было нагнуться?

— Марш за туфлями! — И папа приподнял дочь с дивана и толкнул к дверям.

— И вообще я уезжаю, — сказала младшая бабушка, — к сестре. В Воронеж. Хочу отдохнуть.

Если бы я был злой человек, я бы всему этому порадовался. Но, честно говоря, мне чуть-чуть жаль Сусанну. Не одна же она виновата, что выросла злой девчонкой.

Туфель она не нашла, их утащили собаки. Села Сусанна на диван и заплакала по-настоящему, с горя.

Никто к ней не подходил. Бабушки собирали вещи, так как решение уехать оказалось бесповоротным.

Никто не подходил к Сусанне. Только мама несколько раз вставала, но каждый раз садилась обратно.

Утром Сусанна спросила:

— Кто проводит меня?

Папа ответил:

— Дорогу ты знаешь. Возьми вещи и иди. Счастливо тебе отдохнуть.

О том, как жилось ей в пионерском лагере, догадайтесь сами.

Представление продолжается.

Выступают тигрёнок Чип, мартыш Хлоп-Хлоп и домоуправляющий —

ГРОЗНЫЙ ТОВАРИЩ СУРКОВ.

В домоуправление, где сидел грозный товарищ Сурков, которого все боялись, вместе с Лёлишной пошёл Эдуард Иванович. Он сказал:

— Сначала заглянем в цирк, возьмём с собой помощников.

Помощниками оказались Чип и Хлоп-Хлоп. Как они обрадовались, увидев хозяина! Мартыш даже полез целоваться,

но Эдуард Иванович отвернулся. Хлоп-Хлоп обиженно пискнул, но чмокнул-таки его в щёку. А Чип тёрся о ноги хозяина и урчал-урчал-мурлыкал.

— Вот что, друзья, — сказал Эдуард Иванович. — На вашу долю выпала ответственная задача. Надо помочь Лёлишне и её дедушке обменять квартиру. Несколько раз она обращалась в райжилуправление, оттуда заявление переслали в домоуправление к грозному товарищу Суркову, которого все боятся. Грозный товарищ Сурков говорит: не имеем возможности, но постараемся. На самом же деле он имеет возможность, но не старается. Наша задача заключается в том, чтобы заставить товарища Суркова перестать быть грозным и быстрее помочь Лёлишне. Ясно? Вопросов нет? В путь!

Лёлишна вела Чипа на поводке, а Хлоп-Хлоп устроился на руках у хозяина.

Сами понимаете, что за ними увязалась целая толпа мальчишек, которым Хлоп-Хлоп показывал язык, кулак и корчил рожицы. И мальчишки показывали ему язык и строили рожицы, но кулаками не махали. Вот такой толпой и явились к домоуправлению.

Служащие этой важной конторы всполошились. А когда в комнату к ним вошёл, скаля зубы, Чип, служащие вскочили из-за своих столов и спрятались за самый большой стол, за которым сидел сам товарищ Сурков.

Внешне в нём ничего грозного не было. Невысокого роста, с лохматой шевелюрой, с недобрый взглядом чёрных глаз, он, чтобы выглядеть выше ростом, носил шляпу. Её он не имел обыкновения снимать даже в конторе.

Увидев тигрёнка, Эдуарда Ивановича, Хлоп-Хлопа и Лёлишну, товарищ Сурков спросил:

— Как прикажете это понимать?

— Здравствуйте, — сказал Эдуард Иванович.

А мартыш молниеносным прыжком вскочил на стол, сорвал с управляющего шляпу, возмущённо погрозил ему пальцем, сам себе поаплодировал и снова влез на плечо к своему хозяину.

Товарищ Сурков на приветствие не ответил и, стараясь выглядеть невозмутимым, спросил:

— Охлопкава, где тигра взяла? Зачем сюда появилась? Почему без намордника? — и платком вытер крупные капли пота на носу.

— Я насчёт заявления, — сказала Лёлишна. — Дедушке

тяжело подниматься... врач сказал... тигрёнок из цирка... вы обещали...

— Ну, обещал. Дальше?

— Выполняйте своё обещание, — сказал Эдуард Иванович.

А Чип, как бы полностью поддерживая просьбу хозяина, зарычал, широко раскрыв пасть.

Женщины завизжали. Мальчишки, облепившие подоконники, захотали и тоже порычали и повизжали.

— Я милицию вызову, — сказал, сразу став не очень грозным, управляющий домами. — Вы нарушаете обществен-

ный порядок. Мешаете работе государственного учреждения. Хулиганите.

— А вы не хотите помочь девочке, — спокойно возразил Эдуард Иванович. — Вы же знаете, как ей трудно жить, имея на руках больного дедушку.

— Я всё знаю! — тихо крикнул товарищ Сурков, снова вытирая пот на носу. — Надоела мне ваша девочка с вашим дедушкой! Из горздрава два раза звонили. А у меня нет...

— Есть, — сказала одна служащая, — мы ещё вчера на поминали вам о заявлении Охлопковой...

— Очереды! — сказал товарищ Сурков. — Желающих спуститься с верхних этажей в нижние путём обмена жилплощади много. У одного дедушка, у другого бабушка, третий сам плохо дышит. Но это всё ерунда. Другое дело — мотоцикл, мотороллер. Дедушки-бабушки дома посидеть могут, нечего им взад-вперёд на пятый этаж бегать. А попробуй-ка на себе мотоцикл таскать! Мотороллер попробуй на себе таскать! А?

Мартыш показал ему язык. И мальчишки показали ему языки.

А Эдуард Иванович твёрдо сказал:

— Мы не уйдём отсюда, пока вы не дадите...

— Не дам! — крикнул товарищ Сурков.

И мальчишки закричали:

— Не дам! Не дам! Не дам! Не дам!

— А я не могу, — гордо и даже торжественно произнёс товарищ Сурков, — не могу думать и руководить в такой обстановке.

Тут все служащие стали упрашивать его подписать заявление Охлопковой, называли номер дома и номер квартиры.

— Пусть придёт в другой раз...

— И в другой раз она опять придёт со мной, — сказал Эдуард Иванович, — а я возьму с собой уже не тигрёнка, а льва.

— Льва-а-а? — хором спросили мальчишки и служащие.

— Самого настоящего. И тоже без намордника. Могу и двух львов привести. И трёх.

— Безобразие, одним словом! — еле выговорил товарищ Сурков, теперь уже совсем негрозный. — Отвечать будете. Какая там у вас квартира на обмен согласна?

Короче говоря, завтра же Лёлишна могла переезжать на первый этаж в соседнем доме.

Следующим номером нашей программы—

ЖИВЫЕ ТАРЕЛКИ.

Исполняет единственный мужчина в своей семье

Владик Краснов, бывший Головешка.

*В действие вступает ТЁТЯ НЮРА,
КОТОРАЯ СЧИТАЕТ СЕБЯ СВЯТОЙ.*

Владик мыл посуду. То есть не мыл, а бил. Потому что тарелки оказались живыми. Первая же тарелка выскользнула из его рук в раковину. И конечно, разбилась.

— Эх, ты! — сказал ей (вернее, её осколкам) Владик. — Совести у тебя нету!

Со второй тарелкой он держался насторожённо и даже сумел донести её до струи воды из крана. И тут она (то есть тарелка) выскользнула из его рук на пол. И разбилась.

«Ну погодите! — возмущённо подумал Владик. — Не хотел я с вами связываться, а придётся. Не забудьте, что руки у меня золотые. Так сам гражданин милиционер дядя Горшков говорит. И вы из себя много-то не воображайте. Тем более, что я — единственный мужчина в нашей семье».

И тут третья тарелка — вдребезги.

Сел Владик. Задумался. Пустяковое вроде бы дело, а не получается. В цирке вон тарелки на палках крутят, в воздух бросают и чего только с ними не делают, а тут...

Он встал. Взял тарелку обеими руками. И поднёс к раковине.

Но нужна ещё одна рука, чтобы открыть кран.

Владик отнёс тарелку обратно на стол, открыл кран, взял тарелку обеими руками и подставил под струю.

Брызги во все стороны бросились. Глаза пришлось закрыть.

Вымок Владик до пояса. Зато и тарелка немного вымылась.

К следующей, пятой тарелке он отнёсся уже увереннее, да и она, видимо, почувствовала, что имеет дело с человеком, который кое-что в мытье посуды понимает. И облился он на этот раз меньше.

Маленькая работа, а работа. И когда сделаешь её, приятно.

— Чего тут стряслось? — услышал он напуганный и возмущённый голос тёти Нюры.

— Да вот посуду мыл, — небрежным тоном ответил Владик, — я ведь единственный мужчина в семье.

— Единственный ты лоботряс в семье! — сказала тётя Нюра. — Кто тебя просил? Вот натворил дел! Подожди, укут тебя в колонию, сто раз пожалеешь, что не слушался добрых людей.

Ругалась тётя Нюра равнодушно, и раньше Владик не обращал особенного внимания на такие слова, но сегодня он ответил:

— С утра до вечера вы меня без передыха ругаете. Зря.

Они с тётей Нюрой собрали осколки, и она принялась вытирать пол, говоря:

— Тебя не ругать нельзя. Потому как хвалить тебя не за что. Ты вот телевизор не смотришь. А каких там мальчиков показывают иногда! Чистенькие, умненькие, рассуждают ровно взрослые. Советы дают, учат. И все из нашего города. Местные. Сердце не нарадуется! Вот тебе бы с них пример взять.

— У нас телевизора нет.

— И никогда не будет! — И тут тётя Нюра заметила на нём новые брюки, всплеснула руками: — Кто это тебя?

— Знакомые одни.

— До чего же ладно подогнано! Только ботинки всё портят. Ботинки бы сменить! — сокрушалась тётя Нюра. — Уж больно они длинноносые... погоди, погоди, я сейчас.

Она быстро ушла, почти убежала, и скоро вернулась, держа в руках сандалии.

— Примерь-ка. Если подойдут, будешь ты парень хоть куда. И меня добрым словом вспомнишь. Мол, есть на свете тётя Нюра — святой человек. Ведь с какой стати, собственно, я о тебе забочусь? Да потому, что добрая, отзывчивая я... Не жмут? Носи на здоровье.

— Спасибо! — Владик даже потопал от радости.

— Покажись-ка матери.

Владик убежал.

Ксения Андреевна, как всегда, полулежала на кровати.

— Мам, смотри!

— Балуеть ты нас, — растроганно сказала она вошедшей в комнату тёте Нюре. — Спасибо тебе. Весь он в обновках. Прямо и не узнать, до чего хорош парень!

— Не хвали ты его раньше времени, — ворчливо посоветовала тётя Нюра. — Посмотреть ещё надо, как он дальше будет.

— Когда хвалят, на него больше действует.

— Всем нам охота, чтоб нас хвалили, — сказала тётя Нюра, — а надо к ругани привыкать. Легче жить будет. А знаешь, как он себя величает? Единственный, мол, мужчина в семье! — Она расхохоталась. — А я ему говорю: единственный ты, мол, лоботряс в семье!

— Ничего смешного нет, — хмуро сказал Владик.

— Три тарелки он тебе раскокал! Помощничек!

— И пусть, — радостно сказала Ксения Андреевна. — Научится. Лиха беда — начало.

— Ничему он не научится! — почти крикнула тётя Нюра. — Одному он только и научился — за чужой счёт жить. Да кабы не я да не моя доброта...

— Берите обратно, — вдруг сказал Владик. Снял сандалии. И отодвинул их от себя.

— Чего ты?! — возмутилась тётя Нюра. — Подумаешь, обиделся! К тебе по-людски, а ты...

— Может, и меня когда-нибудь по телевизору покажут. И нечего меня на каждом шагу ругать. Ругаться легко! Телевизор смотреть легко! А вы попробуйте, как...

— Прости ты меня тогда, — насмешливо сказала тётя Нюра. — Только запомни: добрая я, отзывчивая. Жалею тебя. Возьми сандальки.

— Не надо, — твёрдо отказался Владик. — И жалеть меня не надо. Может, сам справлюсь.

— Вот что! — Тётя Нюра встала. — Ты словами-то не кидайся! И не гордись! Нечем тебе гордиться!

— За что ты так? — спросила Ксения Андреевна. — Маленький ведь он ещё.

— Маленький, да удаленький. Сердце кровью обливается, когда об вас думаю! Чего бы вы делали, кабы не я? Вы мне спасибо говорить должны не переставая. А он физиономию от меня воротит! Возьми сандальки! — крикнула тётя Нюра.

— Не возьму, — ответил Владик. — И не нужна ваша помощь больше. И пол мыть научусь! — с отчаянием продолжал он. — И по магазинам ходить буду!

— Да кто тебе деньги-то доверит?

— Я, — сказала Ксения Андреевна. — За великую помощь тебе, Нюра, великое спасибо. Никогда не забуду. А больше не надо.

— Да ты... Да что ты, Ксения? Я ведь...

— Мы с тобой потом обо всём поговорим. — Ксения Андреевна достала из-под подушки книгу, протянула сыну: — Вот здесь наши с тобой деньги, квитанции всякие. Положи на комод. Надо будет — бери.

— Можно подумать, — оскорблённо пробормотала тётя Нюра, — что я не пользу, а вред делала!

— Тебе куда-то надо, Владик? Так ты иди, иди. Часикам к двум возвращайся, сбегаешь в столовую за обедом. Были бы у меня ноги живые, я бы на месте не сидела.

Когда Владик ушёл, так и оставив сандалии, тётя Нюра заговорила громко и пронзительно:

— Чего это вы? На кого надеетесь? Думаете, ещё такую дуру, как я, найдёте? Ты поверила, что Головешка твой образумился? Да накатило просто на него. Хлебнёшь ты с ним ещё горя!

— А какая мать без горя прожила? — тихо спросила Ксения Андреевна. — За помощь тебе великое спасибо. Только в одной руке ты, оказалось, помощь протягиваешь, а другой по сердцу бьёшь.

— Да чего вы без меня делать будете? Да ты знаешь, что люди про меня говорят? Святая ты, Нюра, говорят! Куда вы без меня?

— Жить будем. Свет не без добрых людей. К осени меня в больницу, а Владика — в детдом. Может, вылечат меня.

Мне придётся прервать на этом их разговор. Думаю, что суть его вы уже поняли.

А перед началом следующего номера автор просит уважаемых читателей разрешить ему сказать несколько слов, которые он считает очень необходимыми.

Вот мы и приближаемся к окончанию нашей программы. Начались уже заключительные выступления.

И жалко мне расставаться со своими героями — моими друзьями-приятелями. И в то же время радостно, потому что работа близится к завершению.

И с вами мне расставаться жалко.

Конечно, я надеюсь, что мы с вами встретимся ещё не один раз, но всякое в жизни бывает. НЕДАРОМ КАЖДЫЙ ПИСАТЕЛЬ СТАРАЕТСЯ КАЖДУЮ КНИГУ ПИСАТЬ

ТАК, СЛОВНО ОНА ПОСЛЕДНЯЯ. И старается вложить в неё всё, что ему хочется сказать людям.

Но какой бы ни была книга толстой, у неё обязательно есть конец.

Решил я ещё раз — последний! — ненадолго остановить действие повести, чтобы сказать вам несколько слов, которые кажутся мне очень необходимыми. Решил я сказать их именно в этой книжке, не откладывая до следующей. Потому что, когда я напишу следующую книжку, вы уже станете совсем большими, вам будет не до детских книжек.

Если вы закроете «Лёлишну» и быстро забудете о том, что в ней написано, — это полбеды. Значит, либо я плохо написал, либо вы прочитали невнимательно.

Но вот вопрос: неужели вы умеете глотать книги?! Ам — и прочитали? И забыли. Тогда — для чего читать? Чтобы только провести время?

Авторы пишут, стараются, переписывают рукописи по несколько раз; в типографии огромные машины печатают, переплетают книги — для чего?

Если бы вы не боялись слова «учебник», я бы сказал, что книги — это учебники. Да, да, учебники! По ним можно учиться жить.

Вот и говорят:

«Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты».

Эту поговорку надо дополнить:

«Скажи мне, как ты читаешь, и я скажу, кто ты».

Вы люди понятливые, и я не буду вам всё растолковывать до конца. Сами поймёте.

Продолжаем нашу программу.

Сейчас номер разговорного жанра.

ВЫСТУПАЮТ ЛЁЛИШНА, ДЕДУШКА И ВЛАДИК.

Когда Владик рассказал Лёлишне о том, что случилось с ним утром, она заявила:

— Ты поступил правильно. Как настоящий мужчина.

— Да ну? — удивился Владик. — Я единственный мужчина в семье, и ещё оказалось, что я настоящий мужчина. Два мужчины во мне получилось?

— Один мужчина — хорошо, а два — лучше, — сказал де-

душка. — Я, правда, всего-навсего единственный дедушка в семье, толку от меня не очень уж и много.

— До чего вы мне все надоели! — весело сказала Лёлишна. — Честное слово! Ну хватит.

— Я вот о чём думаю, — сказал Владик. — А что же дальше? Я ведь ничего не умею делать. Две тарелки всего осталось. Вымою их — черепки соберу. А суп из чего есть? Из стаканов? Так я их тоже поломаю. В другой раз.

— Надо учиться, — сказал дедушка. — Вот я из пяти тарелок разбиваю лишь одну. Потому что у меня есть опыт. А у тебя его нет.

— Я уж когда к вам шёл, пожалел, — сказал Владик, — зря, может, сандайки не взял? А? Сами подумайте.

— Всё может быть, — как-то очень серьёзно сказал дедушка. — Даю совет: Владiku нужно помочь.

— А как? — спросила Лёлишна.

— Как — я не знаю. Моё дело — дать совет.

— За совет спасибо, — сказала Лёлишна. — Будем ему помогать. Только ты, Владик, должен дать слово, что не отступишь.

— Куда?

— Назад.

— Куда — назад?

— Раз ты решил стать главой семьи...

— Головой? — испугался Владик. — Это как? Это что?

— Главным в семье, — объяснил дедушка. — Вот как в нашей семье моя внучка.

— Ты должен делать всё без тёти Нюры, — сказала Лёлишна.

— Ничего у меня не получится! — Владик махнул рукой. — Какая я голова семьи? Я рот семьи!

— Вот ты уже и отступаешь.

Владик вскочил, пробежал по комнате, затараторил:

— Зачем я вас только встретил? Жил бы себе как жил! А тут мысли всякие в голове крутятся! Трудно ведь всё это. На что мне это надо? Ещё одним мужчиной быть — ладно, а двумя-то зачем?

— А ну сядь! — приказала Лёлишна, и Владик сел. — Распрыгался! «Зачем? Зачем?» — передразнила она. — Затем! Затем! Если ты не отступишь, знаешь что будет? Мама твоя выздоровеет!

— Да ну?

— А как ты думал? Конечно, выздоровеет. Не чужие руки будут ей пищу подавать, а твои. Не чужие люди ей будут помогать, а ты.

— Честное слово! — воскликнул дедушка. — Я давно бы умер, если бы не она. — Он погладил внучку по голове. — Я ведь рано просыпаюсь. Только вид делаю, что сплю. Иначе она тоже будет совсем рано вставать. Проснусь и каждое утро несколько часов думаю. Лежу и думаю. Думаю и лежу. Грустно мне этим заниматься. И тяжело. Не получилось из меня пенсионера. Какой я пенсионер? Больной, дома сижу. А настоящие пенсионеры — как милиционеры! Они следят за порядком, борются с его нарушителями. Пенсионеры — как пионеры! Всегда готовы! А я... — Дедушка протяжно вздохнул. — Какой я пенсионер... Не будь Лёли, я бы совсем...

— Всё будет в порядке, — задумчиво сказал Владик.

— Идём, Владик, — предложила Лёлишна, — надо дела ми заниматься. Дедусь, я приду скоро. Веди себя хорошо.

— Не сомневайся, — заверил дедушка. — Я ведь отчётливо сознаю, что вы — серьёзные люди. И у вас очень серьёзные дела. Не буду вам мешать.

***Читайте о прощальном выступлении
милиционера Горшкова в нашей программе!***

Горшкову дали несколько дней отпуска — отдохнуть.

Чего-чего, а отдыхать он не умел. Просто понятия не имел, как это делается. И пошёл он гулять.

Побывал он в больнице. Товарищ майор чувствовал себя хорошо и пообещал Горшкову взять его на работу в уголовный розыск. А когда исполняется самое твоё заветное мечтание, тебе хочется, чтобы всем было хорошо, как и тебе. Ты готов забыть и простить все обиды, помириться с теми, с кем был в ссоре.

И Горшков почувствовал, что ноги его сами идут к цирку, и понял, что он нисколько не сердится на шапито и артистов. И даже на мартыша!

В таком, как говорится, радужном настроении и явился милиционер в цирк.

На арене стоял Григорий Васильевич и... И горел! Горел он изнутри: дышал широко раскрытым ртом, из которого вылетало яркое пламя с дымом.

Горшков прыжком через барьер и к фокуснику — помочь! А тот как дунет пламенем! И милиционер отскочил, чтобы не опалиться.

«Куда только пожарники смотрят?» — возмущённо подумал Горшков, садясь на скамейку.

В это время фокусник кончил гореть, выдохнул из себя остатки дыма и спросил:

— Как впечатление?

— Горите вполне естественно, — ответил Горшков. — Не понимаю, однако: к чему? Зачем? А разрешение пожарной охраны имеете?

— Имею, имею, — успокоил его Григорий Васильевич. — А почему вчера ушли с представления?

— Вызвали на задание. Теперь буду работать в уголовном розыске. Вот пришёл попрощаться.

— Жаль. Мы к вам привыкли.

— Я нельзя сказать, что привык, — проговорил Горшков немного виновато, — но верю, что и от вас иногда может быть польза.

— И за это спасибо, — весело сказал Григорий Васильевич. — А на нас зря сердитесь.

— Да уж вроде бы и не сержусь. А пришёл я к вам, гражданин фокусник, опять из-за Головешки, то есть Владика Краснова. Обязаны вы ему помочь. Не отстану я от вас ни за что. Обязаны вы людям помогать, я считаю! — Горшков вдруг разволновался и даже взял Григория Васильевича за руку. — Бегом бежать, чтоб помогать! Вот сходите к нему домой, своими собственными глазами на жизнь его посмотрите. А как увидите его жизнь, так и не успокоитесь, пока не поможете.

— Упрямый вы человек, — сказал Григорий Васильевич. — Идёмте к вашему Головешке.

— Когда?

— Да сейчас. Я свободен до вечера.

Надо ли говорить, как обрадовался Горшков.

***Следующим номером нашей программы —
Владик Краснов сам себя ранит в неравном бою.***

Ксения Андреевна не расплакалась, как с ней обычно бывало в радостных случаях. Она только без конца благодарила Лёлишну, называя её доченькой.

А Лёлишна вспомнила свою маму и еле сдерживала слёзы.

Так сидели они и разговаривали.

— До чего же мне хорошо теперь, доченька! — сказала Ксения Андреевна.—А всё оттого, что мы с тобой повстречались. Я ведь всё перетерплю, лишь бы он хорошим человеком вырос.

— Конечно, хорошим человеком вырастет, — сказала Лёлишна. — Можете даже и не сомневаться. А вам мы помогать будем не хуже тёти Нюры... Пойду посмотрю, что там Владик делает.

А Владик там — то есть на кухне — делал суп.

На мальчишке был передник, который ему подарила Лёлишна. Рукава рубашки засучены. А руки в крови.

Во всяком бою бывают раны. А он вёл бой с картошкой, свёклой, луком, капустой, морковью...

Видите, как много врагов? А он один! А его руки, которые гражданин милиционер дядя Горшков считал золотыми, оказались деревянными — ничего они не умели делать.

Только резались — словно нарочно лезли прямо под острие ножа.

И странно было Владiku всем этим заниматься. Ещё вчера был он беззаботным человеком, слонялся себе по улицам, делал что хотел (то есть ничего не делал).

И вдруг... Суп. Передник. И все руки в крови.

— Ой! — вскрикнула Лёлишна, войдя на кухню. — Эх ты, неумейка!

— Только не ругаться, — предупредил Владик, — надоело. Лучше похвали.

— Конечно, ты молодец. В общем. Йод у вас есть?

Вскоре Владик сидел в углу на табуретке, разглядывая свои руки, покрытые тёмно-коричневыми пятнами, а Лёлишна ловко чистила овощи.

— Ничего я не понимаю, — вдруг сказал Владик, — жил я, жил, не тужил, и вот тебе...

— В том-то и беда, что не тужил. А тебе надо тужить, обязательно надо.

— Почему?

— Сам должен понять почему.

— Думаю, но не понимаю, — сказал Владик.

— Ещё подумай.

— Есть! Я единственный мужчина в семье. Это раз. Я на-

стоящий мужчина. Это два. Значит, я должен тужить? А ты кто? А тебе надо тужить?

— Не знаю. На вопрос ты не ответил.

— Отвечу когда-нибудь. Когда подумаю побольше. Тяжело всё это. — Владик вздохнул. — И ничего уж не поделаешь. — Он опять вздохнул, ещё громче. — Зато и в колонию не попаду. В общем, буду жить и тужить на полную мощность.

Сказал он это таким жалобным тоном, что Лёлишна чуть не рассмеялась.

— Тебе хорошо, — завистливым тоном проговорил Владик, — ты девчонка. Ты всё умеешь. Ты и тужить умеешь.

ВЫСТУПАЕТ ГРИГОРИЙ РАКИТИН!

Он задумывает номер, какого ещё никогда не было ни в одном цирке мира!

Горшков шёл торжественно. Он был абсолютно уверен, что Григорий Васильевич, увидя, как живёт Владик, близко к сердцу примет его судьбу. И поможет.

И тогда Владiku и ему, Горшкову, станет легко и радостно.

— Я ведь Владика ровно родного сына жалею, — сказал Горшков, — просто подумать боюсь, что опять парень со шпальной свяжется.

Но не знал Горшков, что теперь он уже не один заботится о судьбе бывшего Головешки.

Увидев неожиданных гостей, Ксения Андреевна посмотрела на них испуганно.

— Ничего не случилось, — успокоил её Горшков. — Вот привёл к вам на предмет знакомства гражданина артиста — фокусника. Может, он вашим Владиком подзаймётся.

— Спасибо вам, — растроганно сказала Ксения Андреевна, — только не понимаю я... Народ у нас с утра до вечера теперь. Суп вот сварили. Одежду Владiku переделали. Тут вот вы пришли.

— Всё идёт правильно, — удовлетворённо произнёс Горшков. — Так и должно быть. Давно я об этом мечтал.

Григорий Васильевич сидел задумчивый, молчал, а потом спросил:

— А вы бывали в цирке, Ксения Андреевна?

— Была когда-то. А когда, уж и не помню. Владик вот недавно ходил, так рассказывал. Особенно про львов и про фокусы.

— Работать буду — телевизор купим, — сказал Владик. — Там тебе и цирк, и футбол, и кино с концертами.

— Ну, ждать, когда ты работать будешь, долго, — сказал Григорий Васильевич, — а цирк вы, Ксения Андреевна, скоро увидите.

— Ходить-то ведь я не могу.

— Организуем, — загадочно произнёс Григорий Васильевич. — Если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе.

И, откланявшись, он ушёл. Слышно было, как, закрыв дверь, засвистел весёлую песенку.

— Магомет, — задумчиво проговорил Горшков, — гора. Магомет не идёт, гора не идёт. Ничего не понимаю!

— Это пословица такая, — сказала Ксения Андреевна, — я по радио слышала. Значит: если кто-то к кому-то не идёт, так тот сам прийти должен.

— Понятно. Только — почему бы прямо не сказать? Всё у них, у артистов, с выкрутасами. Будем надеяться, что не подведут. Ни горы, ни магометы.

А Владiku было и радостно и тревожно. Почему радостно, это вы, конечно, понимаете. А тревожно ему было оттого, что жизнь его менялась резко. А резко изменять привычную жизнь так же трудно, как на большой скорости резко сворачивать в сторону. Словно догадываясь о состоянии Владика, Горшков сказал:

— Конечно, сразу-то трудно по-новому жить начинать. Но постепенно привыкнешь.

Случайно взгляд его упал на окно, и Горшков встал и начал внимательно следить за тем, что происходило во дворе. И Владик встал рядом.

Увидели они нечто непонятное. Григорий Васильевич разгуливал по двору, словно измеряя его шагами, останавливался, оглядывался.

— Дом, что ли, он тут строить собирается? — спросил Владик.

— Или деревья сажать? — спросил Горшков.

Но Григорий Васильевич ни дом строить, ни деревья сажать не собирался.

Он задумал номер, какого ещё никогда не было ни в одном цирке мира.

Следующий номер нашей программы называется
ПЕРЕНОС!

Это был самый весёлый из всех переездов, какие я только видел в своей жизни. А видел я их немало: и как заселялись восьмидесятиквартирные дома, и стоквартирные. А однажды видел, как заселялся целый квартал.

Но переезд Лёлишны с дедушкой — это всем переездам переезд!

На помощь пришли цирковые артисты, и рабочие, и даже музыканты. Да ещё ребят собралось видимо-невидимо. Да Горшков явился с двумя милиционерами.

— Безобразия! — сказал дедушка. — Сколько людей тратят время и силы на меня и на тебя! Получается, что мы сплошные тунеядцы. Феноменальные лодыри. Что мне нести?

— Ничего, — ответила Лёлишна.

— Опять? — возмутился дедушка. — Опять ты считаешь меня законченным инвалидом?

— Тогда носи свои лекарства. Я их сложила в одну коробку. Только не урони.

— Я бы ни за что не уронил их, — раздражённо проговорил дедушка, — если бы ты не напомнила. А сейчас я всё время буду думать о том, чтобы не уронить их. И обязательно, видимо, уроню.

— Роняй. Купим новые, — пообещала Лёлишна.

К дверям в их квартиру выстроилась длинная очередь желающих помочь.

На всех лестничных площадках открылись все двери, из-за которых выглядывали любопытные. Музыканты с инструментами в руках стояли у крыльца.

Эдуард Иванович спросил:

— Все готовы?

— Все!

И скомандовал:

— Раз-два, взяли! И — шагом марш!

Первым в дорогу двинулся шкаф. Его несли силовые акробаты. Шкаф для таких богатырей — всё равно что для нас с вами табурет. Они даже не почувствовали, что кроме шкафа несут ещё... Кого бы вы думали? А?

Да Петька спрятался в шкаф — хотел всех напугать, но заснул.

Затем в дорогу двинулись кровати. Их несли воздушные гимнасты. Им такие ноши — нечего и разговаривать!

И оттоманка двинулась в путь, и письменный стол, и круглый стол, и стулья...

И когда на крыльце показался шкаф, грянул оркестр.

Откуда ни возьмись, появился сам грозный товарищ Сурков. Рот разинул. Ничего понять не мог.

А мальчишки сбежались чуть ли не со всего города! Лишь бы только вещей хватило — кому что нести. Тут уж поступали честно, делили поровну: кому ножик достался, кому вилка. Да и чайная ложка — тоже вещь!

И всем хотелось, чтобы вещей было много-много. Таскать бы да таскать! Под музыку!

Можно было подумать, что весёлое настроение людей передалось даже мебели. Шкаф пританцовывал. Письменный стол приплясывал. Тарелки летали по воздуху от жонглёра к жонглёру. Сам грозный товарищ Сурков крикнул:

— Чего тут происходит?

И мальчишки хором пропели:

— Лёлишну перевозим! Лёлишну перевозим!

Рот у грозного товарища Суркова опять раскрылся. И не мог товарищ Сурков его закрыть. И сказать ничего не мог — до того удивился. Так с незакрытым ртом и ушёл грозный товарищ Сурков.

А переезд продолжался.

Хлоп-Хлоп сидел на плече у Эдуарда Ивановича, одной рукой держался за него, а другой помогал Лёлишне с дедушкой переезжать — нёс карандаш.

Карандаш этот Хлоп-Хлопу доверили совершенно напрасно. Когда Эдуард Иванович спускался с пятого этажа, мартыш вёл грифелем по стене и прочертил линию до первого этажа. (Никто этого не заметил, а потом весь подъезд долго гадал: кто же из мальчишек автор такого безобразия? И попало, конечно, Петьке.)

А раз я вспомнил о Петьке, то надо рассказать, что он там, бедный, в шкафу думал.

Проснулся он оттого, что его покачивало и играла музыка. Темнота. Несут.

«Помер я, что ли? — испуганно подумал Петька. — А чего тогда музыка весёлая?»

И чтобы окончательно убедиться в том, что он жив, Петька плюнул. Живёхонек! И сразу обо всём вспомнил и захихикал — пусть несут!

Когда из квартиры вынесли всё, девочки помогли Лёлишне вымыть полы. Она вручила ключи новым хозяевам квартиры. А они отдали ей ключи от своей квартиры.

Теперь мебель запританцовывала, заприплясывала в обратном направлении. Снова грянул оркестр — помогали переехать и тем, с кем Лёлишна обменялась квартирой.

Правда, подниматься на пятый этаж труднее, чем спускаться, но всё равно весело. С музыкой-то!

И всем жильцам обоих домов захотелось сейчас обменяться квартирами.

— Это не переезд, — сказал дедушка, — а перенос.

Он был очень горд, потому что не уронил коробку с лекарствами. Сам принёс её на новую квартиру и осторожно опустил на табурет.

— С новосельем вас, — сказал Эдуард Иванович.

— И вас тоже, — ответил дедушка, — вы ведь у нас живёте. Значит, и у вас новоселье. Лёля, срочно валерьянки! Феноменально срочно! Я очень разволновался. От радости. Я не переносу, когда вижу так много доброты. Сердце не выдерживает.

— Не давать ему валерьянки! — вдруг строго приказал Эдуард Иванович. — Радостные волнения полезны организму!

— Да, но я привык!

— Вот именно, — тем же строгим, даже грозным тоном продолжал Эдуард Иванович. — Вы привыкли. Надо отвыкать.

— Как? — упавшим голосом спросил дедушка.

— Очень просто, — ответила Лёлишна, — отвыкай, и всё. Держи себя в руках. Будь мужественным.

— Трудно это. И неинтересно. Я однажды целый день был мужественным — и устал. Разрешите мне хотя бы изредка тяжело переживать!

Эдуард Иванович с Лёлишной переглянулись, и она ответила:

— Не разрешаем.

Дедушка совсем растерялся. Сел.
На коробку с лекарствами.

— Ну вот, — сказал он, — вот вам и результат!

— Ты встань, — предложила Лёлишна.

— Мне теперь всё равно, — сказал дедушка и встал.

Лёлишна расправила смятую коробку и сказала:

— А теперь будем наводить порядок.

И они принялись наводить порядок.

— Эй! — раздался из шкафа знакомый голос. — Откройте! Открыли.

— Привет, — сказал Петька, — хотел вам помочь, да уснул.

Мог бы и сейчас помочь, нашлась бы работа, да разыгрался с Хлоп-Хлопом.

Сидели они друг против друга и дразнились. Петька сам себе аплодировал. А мартыш плевался.

НАША ПРОГРАММА ПОДХОДИТ К КОНЦУ. *Начинаем очередной номер.*

Лёг спать дедушка.

Привязанный цепочкой к батарее центрального отопления, спал на подстилке Хлоп-Хлоп.

В соседней комнате растянулся на ковровой дорожке Чип. Хлоп-Хлопу снился Петька — будто они с ним соревнуются, кто дальше плюнет.

Чипу пригрезилось: бегаёт он по лесу, а под каждым кустом и деревом лежит или кусочек сахара, или кусочек мяса.

А на кухне горел свет — за окном давным-давно была ночь.

На кухне сидели Эдуард Иванович и Лёлишна. Они шептались.

Прыгала крышка на давным-давно закипевшем чайнике. А они давным-давно шептались, склоняясь над столом.

Заскулил Хлоп-Хлоп, ему нужно было в туалет. А его не слышали. Он заскулил громче.

Проснулся Чип и зарычал.

Дедушка проснулся, испугался и с головой спрятался под одеяло.

А двое на кухне ничего этого не слышали. Шептались.

Чип пожалел мартыша, подошёл к нему и спросил (конечно, на зверином языке):

— Чего раскричался?

— «Чего! Чего!» — хныча, передразнил мартыш. — Неужели не понимаешь?

— Нет, — признался Чип.

— Я хочу туда. Иди скажи им.

Чип лбом толкнул дверь в кухню, вошёл и с упрёком посмотрел на Эдуарда Ивановича.

Тот сразу всё понял, отвязал мартыша, и вскоре Хлоп-Хлоп снова спал. И Чип спал.

А дедушка притворялся, что спит.

Когда двое на кухне снова зашептались, он тихонько вылез из-под одеяла, всунул ноги в тапочки. И неслышно подошёл к дверям в кухню. Но от напряжения и некоторого количества страха не мог ничего расслышать.

Сквозь стекло он видел затылок Эдуарда Ивановича и лицо внучки, но ничего не слышал, хотя чувствовал, что разговор касается его.

А он не слышит! И вдруг услышал, что они замолчали.

— Входи, дедушка, — сказала Лёлишна.

— Как ты меня обнаружила? — виновато спросил он, входя.

— Очень просто, — ответила внучка, — в двери стекло, а стекло просвечивает.

— Представляю, как глупо я выглядел. — Дедушка вздохнул. — Но это из-за вас. Ваши звери, Эдуард Иванович, испугали и разбудили меня. А ваш разговор с Лёлишной растрёвожил. Прошу, вернее, требую валерьянки.

Лёлишна переглянулась с Эдуардом Ивановичем и ответила:

— Садись, дедушка. Валерьянки ты не получишь.

— Справедливое решение, — сказал Эдуард Иванович. — Выпейте лучше стакан чаю с сахаром.

— Так, так, — продолжая стоять, произнёс дедушка. — Вы против меня. Вдвоём. Понятно. О чём вы шептались? Ответьте честно.

Опять переглянувшись с Лёлишной, Эдуард Иванович сказал:

— Отвечаю честно. Я убеждал Лёлю стать моей ученицей.

Дедушка сел.

— За несколько дней я хорошо изучил её, — продолжал Эдуард Иванович, — мне нравится...

— Феноменально! — перебил дедушка. — Вы специально приехали сюда на гастроли, чтобы увезти мою внучку! Слопать мою жизнь! Один вопрос: в какую больницу вы собираетесь меня положить, чтобы я не мешал вам? — Он вскочил. — А может быть, сделать проще? Бросить меня в клетку к вашим долгогривым? Они не будут меня долго мучить. В отличие от вас.

— Спать ты сейчас, конечно, не будешь, — сказала Лёлишна. — Тогда поговорим. Откровенно. Как взрослые люди. Милый дедушка, ты знаешь, как я тебя люблю. Люблю, — повторила она, когда он попытался что-то возразить. — И я никогда тебя не брошу. И это ты знаешь. Но...

— Не надо «но»! — взмолился дедушка. — Давай жить без этого «но»!

— Но я ещё не успела ничего сказать!

— И не надо! — радостно посоветовал дедушка. — Не надо ничего говорить. Идёмте спать... Почему вы оба молчите? Почему вы, Эдуард Иванович, молчите?

— Я собираюсь идти спать, — ответил Эдуард Иванович, — завтра у меня утренняя репетиция. А о нашем разговоре Лёля расскажет вам сама. Спокойной ночи.

И он ушёл.

— Может быть, и мы пойдём спать? — спросила Лёлишна.

— Что ты! — со вздохом отозвался дедушка. — В таком состоянии... Что ты задумала? И почему ушёл Эдуард Иванович? А! — Дедушка хлопнул себя ладонью по лбу. — Ему стыдно смотреть мне в глаза! Да?

— Пожалуйста, не стучай себя так сильно, — сказала Лёлишна. — Голова заболит. Эдуард Иванович ушёл потому, что считает меня взрослой. И ещё — самостоятельной. Он говорит, что я сама могу решать сложные жизненные вопросы. Тебе надо сначала успокоиться, дедушка. А потом мы с тобой поговорим.

В конце концов дедушка согласился лечь в постель. И не успел он снова начать разговор, как Лёлишна тихонько заперла:

— А в январе — январь,
В феврале — февраль,
В марте — тоже март,
В апреле — апрель...

И где-то в ноябре дедушка заснул. А Лёлишна ушла на кухню, села у окна.

Уже начинало светать.

Да, Эдуард Иванович сказал, что она уже взрослая, самостоятельная, может решать сложные жизненные вопросы. И предложил ей стать его ученицей. Но — дедушка. Он не может переезжать из города в город.

А в ушах Лёлишны звучал цирковой марш. Стоило закрыть глаза, как она видела залитую ослепительным светом арену... И если Лёлишна сейчас заплакала, то никто не видел.

И вот ФОКУС ГРИГОРИЯ РАКИТИНА!

Такого ещё никогда нигде не было!

ПРЕДПОСЛЕДНИЙ НОМЕР НАШЕЙ ПРОГРАММЫ!

Во дворе дома, где жили Владик с Ксенией Андреевной, с утра появились незнакомые люди. Они приехали на двух грузовиках. А в кузовах были всякие диковинные вещи:

какие-то мачты, колёса, разноцветные бочки, разноцветные доски...

— Что такое? — спросила Ксения Андреевна.

— Не знаю, — сказал Владик, хотя и знал, в чём тут дело, но обещал до поры до времени ничего не рассказывать маме.

А я вам сразу объясню. Незнакомые люди протянули через двор огромное полотнище. На нём было написано:

СЕГОДНЯ

*Цирк ШАПИТО даёт в этом дворе
представление в двух отделениях
для Ксении Андреевны Красновой*

Начало в
5 часов вечера

Приглашаются все!

Придумал это, как вы уже догадалась, Григорий Васильевич. Он рассказал своим друзьям артистам о Ксении Андреевне, и они согласились участвовать в представлении в свой выходной день.

Сами понимаете, что народу собралось видимо-невидимо. Сидели даже на крышах. Заполнили все балконы. И дело не в том, что представление было бесплатным. Дело в том, что оно было необычным.

Конечно, не все номера удалось показать. Например, нельзя было привести львов. Но всё остальное — как в настоящем цирке. Вместо звонка повесили колокол. Бом! Бом!

Оркестр заиграл марш. Вышел ведущий и сказал:

— Сегодня мы выступаем в необычной обстановке. Необычен сегодня и повод для нашего выступления. Представление мы посвящаем Ксении Андреевне Красновой, которую многие из вас, вероятно, знают. Из-за болезни она не смогла прийти в наш цирк. Мы пришли к ней!

Тут вышли все участники программы и хором сказали:

— Здравствуй, Ксения Андреевна!

— Ура! — закричали все зрители.

Ксения Андреевна сидела в кресле, которое вынесли на балкон.

— Итак, — сказал ведущий, — первым номером нашей программы...

И началось представление.

Почти каждый номер приходилось повторять — так здорово аплодировали зрители.

А после представления устроили танцы. А мальчишек и девочек катали на Аризоне. Весело было!

И вот —

ПОСЛЕДНИЙ НОМЕР НАШЕЙ ПРОГРАММЫ!

Вечерами, когда Эдуард Иванович был в цирке, ребята собирались у Лёлишны. Они играли в лото и домино, а больше — спорили. То есть не спорили, а ругали Лёлишну.

— Обзывать нельзя, — негодовал Виктор, — а то бы я тебя обозвал знаешь как?

— От такого дела отказываться! — вторил Владик. — Да если бы он меня взял! Я бы от радости выше дома подпрыгнул!

— Мне вот дрессировщиком быть нельзя, — мрачно говорил Петька, — я на арене уснуть могу.

А дедушка сидел весёлый-весёлый, изредка произносил:

— Ничего, ничего, всё будет в порядке.

Вечером пришёл Горшков. Сначала ребята его даже не узнали: он был в штатской одежде. Был он мрачен и даже немного зол.

— Ерундистика получается, — сказал он, молча выпив чашку чая без сахара. — Сплошное безобразие.

— А что? — спросили ребята и дедушка.

— Ужас, — ответил Горшков и залпом выпил пятый стакан чая без сахара. — Стыдно сказать, но почти каждый вечер я в цирк хожу. Добровольно.

— Да ну?! — поразились ребята и дедушка.

— Почти каждый вечер, — повторил Горшков, — а вернее, каждый свободный от работы вечер. Тянет меня туда. Понял я, в чём дело. Отдыхать в цирк народ ходит. Сил набираться для завтрашнего трудового дня. Сидит зритель, смотрит на Эдуарда Ивановича и думает: силён, значит, человек! Вон львов не боится, а я хулигана позавчера испугался. Тоже вроде бы воспитательная работа получается.

— Эх, вы! — с укором и сожалением бросил дедушка. — А я разлюбил цирк. Он чуть не разлучил меня с внучкой. Хорошо, что у неё феноменальная сознательность, а то бы... — Дедушка махнул рукой.

— Поясните, — попросил Горшков.

И тут ребята заговорили все разом.

— Молчать! — приказал Горшков. — Пусть она сама расскажет.

— Вы представляете... — начала Лёлишна.

Да, да, вы представляете? Цирк! Горят все огни. Оркестр играет марш, от которого трудно усидеть на месте. На арене клетка из железных прутьев.

Выходит ведущий и говорит:

«Выступает с группой дрессированных львов единственная в мире девочка-укротительница Лёлишна Охлопкова!»

— А она отказывается, — сказал Владик.

— Понятно, — сказал Горшков. — Тебе бы, Лёлишна, в милиции работать. Там такие люди очень нужны.

После его ухода ребята долго молчали.

— Ничего я не понимаю, — заговорил Петька. — Чего её хвалят? Девчонка она, конечно, ничего. А чего особенного?

— Особенного ничего, — сказал Виктор, — но ей, а не мне, тебе или ему предложил Эдуард Иванович стать его ученицей.

— Я, конечно, понимаю свою отрицательную роль в этой истории, — виновато сказал дедушка. — Но что поделаешь?

— Ничего, — ответила Лёлишна. — Всё равно я буду дрессировщицей. Когда-нибудь.

— И никогда не будешь на меня сердиться? — спросил дедушка.

— Никогда, — ответила Лёлишна.

Вот и всё.

Даже у самых толстых книг бывает конец.

И мы с вами добрались до конца «Лёлишны».

Мне осталось пожелать вам

счастливой жизни,

написать последнее слово

К О Н Е Ц

и

поставить

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПАРАД УЧАСТНИКОВ	4
ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ	23
ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ	75
ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ	125

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Давыдычев Лев Иванович

ЛЕЛИШНА ИЗ ТРЕТЬЕГО ПОДЪЕЗДА

Ответственный редактор И. Г. Одоевцева.
Художественный редактор В. В. Куприянов.
Технический редактор Т. С. Тихомирова.
Корректоры К. Д. Немковская и В. Г. Шишкина.

ИБ № 1916

Сдано в набор 31/VIII 1976 г. Подписано к печати 6/1
1977 г. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Печ.
л. 10. Усл. печ. л. 13. Уч.-изд. л. 8,61. Тираж 150 000 экз.
Заказ № 261. Цена 50 коп. Ленинградское отделение
ордена Трудового Красного Знамени издательства «Дет-
ская литература». Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6.
Фабрика «Детская книга» № 2 Росглаволиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров РСФСР по
делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

50 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“